

Кафедра истории древнего мира
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского

ANTIQVITAS IVVENTAE

Сборник научных трудов студентов и аспирантов

Под ред. Е.В. Смыкова и А.В. Мосолкина

Саратов 2010
Издательский центр «Наука»

УДК 9(37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43
А62

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

к.и.н. *А.В. Короленков*, асп. *В.А. Леус*,
к.и.н. доц. *А.В. Мосолкин* (науч. ред.),
асп. *Н.Е. Самохвалова*, к.и.н. доц. *Е.В. Сергеева*,
к.и.н. доц. *А.М. Сморгачев*, к.и.н. доц. *Е.В. Смыков* (науч. ред.),
к.и.н. доц. *А.А. Синицын* (отв. секретарь)

А62 **ANTIQUITAS IUVVENTAE**: Сб. науч. тр. студентов и аспирантов /
Под ред. *Е.В. Смыкова*, *А.В. Мосолкина*. – Саратов: ИЦ «Наука»,
2010. – 200 с.; илл.
ISBN 978-5-9999-0189-7

Издание содержит в основном материалы научной студенческо-аспирантской конференции, проводившейся на кафедре истории древнего мира СГУ 24–26 апреля 2009 г. В статьях молодых ученых рассматриваются различные аспекты истории древнего Востока, Греции, Рима и Северного Причерноморья. Третий раздел сборника составили работы, посвященные источниковедению и историографии античности.

Данный выпуск «Antiquitas iuventae» по счету пятый, юбилейный. По этой причине редколлегия решила опубликовать не только серьезные научные опыты молодых ученых, но и поместить в последний – пятый – раздел, названный «Varia jocosae», парадоксальные материалы.

Сборник адресован, в первую очередь, молодым исследователям – студентам и аспирантам, изучающим классическую древность; но он также может привлечь внимание (надеемся) «взрослых» ученых и вообще всех тех, кто искренне интересуется историей древнего мира и судьбой нашей науки, кто увлечен вечно юной и неизменно актуальной наукой об античности.

Работы изданы в авторской редакции

УДК 9(37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43

ISBN 978-5-9999-0189-7

© Кафедра истории древнего мира СГУ, 2010
© Коллектив авторов, 2010

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дорогой читатель, но, кажется, в основном все же писатель!

Такое странное обращение вызвано, главным образом, тем, что редколлегия затрудняется сказать точно, к кому именно надлежит обращаться в данном введении. Не только ограниченный тираж книжечки означает ту обидную истину, что она попадет лишь в руки тех, кто стал автором представленных ниже статей, но и узкий круг думающих об античности подразумевает, что эти самые *думающие* автоматически оказываются чаще всего и пишущими. Данное утверждение отнюдь не является выражением пессимистической позиции редколлегии, а всего-навсего печальной констатацией факта, что античность вновь «из моды вышла ныне».

Так ли уж это плохо? Так ли уж плохо то, что на уличных рекламных слоганах мы не прочитаем, что увидел свет новый и долгожданный эпос от Гомера, что культовый драматург Софокл написал продолжение блокбастера об Эдипе, что *paper-back writer* Апулей разродился очередным опусом о «превратностях любви»? Так ли уж плохо то, что утонченные юноши не станут демонстрировать друг перед другом свое знание диалогов Платона, а гламурные девочки не станут восхищаться виршами Катулла, полными любовной страсти? Так ли уж плохо то, что греко-римская древность, покрывшись патиной, предстает перед нами чуточку образцовым миром, миром, пусть и далеким от реальности, но хотя бы указывающим направление?

И кажется, что античность, взмахнув крылом, все дальше и дальше покидает нас. Все более и более изучение классических древностей становится уделом одиночек или небольших групп людей, которые давно знакомы друг с другом и пишут, по сути, друг для друга.

Главная причина такого процесса заключается в том, что исследования по классическим дисциплинам, с одной стороны, не имеют ярко выраженного утилитаризма, а с другой, они все же оперируют ограниченным количеством письменных источников. Последние, увы, вряд ли кардинально увеличатся в объеме: пока ничто не предвещает, что в руки ученых попадут новые книги Полибия или Тита Ливия, стихи Марциала или, например, вторая

часть «Поэтики» Аристотеля, та самая, в которой греческий мыслитель (а ведь он даже не был доктором философских наук!) рассуждал об искусстве комедии. А если к тому же учесть, что количество исследователей, которые занимались, занимаются сейчас и будут заниматься этими темами в грядущем, многократно превышает количество источников, то мы можем вообразить себе, как же тесно на этом ученом ристалище, где каждая новая надпись из нескольких букв становится объектом самого пристального внимания десятков высококвалифицированных специалистов (да простят нам такой канцелярит!), бурно продвигающих самые невероятные идеи, которые высказываются подчас лишь потому, что они еще не были высказаны никем.

Трудно, дорогой писатель, трудно!

Но стоит ли по такому поводу предаваться унынию? К счастью, глобально рассуждая, человечество занимается многими вещами не потому, что это выгодно, модно, престижно, а просто потому, что это кому-то интересно. Кому-то доставляет радость измерять радиус звезды, погасшей миллионы лет тому назад, кого-то увлекает проблема классификации червяка, найденного в кенийской саванне, кому-то интересно (представьте себе!) вести юридические дела и следить за финансовыми отчетами.

Вот *нам* интересно изучать памятники классической древности и рассуждать об античности. Увы, эти занятия не станут источником финансового не то, что обогащения, но даже преуспевания. И приходится с этим смириться. Но мы считаем своим долгом предупредить об этом будущих авторов «Ювенты», тех молодых людей, которые только еще приступают к изучению древнегреческого и латинского языков, которые через чтение Гомера и Плутарха проходят первый «обряд посвящения».

Читайте, друзья!

Редколлегия сборника надеется, что текущие заботы авторов не прервут нумерацию *Antiquitas juventae*, что «новые» начинающие исследователи смогут быть достойной сменой «старых» начинающих, которые стали уже постепенно обзаводиться надлежащими титулами и званиями. Но как «старые», так, надеемся, и «новые» авторы станут будить наши умы своими научными сомнениями.

Читайте, друзья, и пишите!

И в заключение скажем несколько слов о книжке, которую ты, добрый читатель-писатель, держишь сейчас в руках.

Этот сборник включает в основном материалы научной студенческо-аспирантской конференции, которая прошла на кафедре истории древнего мира СГУ 24–26 апреля 2009 г. Авторы статей рассматривают различные аспекты истории древнего Востока, Греции, Рима и Северного Причерноморья. Один из разделов посвящен источниковедению и историографии античности. Но – *nota bene!* – данный выпуск *Antiquitas juventae* необычный. Он пятый по счету, т.е. юбилейный. По этой причине редколлегия решила отступить от своих «строгих правил» - публиковать только т.н. серьезные научные опыты молодых ученых - и поместить в последний, пятый, раздел, названный *Varia jocosae*, материалы, которые могут показаться нашим верным читателям совершенно парадоксальными. Здесь можно найти две шуточные статьи, посвященные сугубо научной (и весьма актуальной ныне) проблеме «сноскологии». В этом же разделе помещены мемуарный очерк и небольшой художественный рассказ на античный сюжет, написанный одним из бывших студентов кафедры истории древнего мира Саратовского университета.

Юбилейный выпуск «Ювенты» мы посвящаем всем нашим состоявшимся авторам и нашим читателям, как начинающим исследователям – студентам и аспирантам, изучающим классическую древность, так и маститым ученым; всем тем, кто увлечен вечно юной и неизменно актуальной наукой об античности. И завершая это посвящение, мы пребываем в неизменной уверенности, что седая классика будет жива, *juvenes dum sumus!*

Редколлегия обращается к авторам с просьбой присылать статьи для следующего сборника *Antiquitas Juventae* не позднее 1 сентября 2010 г. по одному из адресов:

smykov@bk.ru (Евгений Смыков)

Напоминаем, что в Интернете вы можете посетить нашу страничку: www.antiquitas.narod.ru

Заходите!

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

БЫЧКОВА М.А. (САРАТОВ)

EX ORIENTE MYTHUS?

(К проблеме ближневосточного влияния
на «Теогонию» Гесиода)

После публикации фрагментов хеттских мифов хурритского происхождения¹ европейский ученый мир испытывал шок, по своей силе сравнимый, пожалуй, только с тем, который он пережил в 1872 г. после сообщения Джорджа Смита об обнаружении им осколка таблички – аккадской версии библейской легенды о Великом Потопе, когда очевидное сходство новооткрытого текста с Ветхим Заветом вызвало широкий общественный интерес². В этот раз фрагменты хеттского мифа «О царствовании на небесах» так явно напоминали европейским исследователям хорошо известную «Теогонию» Гесиода, что с тех пор мысль о возможности влияния восточных текстов на греческого поэта не покидала многие ученые умы. Однако в случае с открытием Смита в пользу возможности влияния и заимствования свидетельствует то, что оба текста происходят из одного географического региона; между тем гесиодовская поэма и хеттский текст происходят из совершенно разной географической и культурно-исторической среды, да к тому же они отделены друг от друга значительным хронологическим промежутком. Однако все это не помешало тому, что параллель между «Теогонией» и хеттскими мифами стала почти хрестоматийной, а влияние ближневосточных мифологий на Гесиода признают практически все исследователи³.

Хеттская культура была создана в процессе слияния культурных достижений двух этнических групп – хаттских и индо-европейских племен – которые в результате взаимодействия обра-

---

¹ Впервые хеттские тексты опубликовал Э. Форрер (*Forrer E. Eine Geschichte des Götterkönigtums aus dem Hattireiche // Melanges F. Cumont. Bruxelles, 1936. S. 687 ff.*), но хрестоматийной стала публикация Г. Гютербока, работа которого вышла спустя 10 лет после публикации Форрера и была переведена сразу на несколько языков мира.

² Шумер: города Эдема. М., 1997. С. 26.

³ Если говорить об отечественной науке, то нам не известен ни один исследователь, который высказывал бы сомнение в этой параллели. Вот только один из последних примеров. А. Волков и Н. Непомнящий пересказывают миф «О царствовании на небесах» как по шаблону и ссылаются на Г. Гютербока по поводу сходства этого мифа с «Теогонией» Гесиода: «Ещё Ханс Гютербок указывал на сходство...» (Волков А., Непомнящий Н. Хетты. Неизвестная империя Малой Азии. М., 2004. С. 220).

зовали хеттский этнос. В ее формировании значительную роль сыграли лувийский и хурритский культурные элементы, а также сказалось влияние северо-сирийской и шумеро-аккадской культур. В новохеттский период (XIV–XIII вв. до н. э.) на хеттский язык были переведены многие произведения литературы других народов Ближнего Востока, в том числе и хурритские мифы. При сопоставлении с «Теогонией» Гесиода речь идет о хурритском повествовании, условно именуемом «О царствовании на небесах», в котором рассказывается о переходе власти от одного бога к другому. Как считает Г.Г. Гиоргадзе, это произведение (как и ряд других песен, имеющих мифологический характер) служит звеном, связывающим древние литературы Ближнего Востока с древнегреческой мифологической и поэтической традицией. Сюжет поэмы о смене четырех богов на небесах аналогичен, по мнению автора, рассказу Гесиода о переходе власти от Урана к Крону и от Крона к Зевсу⁴.

В хеттском тексте⁵ повествуется о том, что некогда на престоле сидел бог Алалу, который главенствовал над другими богами и даже сам могучий Ану находился у него в услужении. Но проходит определенное время (выражаемое эпическим циклом - девять веков), и Алалу свергается и лишается своего престола. Это осуществляет Ану, ближайший к нему в окружении и ранее подчинявшийся ему. По прошествии девяти веков после этого вновь происходит аналогичная борьба за престол: Ану стал сражаться с богом Кумарби, который ранее прислуживал ему точно так же, как некогда сам Ану прислуживал Алалу. Однако итог борьбы в этих случаях разный: Алалу просто бежит и скрывается от Ану, а Ану страдает от сильного увечья, нанесенного Кумарби. Кумарби не просто лишает Ану мужеской силы, он еще и проглатывает ее, по-видимому, чтобы Ану не произвел потомство «случайно». Но Ану проклинает своего соперника, наказывает Кумарби потомством от себя и предсказывает, кто должен родиться: бог грозы – Тешуб⁶, река Аранзах (хур-

⁴ Там же. С. 233.

⁵ Хеттский текст цитируется по изданию: Из цикла «О царствовании на небесах» / Перев. В.В. Иванова // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 246–247.

⁶ Тешуб вышел через череп Кумарби (Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 139; Немировский А.А. Малая Азия и Закавказье в древности // Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Древний Восток: Учеб. пособие для вузов. М., 2008. С. 360). П.А. Гринцер проводит параллель, что Крону, как и Кумарби, была предсказана гибель от собственного ребенка, и поэтому он сразу же глотал родившееся дитя, но вместо Зевса Рея дала ему спеленатый камень. Соответственно, в хеттском

ритское название Тигра) и бог Тасмису / Ташмишу. Г. Гютербок приводит окончание, из которого мы узнаем, что Кумарби выплюнул из своего рта слюну и перемешанную с ней мужественность, но, видимо, уже было поздно – он забеременел⁷. К сожалению, продолжение мифа не сохранилось, однако такие исследователи как О.Р. Герни, П.А. Гринцер, Г. Вильхельм⁸, да и вообще все ученые, признающие ближневосточное влияние, не сомневаются в том, что Тешуб боролся за власть с Кумарби и в конечном счете победил его.

В поэме Гесиода интересующая нас параллель появляется не сразу, а лишь после вступления и рассказа о появлении первых космических существ – Хаоса, Геи, Эреба, Ночи, Тартара. В дальнейшем события развиваются так:

*Гея же, прежде всего, родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов
всблаженных...⁹*

Разделивши ложе с Ураном, Гея родила еще множество божеств, из которых для нашей темы имеет значение только один персонаж, Крон. Именно он откликнулся на просьбу матери отомстить Урану-Небу за то, что тот отправлял каждого новорожденного ребенка в недра Земли. Крон, подкравшись незаметно, оскопил Урана железным серпом, изготовленным Геей. Из отсеченного члена на землю упали капли крови, из которых через какое-то время появились на свет Эринии, Гиганты и Мелийские нимфы¹⁰. Сам

мифе, несмотря на неясность текста, по мнению П.А. Гринцера, в рождении потомства Ану принимает участие земля, поскольку Кумарби изрыгнул семя Ану на землю, а Крон, захотевший проглотить своего сына, получает нечто твердое (Гринцер П.А. Две эпохи литературных связей // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971. С. 25–26).

⁷ Гютербок Г.Г. Хеттская мифология // Мифология древнего мира. М., 1977. С. 180–181.

⁸ Герни О.Р. Хетты. Разрушители Вавилона. М., 2002. С. 235; Гринцер П.А. Указ. соч. С. 25; Вильхельм Г. Древний народ хурриты. Очерки истории и культуры. М., 1992. С. 102.

⁹ Hes. *Theog.* 126–128. Здесь и далее Гесиод цитируется в переводе В.В. Вересаева.

¹⁰ Появление именно этих существ современными интерпретаторами объясняется таким образом, что Эринии – это богини-мстительницы, которые, вполне естественно, возникают в результате направленного против отца преступления. Что касается гигантов и мелийских нимф, то они, вероятно, связаны с дальнейшим появлением на земле людей, которые либо возникли из ясеня, с которым связаны мелийские нимфы (так говорится, например, в схолиях к «Илиаде»), либо родились из крови гигантов (например, у Ликофрона и Ови-

же детородный орган Урана упал в море и из пены, взбитой вокруг него, родилась Афродита. Дальнейшая параллель к хеттской мифологии, как считается, дается рассказом о браке Реи и Крона, плодами коего стали олимпийские боги, которых Крон проглатывал одного за другим¹¹. Как известно, этой участи избежал один Зевс, вместо которого Рея подала мужу камень. Зевс, божество, связанное с грозой, возмужав, хитростью заставляет отца изрыгнуть своих братьев и сестер, а затем в результате титаномахии лишает власти в мире Крона и других титанов.

Считается, что параллели в данном случае дают сами образы богов, которые являются главными действующими лицами этих двух сюжетов. Поэтому, прежде всего, посмотрим, что нам о них известно. В качестве первого царя на небесах хеттско-хурритский текст называет *Алалу*. Этот персонаж остается в значительной степени загадочным: о нем нет никаких данных, кроме упоминания в этом произведении¹². Кроме того, бог, именуемый Алалу, засвидетельствован в вавилонском перечне богов в качестве одного из предков Ану¹³. Таким образом, он является богом-предком, и, как

дия). См.: West M.L. Hesiod Theogony. Edited with Prolegomena and Commentary. Oxf., 1966. P. 221.

¹¹ Крон, проглатывающий детей, давно стал предметом дискуссий, пытающихся объяснить, откуда взялся этот странный и такой «не эллинский» мотив. Р. Грейвс полагает, что в мифе отражено древнее представление, согласно которому царям разрешалось царствовать в течение великого года, причем вместо них в жертву ежегодно приносился мальчик. Поэтому Крон, чтобы избежать низложения, изображается пожирающим своих детей (Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 27). С другой стороны, указывают на карфагенские параллели. Греки ассоциировали Крона с карфагенским Баалом-Хаммоном (Diod. XIII.86.3), которому приносились человеческие жертвы. По большей части этими жертвами были дети из аристократических семей. По антропологическим данным, 85% останков этих жертв было моложе шести месяцев. Жертву сначала умерщвляли, а потом сжигали на руках статуи бога, причем действие происходило ночью под звуки флейт, лир и тамбуринов. В первое время существования Карфагена такой обычай не соблюдался и зафиксирован только с рубежа VIII–VII вв. до н.э., до этого жертвовались лишь животные. Однако появление в это время человеческих жертвоприношений связывают с новым наплывом иммигрантов из Тира, метрополии Карфагена, и возрождением древней тирийской традиции (Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1987. С. 180). При этом остается вопрос: возникло ли гесиодовское представление о пожиравшем детей Кроне под влиянием дикого финикийского обычая, или греки просто отождествили Баал-Хаммона с Кроном из-за сходства уже существовавших финикийского ритуала и греческого мифа?

¹² Иванов В.В. Хеттская мифология // МНМ. Т. 2. С. 592; Хачикян М.Л. Хурритская мифология // Там же. С. 608.

¹³ Гютербок Г.Г. Указ. соч. С. 180–181.

предположил И.М. Дьяконов, возможно, помимо этого он еще и бог злаков, хлеба¹⁴.

Вторым богом является *Ану* (аккадск.) или *Ан* (шумерск.), «Небо» – божество, известное в мифологии и религии Месопотамии с древнейших времен. В шумеро-аккадской мифологии он был одним из центральных божеств; его постоянным титулом был титул «отец богов». Его имя входило в ряд царских теофорных имен в Уре и Уруке и первоначально символизировало высшую власть¹⁵. Однако постепенно он утрачивает активную роль в культе, уступая ее богам младших поколений, и в дошедших до нас текстах для него более всего характерна пассивность и бездеятельность, «он почти нигде не является главным действующим персонажем мифа, но скорее лишь символом власти»¹⁶.

Кумарби (хурритск. *Кумарве*) считался предком хурритских богов. В сущности, это было божество безымянное, так как имя Кумарве означает «(божество) из Куме» - культового центра хурритов в курдистанских горах, близ нынешней турецко-иранской границы¹⁷. Он был сыном Ану и отцом Тешуба, отождествлялся с Дагоном, Илу и шумеро-вавилонским Энлилем (Эллилем)¹⁸. Его почитали как бога зерна и в хеттских источниках он часто именуется «зерно»¹⁹.

Тешуб – хуррито-урартский бог грозы, имя которого, возможно, происходит от хеттского глагола со значением «ударять, поражать»²⁰. В результате распространения культурного влияния хурритов на хеттов у последних широко распространились мифы о Тешубе и обрядовые изображения его самого (в частности, в образе быка²¹) и его свиты²².

¹⁴ Дьяконов И.М. Указ. соч. С. 138, 146.

¹⁵ Leick G. A Dictionary of Ancient Near Eastern Mythology. L.; N.Y., 1991. P. 5.

¹⁶ Афанасьева В.К. Ан // МНМ. Т. 1. С. 75. Месопотамские мифологии здесь не исключение. Бог Неба как «праздный бог» (*deus otiosus*) – явление очень распространенное в мифологиях народов мира. Он повсеместно чтится как бог старший, но не вмешивающийся в дела мира (см.: Брагинская Н.В. Небо // МНМ. Т. 2. С. 208).

¹⁷ Янковская Н.Б. Культура хурритов // История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. М., 1989. Кн. 1: Ранняя древность. С. 195.

¹⁸ Leick G. Op. cit. P. 100.

¹⁹ Хачикян М.Л. Кумарби // МНМ. Т. 2. С. 28.

²⁰ Leick G. Op. cit. P. 157.

²¹ См.: Элиаде М. История веры и религиозных идей. М., 2002. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий. С. 295. Бык вообще является одним из

Теперь обратимся к греческим богам. Ряд поколений здесь открывает *Уран* (греч. «Небо») – божество, олицетворяющее небо; его родила Гея и вступила с ним в брак, в результате которого родилось множество божеств, горы, море Понт и др.²³. Уран обладал бесконечной плодовитостью, поэтому его также отчасти можно назвать «отцом богов». Как персонаж мифа он встречается лишь в «Теогонии» Гесиода. Важно отметить, что он проклинает титанов (Hes. *Theog.* 207–210), одним из которых является Крон, оскопивший его.

Крон – сын Урана и Геи, один из титанов. Этимология его имени неясна. Еще в XIX в. при изучении греческой теогонии Л. Преллер, пересказав гесиодовский сюжет о смене поколений богов, интерпретировал образ Крона, связав его с глаголом *κράινω* в значении «созревать, зреть, заканчивать». Отсюда, по его мнению, месяц и праздник урожая в разных областях Греции назван *Κρόνια*²⁴. В. Фаут считает, что греческая этимология имени *Κρόνος* может происходить либо от его сущности как бога посева и урожая, либо от его положения как царя богов, либо от представлений о нем как о предшествующем возникновению мира боге *всего*; с другой стороны, если принять догреческие пеласгические толкования – это и господин высоты²⁵. В целом вопрос об этимологии его имени и статусе в мире греческих богов еще далеко не решен. Как подчеркивает М. Вест, имя его необъяснимо и почти наверняка не греческое; у нас нет свидетельств о его изначальной природе, а все его очевидные характеристики и атрибуты происходят от его положения как отца и предшественника Зевса²⁶.

Наконец, *Зевс* – верховное божество, отец богов и людей, глава олимпийских богов; он исконно греческое божество, и, что важно в данном случае, он «громовержец». Кроме того, В.Г. Борухович показал, что первоначально Зевс в образе быка почитался еще мийцами на Крите; многочисленные пережитки этого сохранились

главных атрибутов и символов бога грозы на Ближнем Востоке. См.: *Leick G.* Op. cit. P. 164.

²² *Иванов В.В.* Тешуб // МНМ. Т. 2. С. 505.

²³ *Лосев А.Ф.* Уран // МНМ. Т. 2. С. 549.

²⁴ *Preller L.* Griechische Mythologie. B., 1872. Bd. 1. S. 44.

²⁵ *Fauth W.* Kronos // КР. 1964. Bd. 1. Sp. 356.

²⁶ *West M.* Op. cit. P. 204–205. О других возможных этимологиях имени см.: *Room A.* Who's Who in Classical Mythology. N.Y., 1997. P. 104.

в мифологии и религиозной обрядности эпохи классики²⁷. Это наблюдение является важным для нашей темы, поскольку Крит служил своеобразным мостом между цивилизациями древнего Ближнего Востока и материковой Грецией. Однако, справедливости ради, отметим, что данных о том, что минойский бык был как-то связан с грозой, у нас нет.

Итак, какие параллели между хеттским текстом «О царствовании на небесах» и греческой «Теогонией» Гесиода отмечают исследователи? Во-первых, очевидно, что Ану и Уран полностью соответствуют друг другу по своим функциям: имена обоих богов переводятся как «небо», оба бога являются пассивными персонажами в мифологии, оба могут претендовать на звание «отец богов» (хотя за Ураном оно не закреплено текстуально). Кроме того, оба бога проклинаят свергнувших их сыновей, предсказывая им будущее отщепенство.

Во-вторых, Кумарби и Крон также прекрасно соотносятся: обоих называют, как и их отцов, «отцами богов», оба бога лишают детородного органа своих отцов²⁸, оба проглатывают и изрыгают свое потомство (Крон проглатывает и изрыгает своих детей, а Кумарби – детородный орган Ану). Если же принять этимологию, связывающую имя Крона с урожаем и созреванием, то его аналогия с Кумарби, который часто именуется «зерно», делается еще более очевидной.

В-третьих, бог Тешуб и Зевс также соответствуют друг другу: оба являются богами грозы, оба в культовых действиях связаны с быком (хотя для классического Зевса эта связь носит рудиментарный характер), оба сражаются с порождением от отца/матери (Улликумми/Тифон) и побеждают. А.И. Зайцев еще больше сближает Зевса и Тешуба, утверждая, что именно с Востока проникло в Грецию изображение перуна в виде стилизованного двойного топора,

²⁷ *Борухович В.Г.* Зевс минойский (следы культа верховного критского божества в греческих мифах и религиозных обрядах) // АМА. 1979. Вып. 4. С. 3–26.

²⁸ Возможно, что то, как происходит оскопление в хеттском мифе, отражает очень глубокую древность сюжета. Оно здесь осуществляется зубами, любопытную параллель к чему можно привести из жизни аборигенов Австралии. Описывая обряды инициации, один из них рассказывает: «Тогда я ещё не знал, что теперь обрезание было сравнительно безболезненной и даже гигиенической операцией по сравнению с тем, как оно производилось до прихода белого человека: среди его даров оказалось острое лезвие бритвы. А вот отцу обрезание делали камнем, деда же оперировал «хирург», действовавший зубами» (*Локвуд Д. Я – абориген.* М., 1971. С. 25–26).

с которым изображался Тешуб²⁹, и который в Греции относится, прежде всего, к Зевсу³⁰.

Таким образом, параллели между поэмой Гесиода и хеттским текстом кажутся вполне очевидными. Однако прежде, чем рассматривать вопрос о наличии или отсутствии у Гесиода ближневосточных влияний и заимствований, необходимо ответить на несколько вопросов:

1. В чем конкретно заключается заимствование?

2. Если заимствование было, то *как* оно осуществлялось, каким образом текст, принадлежащий другому времени и иной культуре, преодолел хронологические, географические и культурные границы? Известный отечественный специалист в области древней литературы и мифологии северных народов М.И. Стеблин-Каменский полагает, что вопрос о влиянии можно поднимать лишь тогда, когда между данными народами мыслимы исторические связи и можно выдвинуть гипотезу о заимствовании или миграции некоего мифа или мотива. Но, обладая большей эрудицией, можно найти параллель к соответствующему мифу или мотиву у народа, исторические связи которого с данным народом немыслимы, тогда следует предполагать параллельное развитие или стадияльное сходство, в силу которого данный миф или мотив с необходимостью должен возникнуть на данной стадии развития сознания³¹. С данным утверждением не согласится трудно, и в связи с этим встает следующий вопрос:

3. Является ли заимствование единственно возможным объяснением имеющихся совпадений или же можно допустить иные истолкования, не требующие признания заимствований?

Конечно, материал, с которым мы имеем дело, очень своеобразный, и любой ответ на поставленные вопросы будет лишь предположительным. Поэтому, несмотря на то, что слова эти высказаны уже очень давно, остается верным замечание исследователя миной-

²⁹ Зайцев А.И. Греческая религия и мифология: Курс лекций / Под ред. Л.Я. Жмудя. СПб.; М., 2005. С. 73. Среди атрибутов ближневосточных богов-громовержцев (шумерский Ишкур, хурритский Тешуб, урартский Тейшеба), хорошо известных по изображениям, есть двойной топор (или молот), а их священным животным является бык (Дьяконов И.М. Указ. соч. С. 142).

³⁰ См. о ритуальном значении двойного топора: Борухович В.Г. Указ. соч. С. 14–15. Однако происхождение самого этого образа могло и не быть связанным с грозой и ее богом. Ср.: Андреев Ю.В. От Евразии к Европе. Крит и эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002. С. 241, 247–249.

³¹ Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976. С. 13–14.

ско-микенской религии Ш. Пикара: «Современная стадия исследования греческой религии все еще остается областью возможного, или же, в тех случаях, когда исследователя ожидают наибольшие удачи, – областью правдоподобного»³².

Рассмотрим для начала, какие аргументы приводят исследователи в пользу влияния мифологических представлений ближневосточных народов на поэму Гесиода? Главный из них, конечно, поразительная аналогия между сменяющимися друг друга богами. Так, о том, что хеттские мифы «напоминают аналогичные тексты у Гесиода», упоминает Дж. Маккуин³³. Г.Г. Гиоргадзе считает, что сюжет хеттской поэмы о смене четырех богов на небесах аналогичен рассказу Гесиода о переходе власти от Урана к Крону и от Крона к Зевсу³⁴. Правда, здесь сразу же возникает трудность: хеттских поколений четыре, а греческих поколений три. На ее преодоление затрачиваются значительные усилия, причем выдвинуто множество самых остроумных конструкций и гипотез.

Отсутствие у Гесиода поколения, соответствующего хеттскому Алалу, отмечал уже Г. Гютербок³⁵. Он выходит из положения, указывая на параллели, существующие между хеттским мифом, «Теогонией» Гесиода и финикийской мифологией в том виде, в котором она представлена в рассказе Филона Библиского. Этот обзор финикийской мифологии Филон приписывает некоему Санхунйатону, составившему его на финикийском языке. Сам Филон выступает в качестве переводчика этой теогонии на греческий язык. На основании сопоставления этих текстов, Г. Гютербок строит такую последовательность:

1. Финикийский Элийун и греческий Гипсис («Высший») соответствуют Алалу;
2. Греческий Уран («Небо»), и бог, финикийское имя которого не переводится, соответствуют Ану;

³² Цит. по: *Борухович В.Г.* Указ. соч. С. 26.

³³ *Маккуин Дж.Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С. 144.

³⁴ *Гиоргадзе Г.Г.* Ранняя Малая Азия и Хеттское царство // *История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой.* М., 1989. Кн. 1: Ранняя древность. С. 233. М. Нильссон также считает бесспорным сходством соответствия Ану - Урану, Кумарби - Крону, Тешуба - Зевсу. Но при этом он, с одной стороны, отмечает отсутствие соответствия Алалу. С другой стороны, считая возможным влияние хеттского мифа на сюжет, касающийся Крона, он не считает этот миф его источником, так как в нем не хватает важнейшей части греческого мифа – отделения неба от земли (*Nilsson M.P.* *Geschichte der griechischen Religion.* 2. Aufl. München, 1955. Bd. 1. S. 515–516).

³⁵ *Гютербок Г.Г.* Указ. соч. С. 180–181.

3. Финикийский Эл и греческий Крон соответствуют Кумарби;
4. В другом месте Ба' ал-Хадад упомянут как главный бог, соответствующий Тешубу и Зевсу³⁶.

Эта интерпретация во многом зависит от того, как оценивать Санхунйатона и его переводчика. Венгерский академик И. Тренчени-Вальдапфель считал, что свой вариант мифа о сменяющихся друг друга поколениях богов Филон заимствовал из финикийского источника, стоящего во многих отношениях ближе к восточным источникам, чем поэма Гесиода³⁷. Однако по причине неполноты и отрывочности дошедшей до нас книги финикийца, в истории ее создания и содержании много неясного. И.Ш. Шифман рассматривает Санхунйатона как мифического составителя наподобие библейского Моисея и, не отрицая возможности воспроизведения Филоном Библиским доэллинистической традиции, оставляет открытым вопрос о том, просто ли он переписывал сочинения своих предшественников или развивал их мысли на свой лад³⁸.

Крупнейший отечественный востоковед Б.А. Тураев был убежден, что Санхунйатон – фикция, придуманная Филоном для большего авторитета его произведения. В то же время эта фикция опиралась на имя, пользовавшееся известностью и, вероятно, это было имя какого-нибудь финикийского мудреца. Правда, как отмечает исследователь, в классической литературе нет свидетельств о Санхунйатоне более древних, чем рассказ Филона, но они едва ли и могли бы быть при отсутствии знакомства греков с финикийским

³⁶ Там же. Мнение Гютербока принимает и В. Фаут, который считает, что хеттская четверка: Алалу, Ану, Кумарби и Тешуб точно соответствует очередности Элиум – Уран, Эл – Крон, Демарус в финикийской теогонии Санхунйатона (*Fauth W. Op. cit. Sp. 358*).

³⁷ Тренчени-Вальдапфель И. Гомер и Гесиод. М., 1956. С. 29. М.Г. Джеймсон пишет: «В ханаанейском мифе, сообщенным Филоном, Эл–Крон оскопляет небо, и кровь, и отрезанные части тела попадают в источники и реки» (*Джеймсон М.Г. Мифология древней Греции // Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 273*). Это, по его мнению, свидетельствует в пользу заимствования греками ближневосточных мифологических мотивов, которые послужили катализаторами для собственной мифологической мысли греков. Сходные суждения высказал и У. Гатри: греки имели обыкновение придавать свой собственный, эллинский, поворот более древнему или позаимствованному мифологическому материалу, и те истории, которые они узнали на Востоке, могли быть только основой для той формы, в которой они выразили память о своей собственной сложной истории (*Guthrie W.K.C. The Religion and Mythology of the Greeks // САН². 1975. Vol. 2. Pt. 2. P. 892*).

³⁸ Шифман И.Ш. Угаритско-финикийская литература // История всемирной литературы. М., 1983. Т. 1. С. 130–137.

языком³⁹. Необходимо учитывать и то, что свой труд Филон написал в I–II вв. н. э., стремясь включить финикийскую мифологию в общеэллинистическую систему. Поэтому версию о финикийском посредничестве в передаче хеттского мифа можно отвергнуть как очень маловероятную. Однако в любом случае центральный вопрос остается: откуда наличие четырех поколений богов в финикийской традиции? Была она посредником или нет, никак не объясняет, почему у Гесиода осталось только три поколения. Никакого Гипсиса Гесиод, естественно, не знает.

В.Г. Ардзинба, пытаясь свести концы с концами, вводит в греческий ряд Океан. Таким образом, последовательная смена богов Алалу – Ану – Кумарби – Тешуб представлена в греческом мифе как [Океан] – Уран – Крон – Зевс⁴⁰. Однако здесь он произвольно соединяет гомеровскую и гесиодовскую космогонии. Гомер и в самом деле считал, что Океан является родителем всех богов⁴¹, но у Гесиода эти представления не нашли никакого отражения.

П.А. Гринцер⁴² добавляет к последовательности Гютербока параллель с шумеро-аккадской мифологией. Результат получается следующий:

	<i>Шумеро-аккадцы</i>	<i>Хетто-хурриты</i>	<i>Финикийцы</i>	<i>Греки</i>
<i>Первое поколение</i>	Алалу (?)	Алалу	Элиун (Гипсис)	-----
<i>Второе поколение</i>	Ану	Ану	----- (Уран)	Уран
<i>Третье поколение</i>	Энлил	Кумарби	Эль (Крон)	Крон
<i>Четвертое поколение</i>	Мардук	Тешуб	Ваал (Бел-Зевс)	Зевс

Здесь, по крайней мере, не делается произвольных допущений, и первое восточное поколение богов честно оставлено без грече-

³⁹ Тураев Б.А. Отрывки финикийской космогонии и мифологии Филона Библиского // Финикийская мифология / Под общ. ред. Ю.С. Довженко. СПб., 1999. С. 80.

⁴⁰ Ардзинба В.Г. Послесловие // Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С. 178.

⁴¹ Подборку гомеровских фрагментов космогонического характера см.: Лосев А.Ф. Теогония и космогония // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 686–687.

⁴² Гринцер П.А. Указ. соч. С. 26.

ского соответствия. Это, однако, не мешает исследователю признавать, что у нас есть свидетельства ближневосточного происхождения «Теогонии». Во-первых, он все-таки настаивает на соответствии шумеро-аккадских, хетто-хурритских, финикийских и греческих богов (и это при отсутствии у греков первого поколения, что является важнейшим отличием!). Во-вторых, появление в гесиодовской космогонии Эроса, не имеющего в восточной космогонии никаких аналогий, он объясняет тем, что данный бог был введен в начало поэмы по причине особого его культа на родине Гесиода, но далее Эрос не играет никакой роли в поэме. В-третьих, если исключить упоминания Тартара и Эроса, последовательность творения у Гесиода будет соответствовать библейской последовательности (однако при этом у Гесиода нет никакого намека на «дни творения», столь важные в книге Бытия). В-четвертых, ряд сходств с «Теогонией» обнаруживает вавилонский космогонический эпос «Энума элиш». И там, и там присутствуют старшее и младшее поколения богов, и там, и там роль мироустроителя выпадает младшему в семье богов, и там, и там есть мотив праматери, страдающей от того, что ее утроба переполнена рожденными ею существами⁴³. Однако все эти параллели носят чисто внешний характер, никаких совпадающих глубинных мотивировок за ними не стоит.

Итак, отсутствие первого поколения богов у Гесиода вполне очевидно, никакого соответствия хеттскому Алалу у него нет, и, как бы ни пытались его найти (Хаос, Океан или же Гипсис), это всего лишь произвольные натянутые предположения.

Но есть и другие совпадения. О.Р. Герни проводит сюжетное сопоставление не только смены правления богов греческого и хеттского мифов, но и мотивов оскопления небесного бога, проглатывания и выплевывания, а также упоминания о камне, который Кумарби проглатывает и который, по его мнению, соответствует дельфийскому омфалу. На таком основании исследователь заявляет, что это достаточно веские аргументы в пользу того, что оба мифа восходят к хурритскому прототипу⁴⁴. Тот факт, что хеттский миф восходит к хурритскому и даже, более того, к еще более ран-

---

⁴³ Там же. С. 23–26.

⁴⁴ Герни О.Р. Хетты. Разрушители Вавилона. М., 2002. С. 235.

ней месопотамской мифологии, является неоспоримым⁴⁵. Что же касается греческого мифа, то такой вывод представляется несколько поспешным.

Как подчеркивает Ч. Пенглас, для того, чтобы установить влияние или, по крайней мере, его вероятность, есть два основных шага. Первый – необходимо установить историческую возможность влияния: а) должны существовать связи между регионами, о которых идет речь – например, связи торговые и культурные (культурные контакты обычно следуют за торговыми путями); б) во время торговых и других контактов между двумя регионами должен в некоторой форме существовать необходимый литературный материал.

Второй шаг – параллели между мифами двух регионов должны соответствовать достаточно жесткому набору критериев: во-первых, параллели должны иметь сходные идеи, на которых они основываются; во-вторых, любые предположения о влиянии требуют, чтобы параллели были многочисленными, комплексными и детальными, с похожим концептуальным употреблением и, в идеале, они должны указывать на специфический миф или группу родственных мифов; в-третьих, параллели и их основополагающие сходные идеи в материале для сравнения должны включать центральные черты⁴⁶.

Известны два периода, когда Греция была особенно открыта для влияний Ближнего Востока, и оно существовало в торговых и культурных контактах. Первый период приходится на позднемикенское время, XIV–XIII вв. до н.э. Второй период интенсивных контактов, когда греки были особенно открыты ближневосточным культурам, приходится на первое тысячелетие, начинаясь, согласно

⁴⁵ Хурриты обитали в Северной Сирии и Северной Месопотамии и сильно повлияли на интенсивное развитие хеттской литературы. Это влияние началось ещё в эпоху Древнего царства (XVIII–XVI вв. до н.э.), но усилилось во время Среднехеттского царства (XV в. до н.э.) и Нового царства (XIV–XIII вв. до н.э.). По мнению В.В. Иванова, хурритский мифологический цикл оказал несомненное влияние и на древнегреческую литературу или на её мифологические основы. Для него очевидно сходство хурритских мифов в хеттском переложении с сюжетами, представленными у Гесиода в «Теогонии» (Иванов В.В. Хеттская литература // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 229–230). См. также: Хачикян М.Л. Хурритская мифология // МНМ. Т. 2. С. 608; Немировский А.А. Малая Азия и Закавказье в древности // Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. Древний Восток: Учеб. пособие для вузов. М., 2008. С. 359; Маккуин Дж.Г. Указ. соч. С. 144.; Дьяконов И.М. Указ. соч. С. 138.

⁴⁶ См.: Penglase C. Greek Myths and Mesopotamia. Paralleles and Influence in the Homeric Hymns and Hesiod. L.; N.Y., 1997. P. 4–6.

одному взгляду, примерно с 850 г., или, согласно другому, примерно с 800 г. до н.э. Эти два периода были эрами интенсивных контактов, которые предполагали устройство греческих перевалочных пунктов на Ближнем Востоке⁴⁷.

Каким же образом мог Гесиод знать хеттские тексты? На этот вопрос все ученые отвечают по-разному, но в то же время однотипно. Для Г. Вильхельма пути, по которым могла идти передача этого мифа, остаются неясными, но он предполагает, что знакомство могло осуществиться либо в силу малоазиатского происхождения отца Гесиода, либо через посредство греко-финикийских культурных связей⁴⁸. При этом он никак не аргументирует ни первую, ни вторую возможности. Однако зададимся вопросом: может ли происхождение отца поэта с Востока автоматически означать знание текстов, возраст которых к этому времени составлял приблизительно 500 лет и которые принадлежали уже не существовавшей в тот момент цивилизации? Налицо явная натяжка. Что касается финикийского посредничества, то оно тоже остается лишь предположением, в пользу которого невозможно привести ни одного неопровержимого аргумента. Хотя И. Тренчени-Вальдапфель указывает даже на то место, где Гесиод мог познакомиться с финикийской традицией⁴⁹, но у нас нет никаких данных о заимствовании финикийцами хеттских сюжетов, и, как было показано выше, произведение Филона Библского здесь вряд ли может выступать в качестве авторитетного источника⁵⁰.

⁴⁷ О связях архаической Греции с миром ближневосточных государств см.: *Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 119–167; *Браун Т.-Ф.-Р.-Г.* Греки на Ближнем Востоке // Кембриджская история древнего мира. М., 2007. Т. 3. Ч. 3: Расширение греческого мира. VIII–VI вв. до н.э. С. 20–46.

⁴⁸ *Вильхельм Г.* Указ. соч. С. 102–103.

⁴⁹ По его мнению, в результате своего пребывания на Эвбее поэт согласовал восточный миф о поколениях богов, сменяющих друг друга, и миф о «золотом веке», который взят из других восточных источников (*Тренчени-Вальдапфель И.* Указ. соч. С. 30–31). На значение того факта, что Гесиод ездил в Халкиду на Эвбее на состязание рапсодов, указывает и А.И. Зайцев (*Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985. С. 42).

⁵⁰ Тем не менее, уже В. Форрер считал возможным усвоение греками традиции, широко бытовавшей в Малой Азии, которая находилась раньше под господством хеттов; финикийское посредничество подразумевает и Г. Гютербок (см.: *Тренчени-Вальдапфель И.* Указ. соч. С. 29–30).

Обобщая высказанные разными исследователями мнения, П.А. Гринцер приводит несколько вариантов интерпретации, предполагающей возможность заимствования:

1. Заимствование греками древневосточных мифов непосредственно от хеттов еще в микенскую эпоху.

2. Наследование мифа от хеттов фригийцами, а от фригийцев жителями греческих колоний малоазийского берега в VIII–VII вв. до н.э. При этом важное значение имеет тот факт, что отец Гесиода происходил из малоазийских Ким, и, значит, сам поэт был тесно связан с этим географическим регионом.

3. Версия о посредничестве финикийцев между хеттами и греками, которую принимает большинство специалистов⁵¹.

Легко заметить, что все эти версии носят гипотетический характер. Какое количество натяжек требуется, чтобы свести в гипотезе, предполагающей заимствование, концы с концами, можно проиллюстрировать на примере исследования одного из крупнейших отечественных специалистов в изучении контактов Греции и Востока – В.П. Яйленко. Он пишет: «Еще один источник гесиодовской «Теогонии» вскрыл Вяч. Вс. Иванов. Он обратил внимание на текстуальное сходство орфического варианта «Теогонии», а именно рассказа о борьбе богов, с хеттской версией той же мифологемы»⁵². Здесь сразу же необходимо задержаться, чтобы поставить простой вопрос: как может служить источником поэмы Гесиода (VIII–VII вв. до н.э.) упоминаемый здесь «орфический вариант»? Речь идет о так называемом «папирусе Дервени»⁵³, найденном в 1962 г. при раскопках в Дервени близ современных Фессалоник⁵⁴. Этот текст записан на папирусе, относящемся к концу IV в. до н.э., а составлен он не ранее начала того же столетия⁵⁵. Таким образом, мы имеем здесь дело с поздним текстом, часть которого испорчена; при этом его автор был знаком с поэмой Гесиода, который к тому времени уже стал для греков классиком. Так что ни о каком «источнике» речь здесь идти не может.

⁵¹ Гринцер П.А. Указ. соч. С. 29–30.

⁵² Яйленко В.П. Указ. соч. С. 219.

⁵³ Русский перевод А.В. Лебедева см. по изд.: Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. С. 46–47.

⁵⁴ West M.L. The Orphic Poems. Oxf., 1983. P. 75.

⁵⁵ Ibid. P. 77.

Далее. О каком именно текстуальном сходстве идет речь? В.П. Яйленко приводит текст богазкейской таблички: «когда бог Кумарби (у) бога Ану откусил мужское естество» (перев. Л.С. Баюн) и греческий текст: [Зевс] *aidoion katepinen hos aithera echthore protos* («проглотил срамную часть [своего противника], который первым выпрыгнул в эфир»). Самое существенное, с его точки зрения, – это лексическая одинаковость слова *katepinen* греческой версии с *kat-ta-ṣa as-ta* хеттской (они имеют одинаковый предлог *kata*), а также наличие в тексте слова *aidoion* – эквивалента хеттского *LU-na-tar*. Это, как полагает исследователь, указывает, что греческий текст является переводом хеттского. Так как хеттский текст датируется XIII в. до н.э., то, вероятно, Гесиод, творивший на рубеже VIII-VII вв. до н.э., мог знать его только через пересказ, а не через перевод⁵⁶.

Конструкция эта не лишена стройности, но она полностью разбивается, если учесть несколько моментов. Во-первых, в отличие от гесиодовской «Теогонии» здесь глотают не Зевса, но глотает сам Зевс. Таким образом, при условии заимствования у хеттов, глотающим должен бы был оказаться не Кумарби, а Тешуб. Во-вторых, что именно проглатывается? И здесь оказывается, что употребленное в тексте слово *αἰδοῖον* соотносится с местоимением мужского рода и является эпитетом первородного божества – Протогена⁵⁷, которого Зевс и глотает, принимая вместе с оным в себя его мощь⁵⁸. Таким образом, и «текстуальное сходство» постулируется достаточно произвольно.

Следует отметить еще одну мысль В.П. Яйленко. Он выражает солидарность с мнением, согласно которому нет смысла устанавливать время и место заимствования той или иной мифологемы, но следует задуматься о переносе мифологического комплекса в целом. Поэтому и систематичность «Теогонии» Гесиода он считает «безусловно, наваянной систематичными мифологическими циклами Ближнего Востока»⁵⁹. Но что же в таком случае остается от гре-

⁵⁶ Яйленко В.П. Указ. соч. С. 219–220. Попутно отметим, что самого Гесиода В.П. Яйленко именует «беотийским поэтом-жрецом» (там же. С. 220), что противоречит биографическим сведениям об этом авторе, которые донесла до нас античная традиция.

⁵⁷ West M.L. The Orphic Poems. P. 85.

⁵⁸ А.В. Лебедев точно переводит это место на русский язык следующим образом: «бога славного, почтенного (*αἰδοῖον*) проглотил, который первым произошел на свет» (Фрагменты ранних греческих философов. С. 46).

⁵⁹ Яйленко В.П. Указ. соч. С. 220.

ческого мифа и индивидуального творчества Гесиода? Доведенная до логического завершения, мысль В.П. Яйленко может вообще не оставить место для какой-либо греческой специфики.

Итак, в вопросе о возможных путях передачи хеттского текста Гесиоду царит полная разногласия. Не меньше расхождений и в вопросе о времени заимствования. Несмотря на то, что более или менее четко зафиксированы эпохи интенсивных контактов Востока и Греции, остановить свой выбор на какой-либо дате невозможно по причине отсутствия у исследователей аргументов, обладающих неопровержимой доказательной силой.

Предположение о заимствовании в микенскую эпоху кажется наиболее невероятным, поскольку в «темные века» у греков отсутствовала письменность и передача текста была невозможна⁶⁰. Кроме того, для самого микенского времени мы не знаем никаких памятников письменности, кроме хозяйственной документации. Для заполнения хронологической лакуны остается вариант устной передачи традиции, которую греки могли усвоить еще в период ахейских контактов с Востоком, на что справедливо указывает П.А. Гринцер⁶¹. Пожалуй, это могло бы быть приемлемым объяснением, особенно учитывая наличие в поэме Гесиода несомненных черт, указывающих на устное творчество. Однако здесь стоит перевести вопрос в другую плоскость: на сходство текстов внимание обращалось неоднократно, а какие различия существуют в характере интересующих нас источников и в их содержании? А в случае наличия таких расхождений – что доминирует в интересующих нас текстах? Поэтому необходимо присмотреться внимательнее к фактической стороне дела.

1. Прежде всего, хурритско-хеттский текст и поэма Гесиода имеют принципиально разный характер. Восточные мифологиче-

⁶⁰ И.Е. Суриков считает, что в период «темных веков» греки Кипра никогда не забывали письменности – значит, и остальные греки, как минимум, имели представления о её существовании (Суриков И.Е. Рождение «греческого чуда»: восточные влияния и самобытность в архаической Элладе // Античная история и классическая археология. М., 2006. Вып. 2. С. 83). Однако в данном случае речь идет не о письменности вообще, а о наличии текстов литературного или исторического характера. Первым же таким текстом, дошедшим до нас, являются произведения Гомера, пусть даже записаны они были гораздо позже.

⁶¹ Гринцер П.А. Указ. соч. С. 31. А.А. Немировский также полагает, что заимствование шло устным путем, через многозвенный пересказ, прежде чем миф попал к грекам и был ими воспринят (Немировский А.А. Указ. соч. С. 361).

ские тексты, связанные с деятельностью богов, имели характер сакральный и ритуальный. Например, вавилонская поэма о творении «Энума элиш» декламировалась на четвертый день вавилонского новогоднего праздника (akītu)⁶². Подобным же образом хеттская история поединка между богом грозы и змеем Иллуянке оглашалась во время хеттского новогоднего праздника⁶³. Поэмы же Гесиода – это произведения вполне светской литературы, искать в них следы использования при исполнении древних ритуалов бессмысленно.

2. Если допустить заимствование в XIII в. до н.э. или около того, то встает вопрос о степени распространенности интересующего нас хеттского текста. Как отмечает Т. Брайс, мифы чужеземного происхождения проникали в хеттский мир в результате деятельности профессиональных писцов и обязаны своим сохранением тому, что их переписывали в тысячах школ, которые готовили писцов. Именно на копировании такого рода текстов писцы оттачивали свои профессиональные навыки⁶⁴. Вероятнее всего, хеттские тексты хурритского происхождения не имели иных функций⁶⁵, т.е. говорить об их популярности и широком распространении не приходится. Но этого не учитывает никто из сторонников заимствования. Итак, признавая факт заимствования греками у хеттов мифологических мотивов, связанных со сменой власти на небесах, мы тем самым принимаем, что заимствовался не просто текст, принадлежащий чужой культуре; он был чужим вдвойне – и тем, кто заимствовал, и тем, у кого заимствовали.

3. Если мы обратимся к центральной теме двух текстов, то и здесь отличие будет принципиальным. У Гесиода ярко выражена тема космогонии, так что по сути излагаемых в нем сюжетов его повествование носит более универсальный характер. Обращаясь к музам, поэт говорит:

*Все расскажите: как боги, как наша земля зародилась,
Как беспредельное море явилось шумное, реки,
Звезды, несущие свет, и широкое небо над нами;*

⁶² Noegel S.B. Greek Religion and the Ancient Near East // A Companion to Greek Religion / Ed. by D. Ogden. Oxf., 2007. P. 24–25.

⁶³ См.: Элиаде М. История веры и религиозных идей. С. 302.

⁶⁴ Bryce T. Life and Society in the Hittite World. Oxf., 2002. P. 222–223.

⁶⁵ Beckman G. Hittite and Hurrian Epic // A Companion to Ancient Epic / Ed. by J.M. Foley. Oxf., 2005. P. 260.

*[Кто из бессмертных подателей благ от чего зародился,
Как поделили богатства и почести между собою,
Как овладели впервые обильноложбинным Олимпом.
С самого это начала вы все расскажите мне, Музы,
И сообщите при этом, что прежде всего зародилось⁶⁶.*

Тема борьбы богов если и присутствует в этом перечне интересных Гесиода тем, то лишь как подразумеваемая, для него это – всего лишь эпизод в монументальной картине становления Космоса. В хеттском же тексте действие происходит в уже устроенном мире, космогонический процесс как таковой отсутствует. Основой сюжета является борьба за царскую власть на небесах, причем смена властителей никак не мотивируется и ее последствия для судеб Космоса автора не интересуют. Но даже если взять более узкий аспект, а именно тот, в котором находят параллель, т.е. лишение Кроном власти своего отца, то и здесь различие существенное: в «Теогонии» не идет речь о том, что Крон становится *владыкой мира*⁶⁷, и вообще речь о *царствовании* на небесах не идет⁶⁸.

4. Исследователи указывают, что и Крон, и Кумарби после своего преступления против отцов подверглись отцовскому проклятию. Сходство это чисто внешнее. Прежде всего, само проклятие в хеттском тексте, по крайней мере, в дошедшей до нас части, является одной из центральных тем: из 61 строки ему отводится 16, т.е. примерно четверть всего дошедшего текста. У Гесиода это всего четыре строки из 1022. Кроме того, Ану конкретно перечисляет, что в дальнейшем произойдет с Кумарби, а у Гесиода нет никакой конкретики (Hes. *Theog.* 207–210):

*Детям, на свет порожденным Землею, названье Титанов
Дал в поношенье отец их, великий Уран-повелитель.
Руку, сказал он, простерли они к нечестивому делу
И совершили злодейство, и будет им кара за это.*

⁶⁶ Hes. *Theog.* 108–116.

⁶⁷ Правда, в «Трудах и днях» Гесиод упоминает о том, что в эпоху Золотого поколения «был еще Крон-повелитель ...владыкою неба» (Hes. *Erg.* 111), но к нашему сюжету это отношения не имеет.

⁶⁸ По мнению М. Нильссона, древний космогонический миф об отделении неба от земли их сыновьями вообще не предполагал ни государства богов, ни царя богов. Правда, дальше он говорит о том, что заимствование произошло в микенскую эпоху, когда такие представления у греков уже сложились (*Nils-son M.P. Op. cit. S. 516*).

Более того, проклятие Урана касается не одного Крона, исполнителя нечестивого деяния, но всех титанов вообще, несмотря на то, что они не имеют к преступлению Крона никакого отношения. Это тоже является важным отличием двух сюжетов.

5. Есть существенное различие и в образах центральных персонажей. С точки зрения современных исследователей, Кумарби наверняка является андрогинным божеством⁶⁹. В отличие от него, Крон не рождает, и это является существенным аргументом против сближения данных персонажей. В этом своем аспекте Кумарби имеет более древние черты в сравнении с Кроном⁷⁰.

Таким образом, наряду с точками соприкосновения, мы можем отметить и ряд различий в текстах, причем различий существенных. Они касаются и характера разбираемых текстов, и их основной темы, и образов главных героев. Если сходства касаются деталей сюжета, то здесь мы имеем дело с различиями по сути, с различиями тех самых «мифологических комплексов в целом», о которых писал В.П. Яйленко. Поэтому сам собой встает завершающий вопрос нашего исследования – о возможности иных объяснений, не прибегающих к теории заимствования.

Прежде всего, в сходстве функций изначальных богов нет ничего удивительного. Небо является, в первую очередь, абсолютным воплощением верха, члена одной из основных семантических оппозиций. В космогонии его появление, наряду с появлением земли, является первым этапом, преодолением хаоса, выделением из него верха и низа⁷¹.

Далее, если мы обратимся к мотиву кастрации, то необходимо отметить два его аспекта. В космогоническом аспекте он символизирует акт насильственного отделения неба от земли; их персонафикацией в данном случае является вечно совокупляющаяся пара,

⁶⁹ См.: *Beckman G.* Op. cit. P. 260. См. также: *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. С. 308.

⁷⁰ Как подчеркивает И.М. Дьяконов, человеку древности необходимость мужского семени для зачатия была известна из практических наблюдений, но не хватало понимания участия в этом процессе женского организма, поэтому в архаических мифологиях забеременеть может и мужчина (во всяком случае, бог) – например, египетский бог-творец Атум – от своего же семени. Мужские роды происходят разными способами: можно выплюнуть (как Атум), либо извлечь из головы (как Зевс – Афины) или из бедра (как Диониса из бедра Зевса; Катуса из бедра Индры). См.: *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 132.

⁷¹ *Брагинская Н.В.* Указ. соч. С. 206–207; *Топоров В.Н.* Космогонические мифы // МНМ. Т. 2. С. 7.

причем фаллос мужского божества символизирует здесь то, что соединяет их воедино. Этот аспект представлен в гесиодовском мифе, но если мы обратимся к хеттскому мифу, то смыслового соответствия в нем не найдем. Ану, конечно, является персонификацией, но о земле речи в разбираемом тексте не идет. Очевидно, мотив здесь происходит из другого круга представлений, связанных с уверенностью в единстве мощи сексуальной и военной, политической и т.п. Такие представления имеют очень древние первобытные истоки, что подтверждается, например, верованиями, характерными для воинственных племен Новой Гвинеи, еще не затронутых цивилизацией⁷². Половой орган убитого врага считался одним из самых почетных воинских трофеев и в Библии: в Первой книге царств Давид преподнес своему правителю, вместо запрошенных ста, двести детородных органов убитых филистимлян, у которых, в отличие от израильтян, не практиковалось обрезание (1 Цар. 18.27).

С точки зрения человека глубокой древности, магическая мощь правителя заключалась и в его способности к производству потомства. М. Элиаде пишет: «Согласно плохо сохранившемуся тексту, Баал и его сподвижники неожиданно напали на Илу в его дворце на горе Сапан, схватили и ранили его. По-видимому, «нечто» упало на пол, что может быть истолковано как оскотление отца богов. Такая гипотеза правдоподобна не только потому, что в сходных конфликтах, связанных с борьбой за власть, Уран и хурритохеттский бог Ану были оскотлены, но также и потому, что, несмотря на враждебное отношение к Баалу, Илу никогда не пытался вернуть свое верховное положение, даже тогда, когда он узнал, что Муту убил Баала. Ибо на Древнем Востоке такое увечье, которое причинили Илу, исключает для жертвы возможность находиться у власти»⁷³. Обобщая подобные представления, бытовавшие у африканского племени шиллуков, Дж. Дж. Фрэзер пишет: «...Плодородие людей, скота и посевов считалось находящимся в симпатиче-

⁷² См., например: *Фальк-Рёнке А.* Путешествие в каменный век. М., 1986. С. 60, 81, 92 и др. Здесь описываются обычаи, связанные с холимами – своеобразными чехлами, которыми местные воины прикрывают свои половые органы. Холим, отсеченный вместе с его содержимым, считается символом победы, удачливый воин-вождь зовется «владыка холимов»; размеры холима свидетельствуют о могуществе его хозяина; содержимое холимов поедается, причем считается наиболее почетным блюдом; юноша не может вступить в брак, пока не добудет три вражеских холима и т.п.

⁷³ См.: *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. С. 321.

ской связи со способностью властителя производить на свет потомство. Упадок этой способности в нем влечет такой же упадок производящей способности у других людей, животных и растений и в непродолжительный период может привести к полному исчезновению людей, а также животной и растительной жизни»⁷⁴. Таким образом, лишение Ану и Урана их фаллосов связано с очень древними представлениями о магической производящей силе правителя как основе его власти⁷⁵, и совпадение вполне может быть объяснено без помощи заимствования.

Проклятие как движущая сила мифологического сюжета широко представлено в мифологиях народов мира, исходит ли оно от родственника или постороннего лица. Если говорить о Греции, то здесь можно вспомнить и проклятие Миртила, которое определило судьбу потомков Пелопса и всю трагедию рода Атридов, и проклятие, которое преследует фиванских Лабдакидов вообще⁷⁶, и, если говорить только об одном эпизоде их истории, проклятие, которому Эдип подвергает своих сыновей, итогом чего является их гибель в братоубийственной войне. Если говорить о других культурах, то в индийской традиции, например, старинное проклятие определяет судьбу царя Дашаратхи, отца могучего Рамы (да, в конечном счете, и самого Рамы), в северных сказаниях чреду смертей влечет за собой проклятие, наложенное карликом Андвари на кольцо Андваранут и т.п. Естественно, что преступление против отца, особенно связанное с покушением на его отцовство, – самое страшное преступление, проклятие отца – самое страшное проклятие. Поэтому сама по себе реакция Ану и Урана на поступки их сыновей вполне естественна.

Наконец, идея смены поколений богов. Она является способом организации времени, персонажей пантеона и героев сакральной истории⁷⁷. Способ этот можно считать универсальным, поскольку

⁷⁴ Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980. С. 303.

⁷⁵ Характерно, что в вавилонском космогоническом эпосе «Энума элиш» Мардук, младший из богов, должен доказать свое право властвовать, сперва создав силой своего слова из ничего некое одеяние, а затем словом же уничтожив его. См.: Франкфорт Г. и др. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. СПб., 2001. С. 228.

⁷⁶ Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 96–97.

⁷⁷ Левинтон Г.А. Поколения мифологические // МНМ. Т. 2. С. 317.

боги разных поколений, а также напряженные отношения между поколениями богов присутствуют в мифологиях разных народов. Так, в скандинавской мифологии первой войной является война асов и более древнего поколения богов, ванов; в индуистской мифологии боги непримиримо враждуют со своими «старшими братьями» – асурами; в аккадской космогонии происходит борьба младшего поколения богов с праматерью Тиамат и т.п. Сама по себе идея смены поколений вполне естественна для человека, что же касается вражды поколений между собой, то, вероятно, ее можно соотнести с наблюдениями Дж.Дж. Фрэзера касательно смены священного царя: после окончания определенного срока правления, связанного с астрономическим циклом и с обрядовой стороной жизни общины, царь должен либо обновить силы, либо уступить место более сильному преемнику⁷⁸. Из переосмысления этого обычая вполне могла возникнуть мифологическая тема борьбы поколений богов между собой.

Итак, совпадения, которые есть в хеттской поэме «О царствовании на небесах» и «Теогонии» Гесиода, вовсе не обязательно говорят о литературном заимствовании. Взятые в более широком контексте, они хорошо вписываются в мировоззрение человека эпохи поздней первобытности и ранней древности и имеют множество параллелей. Это очень хорошо видно на другом показательном примере, который приведен еще антропологами XIX в. и который дает хорошую аналогию как хеттскому, так и греческому мифу⁷⁹.

Э.Б. Тайлор в своем классическом труде «Первобытная культура» пересказывает полинезийский миф об отделении Неба от Земли (что, как обычно считают, равносильно кастрации в хеттском и греческом повествованиях). Согласно этому мифу, от Ранги (Неба) и Папы (Земли) произошли все люди и вещи. Земля и Небо настолько близко прильнули друг к другу, что их порождениям было темно, и, судя по всему, тесно. Дети стали советовать: либо разъединить своих родителей, либо убить их. После нескольких неудачных попыток, предпринятых другими братьями, отделение осуществляет Тане-Магута, бог и отец лесов. Как и в знакомых нам хеттском и греческом вариантах, разделение сопровождается про-

⁷⁸ Фрэзер Дж.Дж. Указ. соч. С. 315.

⁷⁹ В. Фаут добавляет к этому также и египетский миф об отделении неба от земли (*Fauth W. Op. cit. Sp. 358*).

клятием в адрес непочтительного сына. Небу пытается помочь, вступая в борьбу с другими богами, Таугири-ма-теа, отец ветров и бурь, мстящий своим братьям. Только человек и, соответственно, Ту-матауенги, отец свирепых людей, выдерживает схватку с ним⁸⁰.

Итак, если проводить параллели, здесь мы имеем: неразрывное слияние неба и земли в начале времен; недовольство этим положением со стороны младших богов; бога растительности (параллель с растительными функциями Крона и Кумарби!), который осуществляет разделение; проклятие отца; борьбу бога грозы с прочими богами.

Классик британской антропологии Э. Лэнг посвятил Крону целую главу в своей книге «Обычай и миф»⁸¹. В ней, начав свои рассуждения с изложенного выше полинезийского мифа, он подчеркнул, что в основе этих повествований лежит все тот же миф о разделении Неба и Земли, встречающийся в Китае, Индии, у маори, в Греции⁸². «Мы не претендуем на то, чтобы объяснить все, – писал он. – ...Мы только находим параллели этому мифу среди дикарей, чьи ментальные условия плодородны для такого рода легенд. И мы заключаем только, что миф о Кроне первоначально был изобретен людьми, находящимися в интеллектуальном развитии на стадии дикости. Сохранение его мы объясняем ...консерватизмом религиозного инстинкта»⁸³. С этим, пожалуй, можно согласиться в главном: консерватизм обеспечивал сохранение в мифах таких представлений, смысл которых давно был забыт. Привлекать здесь заимствования в большинстве случаев нет никакой необходимости. Можно согласиться с М. Элиаде, который, подчеркивая, что Гесиод рассказывал мифы либо неизвестные, либо едва упомянутые в гомеровских поэмах⁸⁴, писал, что он «обращал внимание на очень древние мифы, корни которых уходят в доисторическую эпоху, но эти мифы прошли через долгий процесс различных трансформаций и модификаций, прежде чем были зафиксированы поэтом»⁸⁵.

⁸⁰ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 154–155. См. также: Mayer M. Kronos // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / Hrsg. von W.H. Roscher. Leipzig, 1894. Bd. 2. Abtl. 1. Sp. 1542.

⁸¹ Lang A. Custom and Myth. L., 1885. P. 45–63.

⁸² Ibid. P. 51

⁸³ Ibid. P. 63.

⁸⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2005. С. 144.

⁸⁵ Там же. С. 145.

МИХАЙЛОВ А.В. (САРАТОВ)

НАДПИСЬ НА ГРОБНИЦЕ КИРА ВЕЛИКОГО

В связи с посещением Александром Великим гробницы Кира II, основателя персидской державы, античные авторы сохранили упоминание о надписи, якобы начерченной на могиле знаменитого перса. Арриан, автор «Анабасиса», ссылаясь на сочинение Аристобула (FGrH. 139. F 51a) (VI.29.4–7), пишет: εἶναι γὰρ ἐν Πασαργάδαις ἐν τῷ παραδείσῳ τῷ βασιλικῷ Κύρου ἐκείνου τάφον («ибо в Пасаргадах, в царском парке, находится гробница того Кира»). Далее Арриан отмечает (VI.29.8): ἐπευέγραπτο δὲ ὁ τάφος Περσικοῖς γράμμασι· καὶ ἐδήλου Περσιστὶ τάδε· ὦ ἄνθρωπε, ἐγὼ Κῦρός εἰμι ὁ Καμβύσου ὁ τὴν ἀρχὴν Πέρσαις καταστησάμενος καὶ τῆς Ἀσίας βασιλεύσας. μὴ οὖν φθονήσης μοι τοῦ μνήματος («На гробнице было написано персидскими буквами; по-персидски [надпись] означала следующее: “О, человек, я – Кир, сын Камбиза, установивший царство для персов и властвовавший над Азией. Не завидуй же мне из-за этого памятника”»).

На посетившего по меньшей мере два раза гробницу Аристобула (FGrH. 139. F 51b) ссылается также Страбон, который, в частности, пишет (XV.3.7): οὕτω μὲν οὖν Ἀριστόβουλος εἶρηκε, καὶ τὸ ἐπίγραμμα δὲ ἀπομνημονεύει τοῦτο· ὦ ἄνθρωπε, ἐγὼ Κῦρός εἰμι, ὁ τὴν ἀρχὴν Πέρσαις κτησάμενος καὶ τῆς Ἀσίας βασιλεύς· μὴ οὖν φθονήσης μοι τοῦ μνήματος («Об этом, во всяком случае, рассказывал Аристобул, и надпись же сообщает следующее: “О, человек, я – Кир, приобретший царство для персов и властитель Азии; не завидуй же мне из-за этого памятника”»).

Более подробно об этой надписи сообщает Плутарх (*Alex.* 69): τὴν δ' ἐπιγραφὴν ἀναγνοῦς, ἐκέλευσεν Ἑλληνικοῖς ὑποχαράξαι γράμμασιν. εἶχε δ' οὕτως· ὦ ἄνθρωπε, ὅστις εἶ καὶ ὀπόθεν ἦκεις, ὅτι μὲν γὰρ ἤξεις οἶδα, ἐγὼ Κῦρός εἰμι ὁ Πέρσαις κτησάμενος τὴν ἀρχήν. μὴ οὖν τῆς ὀλίγης <μοι> ταύτης γῆς φθονήσης ἢ τοῦμὸν σῶμα περικαλύπτει. ταῦτα μὲν οὖν ἐμπαθῆ σφόδρα τὸν Ἀλέξανδρον ἐποίησεν, ἐν νῶ λαβόντα <τῶν πραγμάτων> τὴν ἀδηλότητα καὶ μεταβολὴν («После того, как он [*sc.* Александр] прочитал надпись, он приказал высечь ее ниже греческими буквами. Надпись гласила следующее: “О, человек, кто бы ты ни был и откуда бы ты ни шел, потому что я знаю, что ты придешь, я – Кир, приобретший царство для персов. Не завидуй же мне из-за той небольшой земли, что окружает мое тело. Надпись

заставила Александра сильно взволноваться, навела на мысль о неизвестности и переменчивости событий”»).

Страбон цитирует также отрывок из сочинения Онесикрита (FGrH. 134. F 34), излагая его версию после пересказа сообщения Аристобула (Ibid.): Ὀνησίκριτος δὲ τὸν μὲν πύργον δεκάστευον εἶρηκε, καὶ ἐν μὲν τῇ ἀνωτάτῳ στέγῃ κείμενον τὸν Κῦρον, ἐπίγραμμα δ' εἶναι Ἑλληνικόν, Περσικοῖς κεχαραγμένον γράμμασιν· ἐνθάδ' ἐγὼ κείμεναι, Κῦρος, βασιλεὺς βασιλῶν· καὶ ἄλλο περσίζον πρὸς τὸν αὐτὸν νοῦν («Онесикрит же рассказывал о десятиэтажной башне, и в самой высокой комнате лежал Кир; надпись же была греческая, высеченная персидскими буквами: “Здесь лежу я, Кир, царь царей; а также другая, выполненная по-персидски, с таким же смыслом”»).

В заключении Страбон сопоставляет полученные от Аристобула и Онесикрита сведения с сообщением Ариста из Саламина, жившего во II в. до н.э. (FGrH. 143. F 31): Ἄριστος δ' ὁ Σαλαμίσιος πολὺ μὲν ἐστὶ νεώτερος τούτων («Арист из Саламина, конечно, весьма младше их [*sc.* Аристобула и Онесикрита]»). Далее Страбон сообщает: ἐπίγραμμα δὲ τὸ λεχθὲν Ἑλληνικὸν καὶ ἄλλο Περσικὸν πρὸς τὸν αὐτὸν νοῦν («Надпись [была] греческая, и другая [надпись] персидская [имела] тот же смысл»).

Как следует из последней цитаты Страбона, надпись на гробнице Кира была предметом обсуждения еще в античной литературе. Однако все упоминания об этой надписи восходят к двум источникам: Аристобулу, на которого ссылаются Арриан и Страбон, такой же вариант надписи с небольшими изменениями приводит и Плутарх; и к Онесикриту, чье сообщение описывает также Страбон. На данные Онесикрита опирался, видимо, и Арист – такой вывод напрашивается из-за очевидного сходства их упоминаний о языке надписи¹. Оба автора, Аристобул и Онесикрит, принимали участие в походе Александра и видели Пасаргады собственными глазами. Цитируемый Страбоном пассаж из сочинения Онесикрита дает основание предполагать, что последний черпает информацию из какой-то неизвестной работы, описывающей гробницы персидских царей².

При подробном анализе дошедших до нас сведений возникает целый комплекс вопросов, связанных с цитируемой надписью, и,

¹ Так же считал и Ф. Якоби: FGrH. Vol. 2 D. S. 522.

² Ibid. S. 479.

прежде всего, критическому осмыслению подлежит проблема существования этой надписи на гробнице Кира. Неплохо сохранившееся и обычно отождествляемое исследователями с гробницей Кира, а в народе – с «гробницей матери Соломона» (*ġabr-i Mādar-i Suleimān*) сооружение в Пасаргадах не имеет никаких надписей и никогда, по-видимому, их не имело³, поскольку на постройке не сохранилось никаких следов от работы или каких-либо намеков на высеченный текст⁴. Отсутствуют признаки, свидетельствующие о прикрепленной в древности «какой-либо металлической пластине», на которой могла быть высечена надпись⁵. Подобная нехватка существенных подтверждений способствовала появлению различных объяснений, разъясняющих «действительные» причины отсутствия следов текста на памятнике. Так, высказывалось предположение, что надпись была высечена либо на утраченной входной двери, либо на воротах, служащих входом на территорию, где находилась гробница. Более радикально эту проблему попытался решить А. Деманд, который приписал наличие надписи другому пасаргадскому сооружению, так называемой «тюрьме Соломона» (*Zendān-i Suleiman*), заявив, что «вся огромная империя была уподоблена гробнице Кира»⁶. Такого рода аргумент, как кажется, опровергает Д. Стронах, который ссылается на семь известных нам скальных ахеменидских гробниц и указывает на то, что «у Ахеменидов никогда не входило в практику высечение подобных надписей на гробницах»⁷.

Камнем преткновения в данном вопросе является степень достоверности сообщений греческих авторов. Анализ переданного древними авторами текста надписи особенно важен для решения проблемы ее существования. Только из одного факта, что до нашего времени об этом сохранились многочисленные сведения, М.А. Дандамаев делает вывод, что на гробнице действительно было

³ *Stronach D.* Pasargadae. A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Oxf., 1978. P. 26.

⁴ *Gall H. von.* Bemerkungen zum Kyrosgrab in Pasargadae und zu verwandten Denkmälern // *Archäologische Mitteilungen aus Iran.* B., 1979. Bd. 12. S. 278.

⁵ *Luschey H.* Die geistigen Grundlagen der Achämenidischen und der Sasanidischen Kunst // *Geistige Zusammenarbeit. Vorträge des Seminars Lindich zur Ausbildung der Iraner in Deutschland für Iran.* Tübingen, 1975. Folge 6. S. 42–59.

⁶ *Demandt A.* Studien zur Kaaba-i Zardoscht // *Archäologischer Anzeiger.* 1968. S. 538.

⁷ *Stronach D.* Op. cit. S. 26.

что-то высечено⁸. Р. Кент также был убежден, что цитируемые авторами надписи когда-то и правда существовали, и одна из них была «на родном языке Кира»⁹. Проблема достоверности свидетельств древних авторов стоит в одном ряду с вопросом о датировке древнеперсидских надписей, высеченных якобы от имени основателя персидской империи. Факт наличия надписей, датируемых временем Кира, противоречит теории, согласно которой древнеперсидская клинопись была изобретена при Дарии I.

Вызывает удивление восходящее к Аристобулу сообщение о «персидских буквах» (Περσικὰ γράμματα), подразумевающее, конечно, древнеперсидскую клинопись, так же как выражение Ἀσσύρια γράμματα имеет в виду аккадскую¹⁰.

По сообщению Плутарха, Александр распорядился о том, чтобы ниже имеющейся надписи была начертана ее греческая версия (*Alex.* 69). Эта информация подразумевает, прежде всего, существование некоего клинописного текста, но не говорит ничего о его языке. К тому же, о греческой надписи наряду с персидской сообщают два автора: Онесикрит и несомненно опирающийся на него Арист. В связи с этим правомерно задаться вопросом, каким образом греческая надпись могла попасть на могилу Кира. Если отвергнуть предположение о том, что такая двуязычная надпись является просто исторической ошибкой¹¹, переложением обычаев аршакидского времени на эпоху Ахеменидов, то окажется, что, согласно Плутарху, по воле Александра была начертана греческая редакция существовавшей надписи. Однако довольно трудно себе представить, что эта греческая надпись, как следует из слов Онесикрита, была начертана «персидскими буквами», то есть клинописью. Совершенно очевидно, что персидское письмо абсолютно непригодно для передачи греческого текста из-за понятных отличий персидской клинописи от греческой системы письма. Этот случай просто демонстрирует недостоверность предоставляемой Онесикритом

⁸ Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963. С. 38.

⁹ Kent R. The Oldest Old Persian Inscriptions // *Journal of the American Oriental Society.* 1946. Vol. 66. P. 210.

¹⁰ Weissbach F.H. Die altpersischen Inschriften // *Grundriss der Iranischen Philologie.* Strassburg, 1896. S. 54–74.

¹¹ Таково же мнение Ф. Якоби (*Op. cit.* S. 521).

информации; не зря Страбон (XV.1.28) называет его «сверхкормчим небылиц» (τῶν παραδόξων ἀρχικυβερνήτην)¹².

Как обстоят дела с содержанием цитируемой надписи? С одной стороны, о чем часто пишут исследователи¹³, сообщение Онесикрита («здесь лежу я, Кир, царь царей»), несомненно, несколько напоминает надпись СМа¹⁴ «я – Кир, царь, Ахеменид» (*adam Kuruš xšāyaθiya Nahātanīšiya*). С другой стороны, текст ἐνθάδ' ἐγὼ κεῖμαι, Κῦρος, βασιλεὺς βασιλῶν представляет собой гекзаметр¹⁵, поэтому становится понятен выбор автором ионической диалектной формы βασιλῶν, которая встречается также у Гомера. Выявления метрики в данной цитате уже достаточно, чтобы усомниться в существовании такого вида надписи на гробнице Кира. Более того, представленный текст в своей шаблонной форме «здесь лежу я» (ἐνθάδ' ἐγὼ κεῖμαι) соответствует традиционной форме многих греческих могильных надписей¹⁶. Другое существенное отличие заключается в том, что тексты, высеченные от имени Кира, не содержат в себе известной формулы «царь царей». Таким образом, нельзя говорить, что цитируемая Онесикритом надпись восходит к древнеперсидскому оригиналу, оставленному на гробнице Кира Великого.

Изложение Аристулом содержания надписи, которое мы встречаем у Арриана (VI.29.8), Страбона (XV.3.7) и Плутарха (*Alex.* 69) не позволяет возвести греческий текст надписи к какому-либо древнеперсидскому источнику, хотя обращение к прохожему ὦ ἄνθρωπε имеет свои аналоги в двух пространных надписях, оставленных на гробнице Дария I в Накш-и Рустаме, а именно встречающиеся в завершающих абзацах вокативные формы *martiyā* («человек!»; DNa 56), а также *marīkā* («слуга!»; DNb 55). Следует указать, что обращение ὦ ἄνθρωπε бывает и в греческих надгробных надписях¹⁷. Встречающееся у Плутарха добавление «кто бы ты ни был и откуда бы ты ни шел, потому что я знаю, что ты придешь» (ὅστις εἶ καὶ ὅπόθεν ἦκεις, ὅτι μὲν γὰρ ἤξεις οἶδα), отсутствующее у двух других

¹² Ср.: *Henning W.B. Zoroaster. Politician or Witch-doctor? L., 1951. P. 22.*

¹³ См.: *Weissbach F.H. Op. cit.*

¹⁴ Взято из: *Kent R. Old Persian. New Haven, 1953; Дандамаев М.А. Указ. соч. С. 38.*

¹⁵ *Schmitt R. Achaimenideninschriften in griechischer literarischer Überlieferung // Acta Iranica. 1988. Vol. 28. S. 22.*

¹⁶ Ср.: *Peek W. Griechische Vers-Inschriften. B., 1955. Bd. I: Grab-Epigramme. S. 83. № 350, 353.*

¹⁷ *Ibid. No. 1225.*

авторов, еще больше снижает степень достоверности и идентичности данной цитаты вероятному древнеперсидскому аналогу на гробнице.

Ядром греческого варианта надписи выступает словосочетание «я – Кир» (ἐγὼ Κῦρος εἶμι); у Арриана оно включает также указание на происхождение - Καμβύσου, что также говорит в пользу греческого влияния. Но это словосочетание, как заметил Ф. Якоби, содержит в себе «настоящий восточный колорит», выражающийся в специальном выделении личности царя путем введения личного местоимения ἐγώ¹⁸. Подобный стиль типичен для всего древнего Востока¹⁹, он также известен и по ахеменидским надписям. Например, уже цитировавшаяся выше надпись СМа «я – Кир, царь, Ахеменид» (*adam Kuruš xšāyaθiya Nahāmanišiya*). Все же подчеркивание своей личности подобным образом встречается среди греческих надгробных надписей²⁰.

Третьей составляющей восходящего к Аристобулу варианта надписи является довольно общее высказывание, что Кир «установил» или «приобрел» царство для персов. Подобная форма изложения отсутствует в известных нам ахеменидских надписях. Также и выражение «господствовавший над Азией» по своему содержанию исконно греческое и не имеет иранских аналогий, поскольку лежащее в его основе понятие «Азия» абсолютно греческое; оно встречается исключительно в греческой литературе, когда речь заходит о географических характеристиках Востока²¹.

Хотя содержание этой надгробной надписи действительно является единым целым, анализ составных частей выявляет, что отдельные составляющие имеют свои греческие корни, несмотря на то, что некоторое сходство с древнеперсидскими формулировками, безусловно, присутствует. Последнее предложение надписи «не завидуй же мне из-за этого памятника» (μὴ οὖν φθονήσης μοι τοῦ μνήματος) и особенно вариант Плутарха «не завидуй же мне из-за той небольшой земли, что окружает мое тело» (μὴ οὖν τῆς ὀλίγης <μοι> ταύτης γῆς φθονήσης ἢ τοῦ μὲν σώμα περικαλύπτει) удивительным образом противоречат археологическим данным, как и всей

¹⁸ FGrH. Vol. 2 D. S. 521.

¹⁹ Norden E. *Agnostos Theos. Untersuchungen zur Formengeschichte religiöser Rede.* Darmstadt, 1956. S. 207–220.

²⁰ См.: Peek W. *Op. cit.* S. 149. No. 610–612.

²¹ Schmitt R. *Op. cit.* S. 24.

другой совокупности литературных свидетельств, поскольку эти слова могут относиться только к человеку, захороненному в земле²². К тому же подобная формулировка отсутствует в оригинальных надписях Ахеменидов. Как показал М.А. Дандамаев²³, данное сообщение берет свое начало непосредственно из греческого мира. Подобному предупреждению об осквернении могилы можно найти порой буквальные соответствия у греков: например, μήδ' ὀλίγες φθονέσσης γαίης... («не завидуй же мне из-за небольшой земли...»)²⁴. Как подытоживает М.А. Дандамаев²⁵, сходства такого рода достаточно для установления греческого происхождения этой надписи; греческие авторы, как пишет исследователь, сами ее сочинили и выдали за древнеперсидскую²⁶.

Таким образом, с достоверностью можно заключить, что цитируемая древними авторами надпись не является подлинно древнеперсидской, а если она действительно исходила из какого-то клинописного текста²⁷, то его содержание было переработано настолько, что от оригинала остался лишь «восточный колорит».

---

²² Gall H. von. 278.

²³ Дандамаев М.А. Указ. соч. С. 37.

²⁴ Peek W. Op. cit. S. 410. No. 1372.

²⁵ Дандамаев М.А. Указ. соч. С. 37.

²⁶ Там же. С. 38.

²⁷ Д. Стронах полагает, что за основу текста греки вполне могли взять древнеперсидские надписи в Пасаргадах (op. cit. P. 26).

СМИРНОВ С.В. (МОСКВА)

ДЕМОДАМ И ПАТРОКЛ – «ДРУЗЬЯ» СЕЛЕВКА I

Покорив в 311–305 гг. до н.э. Азию и повторив тем самым подвиг Александра, Селевк I, прозванный за великие победы Никатором, принял царский титул и построил на развалинах империи Ахеменидов и державы Александра новое государство. При его создании Селевк пользовался поддержкой «друзей» φίλοι – военно-политической элиты македонского общества, приближенной к царю. В их число входили Демодам из Милета и Патрокл – интереснейшие исторические фигуры времени становления государства Селевкидов.

О Демодаме мы знаем мало¹. Во всех источниках подчеркивается, что он был уроженцем Милета. Сомнения по поводу родины возникают только у Афинейя, назвавшего Демодама не то галикарнасцем, не то милетянином (Ἰ Αλικαρνασσεὺς ἢ Μιλήσιος, – 682d). Его отцом был некто Аристид. Формула Δημόδαμας Ἀριστείδου встречается в двух милетских декретах 300/299 г. до н.э. (IDidyma. 479 = OGIS. 213; IDidyma. 480). Сам Аристид, возможно, был одним из эпистатов в Милете, хотя восстановление Ἀριστ[είδης] Μιννίωνος (IDidyma. 480, 481) вызывает у ученых некоторое сомнение². О его происхождении более ничего неизвестно.

Самым ранним упоминанием о Демодаме является свидетельство довольно позднего источника – Стефана Византийского, согласно которому (*Ethnica*. s.v. Ἀντισσα), Демодам из Милета написал книгу о некоем индийском городе Антиссе. Если эта информация достоверна, то сделать он это мог, будучи в индийском походе Селевка (306–305 гг. до н.э.). Об этой военной кампании, в которой принимали участие и жители Милета, упоминается в надписи 299 г. до н.э. в честь царицы Апамы (IDidyma. 480). По-видимому, Демодам руководил в этом походе отрядом милетян. Еще в Бактрии они пользовались покровительством и заботой царицы Апамы³, которая

¹ См., например: *Grainger J.D.* A Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden; N.Y.; Köln, 1997. P. 86.

² См.: *Robert L.* Document d'Asie Mineure. XXXI. Pline VI 49, Démodamas de Milet et reine Apamè // BCH. 1984. Vol. 108. P. 470.

³ Это становится понятно из самого декрета в честь Апамы. Ср.: *Robert L.* Op. cit. P. 471.

была дочерью Спитамена, лидера бактрийского восстания против Александра. Несомненно, Селевк использовал это родство в политических интересах. По всей видимости, в это время Демодам становится одним из «друзей» Селевка I⁴.

После битвы при Ипсе (301 г. до н.э.) государство Селевка значительно увеличилось. Теперь в интересах царя было в первую очередь установление отношений с крупнейшими городами Малой Азии. В это же время на родину вернулся и Демодам, но уже в должности эпистата (IDidyma. 481). Нужно заметить, что Селевк Никатор проявлял особое внимание к Милету и его главному святилищу, расположенному в Дидимах и посвященному Аполлону. Несмотря на то, что культ Аполлона стал официальным культом династии только при Антиохе I⁵, начало этого почитания было положено еще при жизни Селевка. Так, например, царь вернул в Дидимы медное изображение Аполлона, некогда увезенное Ксерксом (Paus. I. 16). Впоследствии Селевк не раз делал щедрые пожертвования в храм Аполлона Дидимейского (RS. 5).

Выразителем власти Селевка в Милете был Демодам. Характер его действий, судя по двум надписям, относящимся к 300/299 г. до н.э. (IDidyma. 479; 480), нельзя назвать иначе как проселевкидским⁶. По инициативе царя были установлены два декрета: один в честь Антиоха – старшего сына Селевка, другой в честь его жены – Апамы. Безусловно, Демодам, как приближенный Селевка, оказывал на него определенное влияние, однако делать вывод, что он содействовал распространению культа Аполлона в царской семье, было бы преждевременно.

Хотелось бы немного остановиться на характере взаимоотношений первых Селевкидов и оракула Аполлона в Дидимах. То утверждение, что Селевк I уже сразу после битвы при Ипсе (301 г. до н.э.) стал почитать Аполлона выше других божеств, является, на

⁴ В том, что Демодам был «другом» Селевка I, нет никаких сомнений; об этом см.: *Mehl A. Seleukos Nikator und sein Reich. I. Seleukos' Leben und die Entwicklung seiner Machtposition. Leuven, 1986. S. 259.*

⁵ Тогда же, в правление Антиоха I, была создана легенда о происхождении Селевка I от Аполлона (Iust. XV.4).

⁶ Ср.: *Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkhand to Sardis. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 26–27.*

наш взгляд, недоказанным⁷. Такой вывод нельзя сделать из имеющихся у нас источников. Нумизматические данные демонстрируют принципиально иную картину. На селевкидском серебре Аполлон появляется только после смерти Селевка I⁸. С начала правления Антиоха I (281/280 г. до н.э.) и до «монетной революции» Антиоха IV (170/169 г. до н.э.) «Аполлон, сидящий на омфале» являлся основным сюжетом на реверсах селевкидских монет. Благородные поступки Селевка и его семьи, обращенные к святилищу Аполлона в Дидимах, зафиксированные в надписях, являются скорее фактом политическим, а не религиозным. В то же время сами милетяне могли позволить себе любой способ благодарности Селевку, например, установку его статуи в святилище Аполлона (IMilet. 158). Это вовсе не означало, что царь уделяет Аполлону особое личное внимание. Можно найти примеры подобного поведения царствующей фамилии в отношении других богов и даже богов негреческого происхождения⁹. Письменная традиция также не представляет собой авторитетный источник. Сообщения пяти античных авторов (Диодора, Павсания, Аппиана, Либания и Юстина), повествующих об особом почитании Селевком Аполлона, не что иное, как варианты некой традиции, сложившейся уже после смерти Селевка. Примером является мотив предсказания власти Селевку¹⁰.

⁷ Nawotka K. Demodamas of Miletus, Seleucus I and Apollo // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2008. Вып. 7 С. 135–152.

⁸ Изображение Аполлона на бронзовых монетах Антиохии на Оронте (SC. 15–20) и Вавилона (SC. 112, 113), отчеканенных после 301 г. до н.э., занимают в общем объеме выпущенной царской бронзы столь скромное место, что мы не можем утверждать, было ли это напоминанием об оракуле в Дидимах или Аполлон изображался здесь как прародитель династии. Ср.: Журавлёва Н.В. Селевк Никатор. Создание династии // ПИФК. 2007. Вып. 17. С. 265.

⁹ Примером тому служит внимание, оказанное Антиохом во время его соправительства вавилонским храмам Сина (ВСНР. 5; 6).

¹⁰ Согласно трем авторам (Diod. XIX.90.3–4; App. Syr. 56 (285); Liban. Orationes. XI.94–99), Селевк получил оракул в Дидимах. По Павсанию, еще в Пелле Зевс предвещал ему будущее господство (I.16). Кроме легенды «о предсказании власти», можно выделить истории «о спасенном венке» (App. Anab. VII.22; App. Syr. 56 (290–1); Diod. XVII.16) и «сон матери» (App. Syr. 56 (290–1); Iust. XV.4). Подробнее об этом см.: Журавлева Н.В. Селевк Никатор... С. 255–269; она же. Предпосылки создания царского культа в государстве Селевкидов // Древний Восток и античный мир. Труды каф. истории древнего мира ист. фак. МГУ. М., 2004. Вып. 6. С. 38–45. Однако заметим, что выдвинутые Н.В. Журавлевой в качестве подобных легенд истории «о ночевке в храме Сераписа» и «о завещании Александра», вряд ли являются таковыми. Также сложно согласиться с Р. Хэдли, что большая часть этих легенд принадлежит перу Иеронима из Кар-

Единственным доказательством того, что Селевк незадолго до смерти стал возводить свое происхождение к Аполлону, является наличие двух надписей: из Эритра (IErythrai. 205) и Илиона (OGIS 212)¹¹. В них Аполлон называется отцом Селевка¹². Но датировка этих надписей не вполне установлена. Определенно, обе надписи относятся к 281 г. до н.э. (время присоединения этих городов к государству Селевка), но до или после гибели царя Селевка? Формула Ἀπόλλων ὁ ἀρχηγός τοῦ γένους αὐτοῦ встречается и в правление Антиоха I (OGIS. 219). Скорее всего, обожествление Селевка в ионийских городах не было инициативой самого царя, и, тем не менее, стоит в очередной раз повторить слова Э. Бикермана, что невозможно представить себе, чтобы чужеземцы в посвящениях в честь царя оказывали ему такие почести, каких он сам не желал¹³.

Однако карьера Демодама не закончилась в Милете. Приблизительно в 295/294 г. до н.э. Селевк объявил своего сына Антиоха своим соправителем и отправил его на восток для того, чтобы будущий царь набирался политического опыта. Главной целью Антиоха была Бактрия, в которой начались выступления против власти Селевкидов, подкрепленные вторжением кочевников. Вместе с Антиохом на восток был отправлен и опытный Демодам. Согласно Плинию, он совершил поход в глубь земель кочевников, пересек Яксарт (Сырдарья) и установил алтарь Аполлону Дидимейскому (NH. VI.49). Экспедиция Демодама, скорее всего, носила карательный характер¹⁴, однако, как заметил К. Навотка, установка алтаря, символическое очерчивание предела государства Селевка, было решением Демодама¹⁵. Возможно, Демодам и милетяне участвова-

---

дии. Ср.: *Hadley R.A. Royal Propaganda of Seleukos and Lysimachos // JHS. 1974. Vol. 94. P. 50–65; idem. Hieronymus of Cardia and Early Seleucid Mythology // Historia. 1969. Bd. 18. Hft. 2. P. 142–152.*

¹¹ Причиной появления легенд о происхождении Селевка является его борьба за Малую Азию сначала с Деметрием, а потом с Лисимахом. Таким образом, вполне возможно, что политика пропаганды родства Селевкидов и Аполлона началась приблизительно в 294 г. до н.э.

¹² ἱμνεῖτ' ἐπὶ σποινδαῖς Ἀπόλλωνος κυανοπλοκάμου παῖδα Σέλευκον («пусть воспоят возлияниями дитя черноволосого Аполлона – Селевка», – IErythrai 205).

¹³ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 233.

¹⁴ История таджикского народа / Под ред. Б.А. Литвинского и В.А. Ранова. Душанбе, 1998. Т. 1. Древнейшая и древняя история. С. 330.

¹⁵ Nawotka K. Op. cit. С. 147.

ли в восстановлении Александрии Эсхаты, которая впоследствии получила название Антиохии Скифской¹⁶.

Точно не известно, когда состоялся этот поход за Яксарт. Есть мнение, что он был предпринят еще во время восточного похода Селевка I¹⁷. Непонятен смысл фразы Плиния: *Demo<dam>as, Seleuci et Antiochi regum dux*. Подразумевал ли здесь автор совместное правление Селевка и Антиоха или имел в виду, что Демодам служил сначала одному, а потом второму царю? Заметим, что Плиний знал о соправительстве Антиоха и Селевка (*NH*. II.167). К тому же, около 285 г. до н.э. Демодама сменил Патрокл, прибывший из Сирии. У. Тарн полагал, что назначение Патрокла было вызвано смертью Демодама в 286 или 285 г. до н.э.¹⁸. Таким образом, непосредственно царю Антиоху Демодам послужить не успел. Остается невыясненным, что в данном фрагменте сочинения Плиния следует понимать под словом *dux*. У. Тарн предположил, что *dux* – это στρατηγός, и, хотя эта идея ставилась под сомнение, она кажется наиболее правдоподобной¹⁹. Если же принять версию, что экспедиция Демодама состоялась во время соправительства Антиоха, то мы можем с уверенностью заключить, что она была организована в промежутке между 294 и 286 г. до н.э.²⁰. Сопоставив данные нумизматики и клинописных табличек, можно предположить, что Антиох не сразу отправился в Бактрию. По всей видимости, первоначально он прибыл в Селевкию на Тигре, затем отправился в Сузы, а уж потом в Бактрию. На протяжении всего пути своего следования Антиох санкционировал выпуск очередной эмиссии серебра

¹⁶ *Holt F.* *Thundering Zeus: The Making of Hellenistic Bactria*. Berkeley; Los Angeles, 1999. P. 27. Там же см. библиографию по этой теме. Заметим, что среди греков, населявших Бактрийское царство, было очень много выходцев из ионийских городов. Эта традиция ведется, видимо, еще со времени переселения сюда Бранхидов из Милета.

¹⁷ *Robert L.* *Op. cit.* P. 471.

¹⁸ *Tarn W.W.* *Two Notes on Seleucid History: 1. Seleucus' 500 Elephants, 2. Tarmita* // *JHS*. 1940. Vol. 60. P. 93–94.

¹⁹ *Ibid.* В целом те функции, которые выполнял Демодам в Бактрии и Согдиане, отдаленно напоминают полномочия сатрапа Ахеменидского времени. Так, к примеру, сатрап Бактрии при Дарии III Бесс, был полководцем и состоял в дружбе (οἰκειότης) с царем (*Arr. Anab.* III.11.3). Подробнее о военных функциях персидского сатрапа см.: *Briant P.* *Histoire de l'Empire Perse*. P., 1996. P. 352, 716–717, 801. Заметим, что в государстве Селевкидов иногда термин «стратег» был синонимом термина «сатрап». Ср.: SEG. 5.

²⁰ У. Тарн (*Tarn W.W.* *Op. cit.* P. 94.) предлагал датировать ее временем до 289 г. до н.э., когда начинается чеканка монет на бактрийских монетных дворах.

типа «слоновая колесница». Таким образом, выпуск Селевкии на Тигре относится приблизительно к началу 295 г. до н.э., Суз – 294 г. до н.э., Бактры – 290 г. до н.э., Ай-Ханум – 286 г. до н.э. Из этого видно, что Антиох достиг Бактрии не раньше 290 г. до н.э. Действовал ли Демодам в Бактрии самостоятельно, без Антиоха? Скорее всего, нет по ряду причин. Во-первых, бактрийское происхождение Антиоха играло слишком большую роль в этом предприятии, а во-вторых, в случае успеха единоличной операции Демодама пропадало то, что должно было определить Антиоха как будущего царя – *военная победа*. Из этого можно сделать вывод, что экспедиция была проведена приблизительно между 290 и 286 г. до н.э.

Как уже было упомянуто, Демодама в Бактрии сменил другой представитель военной элиты Селевкидов – Патрокл²¹. Его происхождение неизвестно²². По всей видимости, он принимал участие в походе на Вавилон (312 г. до н.э.), в результате чего в городе была установлена власть Селевка. В 311 г. до н.э., когда Селевк отправился в Мидию, Патрокл был оставлен стратегом Вавилона (Diod. XIX.100.5). В то же самое время в Месопотамию вторглись войска Деметрия Полиоркета. Однако Патрокл, даже располагая небольшим войском, сумел удержать одну из двух крепостей Вавилона (Plut. *Dem.* 7), спасти мирных жителей, предложив им покинуть город, а также информировать Селевка обо всех передвижениях Деметрия (Diod. XIX.100.5–6)²³. Сложно сказать, принимал ли Патрокл участие в индийском походе Селевка или нет, в конечном счете, это не так уж и важно. Возможно, проявив себя с лучшей стороны при обороне Вавилонии, Патрокл был оставлен Селевком для защиты области от возможного нападения.

Мы не знаем, где находился Патрокл в течение тринадцати лет, какие должности занимал, принимал ли он участие в битве при Ипсе. Однако в повествовании Плутарха есть один рассказ, в котором упоминается Патрокл. Вкратце напомним его содержание. В 287 г. до н.э. Деметрий Полиоркет после неудачного похода в Ка-

²¹ См.: Grainger J.D. Op. cit. P. 111.

²² Однако есть предположение, что он был македонянином. См.: Takaki A.B. *Macedonians Abroad: A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia*. Athens, 1998. P. 398.

²³ Хотя Плутарх считал главной причиной популярности Селевка в Вавилоне не меры, предпринятые Патроком, а грабительские действия Деметрия (*Dem.* 7).

рию и Лидию отступал вглубь Малой Азии, преследуемый Агафоклом, сыном Лисимаха. Потеряв большую часть своего войска, он пришел в Тарс, который принадлежал в то время Селевку. Там Деметрий написал Селевку письмо, в котором просил его о помощи. Селевк охотно согласился ему помочь, но Патрокл, который обладал серьезным авторитетом, посоветовал царю не содействовать Деметрию и его войску на своей же территории (Plut. *Dem.* 47). Послушавшись совета, Селевк отказал Деметрию в помощи. В результате, после череды побед, а затем неудач Деметрий был пленен Селевком и умер.

Оставим дальновидный совет Патрокла без комментариев, вряд ли тогда он мог просчитать все до мелочей. В данном отрывке нас в первую очередь интересует описание того влияния, какое оказывает на Селевка его приближенный. Безусловно, власть Селевка была более «абсолютной», чем власть Филиппа или Александра. Нерегулярность собрания «военного совета» давала царю неограниченные полномочия в управлении государством. Теоретически «военный совет» продолжал свое существование, но фактически не имел каких-либо законодательных или исполнительных функций, а всего-навсего одобрял уже принятые царем решения²⁴. В этих условиях Селевк опирался в первую очередь на военную элиту, непосредственно приближенных к нему людей – «друзей». Именно институт «друзей» подчеркивал личный характер власти царя²⁵. Тот факт, что Селевк прислушался к совету Патрокла в решении столь серьезного вопроса, свидетельствует, скорее всего, о его высокопоставленном положении. Плутарх также называет Патрокла «верным другом» (φίλος πιστός) Селевка (*Dem.* 47).

После смерти Демодама Патрокл был отправлен на Восток. По всей видимости, Селевк предпочитал, чтобы рядом с Антиохом постоянно находился один из его «друзей». Для чего - остается только догадываться. По прибытии Патрокл занял должность «начальника флота» (*praefectus classis*) и приступил к изучению Гирканского моря (Plin. *NH.* VI.58)²⁶. Научные изыскания Патрокла впоследствии широко использовались Страбоном и Гиппархом. Poleмику с Пат-

²⁴ Mehl A. Op. cit. S. 260. Ярким примером тому является торжественная речь Селевка перед войском (στρατιά), в которой он предложил собравшимся одобрить брак Антиоха и Стратоники (App. *Syr.* 61 (320–327)).

²⁵ Musti D. Syria and the East // САН². 1984. Vol. 7. Pt. 1. P. 179.

²⁶ Ср.: Strabo. II.1.6.

роком вели два других его современника, Мегасфен и Деимах (Strabo II.1.4, 9), однако работа Патрокла всячески восхвалялась Страбоном (II.1.2, 4; XI.7.1–3)²⁷. В год убийства Селевка Никатора (281 г. до н.э.) Патрокл находился в восточных сатрапиях. Приблизительно через два года он был отправлен новым царем, Антиохом, в Малую Азию для подавления вспыхнувших мятежей (Μεμνον. FGrH. 434. Fr. 9). Неизвестно, как и где закончил свою жизнь Патрокл. Сообщение Мемнона – это последнее упоминание о нем.

Итак, на примере биографий Демодама и Патрокла можно сделать вывод, что институт «друзей» был одной из формирующих основ в государстве Селевкидов в период его становления. Два военачальника царя, заслужившие его безграничное доверие, наряду с самим Селевком принимали активное участие в строительстве новой державы. Старые «друзья» Селевка поддерживали также молодого Антиоха I, как в период соправительства, так и во время его самостоятельного правления.

---

²⁷ О работе Патрокла см.: *Gisinger F. Patroklos (5) // RE. 1949. Bd. XVIII. Sp. 2263–2273*. Как считает А. Мель (op. cit. S. 259), и Мегасфен, и Деимах также были «друзьями» Селевка. Напомним, что оба они писали свои произведения, будучи послами Селевка и Антиоха к индийским правителям: Мегасфен – к Чандрагупте, Даимах – к его сыну Биндусаре.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

КЛЁНЫШЕВА Н.Д. (ЛИПЕЦК)

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

О римском браке довольно много написано в зарубежной историографии (имеются в виду труды правового и социологического направления), есть работы и отечественных ученых. Исследователей прежде всего интересуют правовые особенности различных форм римского брака, взаимоотношения супругов, роль женщины в браке и семья как единица социума¹. И это вполне объяснимо, поскольку из дошедших до нас источников, где вообще говорится о римском браке, львиная доля сведений касается юридических особенностей статуса жены, прав, связанных с приданым, прав мужа, детей и т.д. Особенно впечатляющих успехов на этом поприще добились ученые, изучающие социальную историю древности. Исследований, где рассматривается собственно бракосочетание и его ритуалы, а также их трактовка, существует не в пример меньше. Это, прежде всего, соответствующие разделы в монографиях, посвященных римским семейным ритуалам и обрядам вообще². Важное значение имеют также статьи, рассматривающие римские брачные

---

¹ *Corbett P.E.* The Roman Law of Marriage. Oxf., 1930; *Kaser M.* Das Römische Privatrecht. München, 1955; *Crook J.A.* Law and Life of Rome. N.Y., 1967; *Benedek F.* Die conventio in manum und die Förmlichkeiten der Eheschliessung im römischen Recht. Pecs, 1978; *Treggiari S.* Roman Marriage. Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the time of Ulpian. Oxf., 1991; *Dixon S.* The Roman Family. Baltimore, 1992; *Williams G.* Some Aspects of Roman Marriage Ceremonies and Ideals // JRS. 1958. Vol. 48. P. 16–29; *Rawson B.* Roman Concubinage and Other De Facto Marriages // TAPhA. 1974. Vol. 104. P. 279–305; *Shaw B.D.* The Age of Roman Girls at Marriage: Some Reconsiderations // JRS. 1987. Vol. 77. P. 30–46; *Freier B.W.* Natural Fertility and Family Limitation in Roman Marriage // CPh. 1994. Vol. 89. P. 318–333; *Смирин В.М.* Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 38–63; *он же.* О некоторых характерных чертах римского брака // Историческая демография докапиталистических обществ Запада и Востока. М., 1988. С. 48–60.

² *Marquardt J., Mau A.* Das Privatleben der Römer. Leipzig, 1879; *De-Marchi A.* Il culto privato di Roma antica. Milano, 1896. Vol. 1, *Samter E.* Familienfeste der Griechen und Römer. B., 1901; *idem.* Geburt, Hochzeit und Tod. Leipzig, 1912 (к сожалению, работы Е. Замтера остались мне недоступны); *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960. Из научно-популярных работ можно назвать следующие: *Johnston H.W.* The Private Life of the Romans. L., 1903, revised by M.J. Scott in 1939; *Balsdon J.P.* Roman Women. Their History and Habits. L., 1962; *Fowler W.W.* Social Life at Rome in the Age of Cicero. L., 1964. Авторы этих работ оговаривают, что ориентировались на исследования Й. Марквардта, А. Мау, А. Де-Марки и Е. Замтера, и не претендуют на более глубокое изучение соответствующей темы, а сами труды предназначены для студентов, изучающих античность.

ритуалы³. Задачей данного исследования также является рассмотрение не правового, а в первую очередь ритуального аспекта церемонии бракосочетания. Для изучения и реконструкции брачных церемоний наиболее ценными являются сообщения Плутарха, Сервия, Катутла, Феста, в меньшей степени - Плавта, Варрона и Плиния. Необходимо отметить, что хотя сведения традиции кажутся более или менее подробными, все же реконструкция ритуалов затруднительна и может быть только приблизительной.

Известно, что в древнем Риме было несколько видов брака. Самой древней формой была конфарреация (*confarreatio*). В историографии уже отмечалось, что конфарреация отличалась от других видов брака (коэмпция, узус – *coemptio, usus*) прежде всего наличием дополнительных религиозных церемоний⁴. Это не удивительно, поскольку этот брак был необходим для некоторых жреческих должностей. Но он довольно рано исчез в силу сложности самой церемонии. О религиозной стороне остальных форм римского брака судить сложнее ввиду недостатка данных. По мнению Й. Марквардта, все виды браков, кроме конфарреации, рассматривались как гражданские, то есть не были заключены ни по публичному, ни по сакральному праву⁵. Другие исследователи высказывают более осторожную точку зрения по этому поводу. Так, Э. Леонхард полагает эту форму брака всего лишь более торжественной, чем прочие⁶. Д.П. Хармон на основании данных юридических источников, в частности Модестина (*Dig. XXIII.2.1*), тоже не выделяет конфарреацию как единственный сакральный брак среди гражданских. Но, по его мнению, другие формы брака, в частности, коэмпция, также сопровождалась сакральными церемониями⁷. Сакральное содержание брачной процедуры вполне логично и ожидаемо, учитывая значимость брака и в частной жизни, и в жизни общины. Именно эта сложная проблема – религиозные элементы, их значение и смысл в других формах брака помимо конфарреации – будет

³ *Fowler W. Confarreatio. A Study of Patrician Usage // JRS. 1916. Vol. 6. P. 185–195; Harmon D.P. The Family Festivals of Rome // ANRW. 1978. P. 1592–1603.*

⁴ *Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 33; De-Marchi A. Op. cit. Vol. 1. P. 155–157; Fowler W. Confarreatio. A Study of Patrician Usage // JRS. 1916. Vol. 6. P. 185–195; Harmon D.P. Op. cit. P. 1598; Latte K. Op. cit. S. 96–97.*

⁵ *Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 35.*

⁶ *Leonhard E. Confarreatio // RE. 1900. Hbd. 7. Sp. 862–863.*

⁷ *Harmon D.P. Op. cit. P. 1598–1599.*

рассмотрена в данной статье. По всей видимости, они в целом сопровождались одинаковыми ритуалами.

Свадьбе предшествовала помолвка – *sponsalia*. Насколько можно судить по данным традиции, она не сопровождалась какими-либо ритуалами; сватовство было юридическим актом⁸. Формула *Spondesne?* – *Spondeo* общеизвестна не только в отношении брака, но и деловой жизни. Согласно «Дигестам», «для совершения брачного сговора достаточно простого изъявления согласия», причем во времена Ульпиана допускалось «сговаривать отсутствующую за отсутствующего», но с условием, что «сговор совершается с ведома тех, кто отсутствует, или если они после на это согласятся» (*Dig.* XXIII.1.4–5. Здесь и далее перевод «Дигест» А.В. Щеголева). Кроме того, «при брачном сговоре не имеет никакого значения, составляется ли письменное показание свидетелей или же кто-либо совершает сговор без составления письменного документа» (*Dig.* XXIII.1.7). Таким образом, обручение могло быть зафиксировано документом, а могло быть устным. Брачный возраст для мальчиков составлял 14 лет, для девочек – 12 (*Gai.* I.196; *Dig.* XXIII.2.4 [Rompr.]). Особенностью помолвки являлось то, что «при совершении брачного сговора (*sponsalia*) возраст сговаривающихся не определен, как при браке. В силу этого сговор может быть произведен и в раннем возрасте, если только оба лица (и жених, и невеста) понимают, что совершается сговор, то есть если им не меньше семи лет» (*Dig.* XXIII.1.14).

У Плавта сватовство осуществляет либо отец, либо сводник, либо сам жених. Как известно, согласие на брак давал отец или опекун (*Dig.* XXIII.1.13–14). Жених мог дать невесте залог исполнения своего обещания жениться – кольцо⁹. Это кольцо, согласно Исидору, невеста носила на четвертом пальце, и оно служило знаком, связавшим сердца жениха и невесты¹⁰.

⁸ Plaut. *Aul.* 220–237, 241–242; *Curcul.* 672–678; *Poen.* 1156–1159; Varro. *LL.* VI.69–72; Terent. *Andr.* 77, 101; *Dig.* XXIII.1.2.

⁹ Plin. *NH.* XXXIII.12: *Etiamnunc sponsae muneris vice ferreus annulus mittitur isque sine gemma*; *Dig.* XXIV.1.36.1: *Sponsus alienum anulum sponsae muneris misit et post nuptas pro eo suum dedit...*; Isidor. *Or.* 19.32.4: *Feminae non usae anulis nisi quos virgini sponsus miserat*; Tertull. *Apol.* 6: *Aurum nulla norat praeter uno digito, quem sponsus oppignerasset pronubo anulo.*

¹⁰ Isidor. *De Eccl. off.* II.2.20: *Quod in primis anulus a sponso sponsae datur, fit hoc nimirum vel propter mutuae fidei signum vel propter id magis, ut eodem pignore eorum corda iungantur. Unde et quarto digito anulus idem inseritur.*

День свадьбы выбирали таким образом, чтобы он не выпал на несчастливое время. Таким временем римляне считали, во-первых, дни, посвященные духам мертвых – лемурии, паренталии, фералии, а также те три дня, когда осуществлялся ритуал под названием *mundus patet*, также связанный с почитанием умерших¹¹. Иды, календы и ноны также считались неблагоприятными¹². Традиция сходится в том, что после нон следующий день – «черный», так как римское войско тогда потерпело поражение¹³. Плутарх в «Римских вопросах» спрашивает: «Откуда обычай в праздничные дни выходить замуж не девушкам, а вдовам?» (Plut. *Quaes. Rom.* 105). Из этого можно заключить, что для первого брака и праздничные дни считались неподходящими. Первого марта, в день шествия салиев, Овидий (*Fast.* III.393–396) рекомендует: «Девушка, свадьбу отсрочь, хоть вы и торопитесь оба: / В малой отсрочке теперь радость большую найдешь. / К битвам оружие ведет, а битвы противны супругам; / Спрячут оружие – для вас будет примета к добру».

Предание сохранило достаточно сведений о свадебной одежде невесты, но об одежде жениха почти не говорится. Насколько можно судить, только Катулл сообщает (LXI.6–10):

«Окружи же виски цветком,
Майораном благоухай,

¹¹ Ovid. *Fast.* V.487–490: «И ни вдове в эти дни, ни девице праздновать свадьбу / Не подобает никак: долгим не будет их век. / Вот почему я скажу, если ты пословицам веришь: / В мае, народ говорит, замуж идти не к добру...» (перевод Ф. Петровского). О ритуале *mundus patet* см.: Fowler W. *Mundus patet*: 24th August, 5th October, 8th November // JRS. 1912. Vol. 5. P. 25–33.

¹² Macr. *Sat.* I.15.21–22: *Nec hoc praetermisirim quod nuptiis copulandis kalendas nonas et idas religiosas, id est devitandas, censuerunt. Hi enim dies praeter nonas feriatum sunt, feriis autem vim cuiquam fieri piaculare est: ideo tunc vitantur nuptiae in quibus vis fieri virgini videtur. Sed Verrium Flaccum iuris pontificii per-tissimum dicere solitum refert Varro, quia feriis tergere veteres fossas liceret, novas facere ius non est, ideo magis viduis quam virginibus idoneas esse ferias ad nubendum. Subiciet aliquis: cur ergo nonis, si feriatum dies non est, prohibetur celebritas nuptiarum. Huius quoque rei in aperto causa est. Nam quia primus nuptiarum dies verecundiae datur, postridie autem nuptam in domo viri dominium incipere oportet adipisci et rem facere divinam, omnes autem postridiani dies seu post kalendas sive post nonas idusve ex aequo atrii sunt, ideo et nonas inhabiles nuptiis esse dixerant, ne nupta aut postero die libertatem auspicaretur uxorem aut atro immolaret quo nefas est sacra celebriari.*

¹³ Ovid. *Fast.* I.57; Macr. *Sat.* I.15.21–22; Fest. P.178 M, s.v. nonarum: *Nonarum, Id>uum, Kalen<darum dies> . . . <n>ovae nuptae . . . trum inlucisce. . . <atri hi d>ies esse iudica<ti sunt, quod quotienscumque Romani du>ces belli ge<rendi gratia his diebus supplicaverunt, mal>e rempublicam ges<erunt.*

*С огненной фатой сюда
Ты иди белой стопой,
В обувь алую вдетой»¹⁴.*

Таким образом, жених надевает фламмеум и желтую щегольскую обувь, на голове его венки. Можно предположить, что венки тоже составлены из т.н. вербен, как и венки невесты (см. ниже). На римских рельефах, изображающих жениха и невесту, жених может изображаться и с покрытой головой, и с непокрытой. У Катулла все это выглядит как нарядная одежда, и никакого ритуального значения она не имеет.

Об одежде невесты сообщается подробнее. Накануне свадьбы невеста посвящала богам свою повседневную одежду, а также игрушки¹⁵. Сообщения об этом сохранились у поздних комментаторов, иногда со ссылкой на их предшественников, прежде всего на Варрона¹⁶. Й. Маркварт предполагает, что свою девичью одежду невеста посвящала Ларам в отчем доме¹⁷.

Одежду, которую надевала невеста накануне бракосочетания, перечисляет Фест: белая *tunica recta* («прямая туника», называемая также *regilla*) с вертикально направленными нитями и золотистого цвета сетка для головы¹⁸. Фест сообщает также, что «прямую тунику» следовало ткать сверху вниз, и притом стоя, и что это была одежда «взрослая»¹⁹. В этом наряде, как можно понять, невеста должна была переночевать в доме отца в последний раз. Собственно свадебная одежда включала и другие детали. Невеста надевала ту же тунику, подпоясывала шерстяным поясом (*cingulum*)²⁰, завязанным особым узлом (*nodus herculeus*). На голову она надевала

¹⁴ *Cinge tempora floribus / suave olentis amaraci, / flammeum cape, laetus huc, / huc veni, niveo gerens / luteum pede soccum.*

¹⁵ Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 42.

¹⁶ Наиболее полный материал собран у Й. Марквардта, который указывает следующие источники: Schol. Cruq. *Ad Hor. Sat.* I.5.69; Non. P. 189; 538.14; Arnob. II.67; Pers. II.70.

¹⁷ Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 42.

¹⁸ Fest. P. 286 M: *regillis tunicis albis, et reticulis luteis utrisque rectis, textis sursum versum a stantibus pridie nuptiarum diem virgines indutae cubitum ibant ominis causa, ut etiam in togis virilibus dandis observari solet.*

¹⁹ Fest. 277 M: *Rectae appellantur vestimenta virilia, quae patres liberis suis conficienda curant ominis causa, ita usurpata, quod a stantibus et in altitudinem texuntur.*

²⁰ Fest. P. 63 M, s.v. cingillo.

красное (или шафранного цвета) покрывало (*flammeum*)²¹. Волосы невесты были расчесаны особым образом: их разделяли на шесть прядей (*crines*)²². Для этого использовалось, как сообщает Овидий (*Fast.* II.560), *hasta recurva* – «загнутое копьё». Когда Плутрах задается вопросом: «Почему волосы у новобрачных разделяют на пробор острием копья?» (*Quaes. Rom.* 87), он использует слово *δοράτιον*, «копьецо». У Феста данный предмет носит название *hasta coelibraris*²³. Кроме того, невеста надевала венок из «вербен», собранных ею самой²⁴. Сервий говорит, что «вербенами» называются вечнозеленые кустарники с приятным запахом и что так именуется вся священная зелень, такая как лавр, олива и мирт²⁵. Эти растения наравне с розмарином рассматривались как очищающие или как средство, чтобы отогнать злых духов²⁶. Согласно Каталлу, обувь невесты была желтого цвета (LXI.10).

Авторы, сообщающие об одежде невесты, крайне редко объясняют те или иные особенности ее туалета. О *tunica recta* рассказывает Фест, но никак не проясняет, с чем было связано использование именно такого вида туники. Он, как было отмечено выше, говорит лишь, что это – одежда для взрослых. Трудно сказать также, поче-

²¹ Mart. XII.42.3–4: *Praeluxere faces, velarunt flammea vultus, / Nec tua defuerunt verba, Talasse, tibi; Iuv. II.124–126: segmenta et longos habitus et flammea sumit / arcano qui sacra ferens nutantia loro / sudavit clipeis ancilibus; Catull. 61.114–115: tollite, o pueri, faces: / flammeum video venire; Plin. NH. XXI.46: lutei video honorem antiquissimum, in nuptialibus flammeis totum feminis concessum, et fortassis ideo non numerari inter principales, hoc est communes maribus ac feminis, quoniam societas principatum dedit; Fest. P. 89 M: flammeo amicitur nubens.*

²² Fest. P. 339 M: *Senis crinibus nubentes ornatur, quod is ornatus vetustissimus fuit; Plaut. Most. 224–225: Si tibi sat acceptum est fore tibi victum sempiternum / atque illum amatorem tibi proprium futurum in vita, / soli gerundum censeo morem et capiundas crines.*

²³ Fest. 62–63 M: *coelibriari hasta caput nubentes comebatur, quae in corpore gladiatoris stetisset abiecti occisique ut, quemadmodum illa coniuncta fuerit cum corpore gladiatoris, sic ipsa cum viro sit; vel quia matronae Iunonis Curitis in tutela sint, quae ita appellabatur a ferenda hasta, quae lingua Sabinorum Curis dicitur; vel quod fortes viros genituras ominetur; vel quod nuptiali iure imperio viri subiicitur nubens, quia hasta summa armorum et imperii est. Quam ob causam viri fortes ea donantur et captive sub eadem veneunt, quos Graeci δορυαλώτους et δορυκτήτους vocant.*

²⁴ Fest. P. 63 M: *Corollam nova nupta de floribus verbenis herbisque a se lectus sub amiculo.*

²⁵ Serv. *Ad Ecl.* VIII.65: *verbenae dicuntur virgulta, quae semper virent, iucundi odoris; Ad Aen.* XII.120: *verbenas... vocamur omnes frondes sacratas, ut est laurus, oliva vel myrtus.*

²⁶ Schuster M. *Verbena* // RE. 1955. Reihe 2. Hbd. 15. Sp. 974–975.

му ее ткнут особым образом. Шерстяной пояс и «гераклов узел» объяснить проще. Шерсть вообще имела важное значение в свадебных обрядах. «Гераклов узел», согласно Плинию (NH. XXVIII.63), способствовал быстрейшему заживлению ран, а пояс с таким узлом помогал сохранить силу тела. По поводу особой прически для невесты какие-либо сведения не сохранились. Фест (Р. 62–63 М) предлагает свою трактовку обычая причесывать невесту острием копья. «Невестам убрали голову при помощи *coelibriari hasta*, которое находилось в теле поверженного и убитого гладиатора, ведь точно так же оно было соединено с телом гладиатора, как сама она с мужем; или потому что матроны (находятся) под покровительством Юноны Куриты, которая названа (так) из-за ношения копья, каковое на языке сабинян называется «курис»; или так как предвещает рождение смелых мужей; или же потому, что по брачному праву подчинена жена власти мужа, так как копье есть суть оружия и власти». Относительно веры в особую магическую силу копья, извлеченного из тела гладиатора, Й. Марквардт замечает, что это суеверие, возможно, позднего происхождения, точно так же, как приписывание особой силы крови, печени, одежде гладиатора или же кинжалу, которым он был убит²⁷.

Собственно свадебный обряд, насколько можно судить, происходил и в доме невесты, и в доме будущего супруга. Однако в точности реконструировать его довольно сложно: источники сохранили разрозненные сведения, которые могут являть различающиеся в деталях картины.

Традиция часто сообщает об ауспициях, которые сопровождают свадебный ритуал²⁸. Однако нельзя точно сказать, как именно они происходили. Ауспиции во время Поздней Республики были, как пишет Д. Шайд, «одним из формальных элементов, необходимых для того, чтобы решение стало законным в соответствии с публичным правом»²⁹. Однако чем являлись ауспиции в частных религиоз-

²⁷ Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 44. Anm. 5.

²⁸ Cic. *De div.* I.16.28: *Nihil fere quondam maioris rei nisi auspiciato ne privatum quidem gerebatur, quod etiam nunc nuptiarum auspices declarant, qui re omissa nomen tantum tenent*; Val. Max. II.1.1: *Apud antiquos non solum publice, sed etiam privatim nihil gerebatur nisi auspicio prius sumpto. Quo ex more nuptiis etiam nunc auspices interponuntur, qui, quamvis auspicia petere desierint, ipso tamen nomine veteris consuetudinis uestigia usurpantur.* Serv. *Ad Aen.* IV.45: *Varro de pudicitia ait, auspices appellatos ab auspiciis, quae ab marito et nova nupta per hos auspices captabantur in nuptiis.* Serv. *Ad Aen.* I.34; III.136; IV.166.

²⁹ Шайд Д. Религия римлян. М., 2006. С. 124.

ных ритуалах? Согласно Цицерону, «некогда почти ни одно сколь-либо значительное дело, даже частного лица, не совершалось без ауспиций, о чем свидетельствуют также ауспиции, совершаемые ныне перед бракосочетанием, которые, впрочем, только названием своим напоминают прежний обряд» (*De div.* I.28. Перев. М.И. Рижского). Чуть ранее здесь же он сожалеет о том, что многие ауспиции в его время заброшены и отставлены. Валерий Максим вслед за Цицероном говорит, что на свадьбах присутствуют жрецы, которые, хотя и пренебрегают теперь ауспициями, но все же самым присутствием своим сохраняют остатки древнего обычая (II.1.1). Возникает вопрос, что было бы, если бы ауспиции оказались несчастливymi? Следовало ли в таком случае отказаться от свадьбы? Скорее всего, как и в общественном культе, при брачных ауспициях речь шла лишь о выборе дня осуществления задуманного мероприятия, в данном случае – свадьбы. И хотя ауспиции во времена поздней Республики и Империи могли стать формальностью, однако они не только легитимировали бракосочетание, но и подтверждали сакральное значение брака. Возможно, эти ауспиции призваны были узнать волю Юноны Пронубы как покровительницы брака.

Из двух сообщений традиции складывается впечатление, что волю богов о бракосочетании узнавали не только при помощи ауспиций. Цицерон рассказывает, что Цецилия Метелла желала выдать замуж свою племянницу и отправилась вместе с ней в некий храм, чтобы получить знак о замужестве. Цецилия Метелла сидела, а девушка стояла. Обе напрасно прождали некоего голоса, и, наконец, усталая девушка попросила тетку уступить ей стул, что и было сделано со следующими словами: «Охотно, моя девочка, уступаю тебе мое место». Это и оказалось необходимым знамением. «Она сама (Цецилия – Н. К.) вскоре умерла, девушка же вышла замуж (за того), которому Цецилия была женой» (*De div.* I.104. Перев. М.И. Рижского). Валерий Максим почти дословно передает эту легенду (I.5.4). Очевидно, женщины ждали вообще хоть какого-нибудь знамения о замужестве девушки.

Далее, как можно предположить, в доме невесты происходил собственно ритуал бракосочетания. В общих чертах он выглядит следующим образом. Жених в сопровождении друзей приходил в дом невесты. Когда собирались гости, им сообщали результат ауспиций, и тогда начиналось собственно бракосочетание. При конфарреационном браке жених и невеста подтверждали свое согласие

в присутствии десяти свидетелей; на этой церемонии присутствовал великий понтифик и фламмин Юпитера³⁰. Традиция сообщает также о пронубе, которая обязательно приглашалась на свадьбу и совершала некий ритуал. Согласно Фесту, пронуба – это женщина, которая замужем была единожды, что предвещало непрерывность брака³¹. По Сервию, цитирующему Варрона, пронуба окутывает молодоженов покрывалом³². На римских рельефах можно видеть жениха и невесту, позади которых стоит женщина, накидывая на обоих покрывало; правые руки жениха и невесты соединены (*dextrarum iunctio*, см. рис. 1, 2). Хекенбах утверждает, что пронуба подводила невесту к жениху, чтобы соединить правые руки молодоженов³³. Однако в традиции об этом нет сведений, хотя предположение не лишено логики. После этого приносили бескровную жертву Юпитеру. На конфарреационной церемонии в жертву приносили овцу (*Serv. Ad Aen. IV.374*). Фламмин Юпитера взывал к брачным богам, в особенности Юноне Пронубе, а молодые тем временем сидели на стульях, покрытых шкурой принесенной в жертву овцы³⁴. Возможно, что-нибудь подобное (жертвоприношение и взывание к божественной покровительнице брака) имело место и в других случаях. С браком, кроме Юноны, были связаны Церера, Теллус, а также Пикумн и Пилумн³⁵. Плутарх называет греческих богов Зевса, Геру, Афродиту, Пейто и Артемиду как аналоги римских (*Quaes. Rom. 2*). Кроме того, в историографии XIX – начала XX в. в реконструкции свадебного ритуала указывается следующая деталь: жених с невестой шли вокруг алтаря, а камилл нес

³⁰ Ulp. *Fr. IX: farreo convenitur in manum certis verbis et testibus X praesentibus et solemnibus sacrificio facto, in quo panis quoque farreus adhibetur*; *Serv. Ad Georg. I.31: tribus enim modis apud veteres nuptiae fiebant:... farre, cum per pontificem maximum et Dialem flaminem per fruges et molam salsam coniungebantur, unde confarreatio appellabatur, ex quibus nuptiis patrimi et matrimi nascebantur...*; *Gai. I.112*.

³¹ *Fest. P. 242 M: Pronubae adhibentur nuptis, quae semel nupserunt, ut matrimonii perpetuitatem auspicantes.*

³² *Serv. Ad Aen. IV.166: Varro pronubam dicit quae ante nupsit et quae unitantum nupta est: ideoque auspices deliguntur ad nuptias.*

³³ *Heckenbach J. Hochzeit // RE. 1913. Hbd. 8. Sp. 2132.*

³⁴ *Serv. Ad Aen. IV.374: Mos enim apud veteris fuit flamini ac flaminicae, dum per confarreationem in nuptias convenirent, sellas duas iugatas ovilla pelle superiniecta poni eius ovis, quae hostia fuisset, ut ibi nubentes velatis capitibus in confarreatione flamen ac flaminica residerent... Quod cum eo sedeat, dum confarreatur.*

³⁵ *Serv. Ad Aen. IV.58, 166; Fest. P. 87 M; Non. P. 528 L: Pilmunus et Picumnus dii praesides auspiciis coniugalibus deputantur.*

перед ними корзину (*cumerum*)³⁶. Действительно, Фест разъясняет, что *cumerum* – это свадебный сосуд (*vas nuptiale*), каковой несли на свадьбах, и в котором была свадебная утварь (*nubentis utensilia*)³⁷. Сервий рассказывает, что матроны при домашних жертвоприношениях шли вокруг алтаря³⁸. Что касается Валерия Флакка, то в его стихотворении говорится не о женихе и невесте, а о супругах³⁹. В целом, реконструкция Й. Марквардта и Хекенбаха выглядит логичной. Однако это уточнение либо игнорируется частью исследователей, либо вообще не упоминается без всякого объяснения или дискуссии⁴⁰.

Затем начинался свадебный пир, после которого невесту затемно торжественно провожали в дом мужа. Жених вырывал невесту из рук матери, и процессия двигалась в дом жениха. Невесту вели двое мальчиков, перед ними шел мальчик с факелом, причем факел этот, судя по данным источников, чем-то отличался от прочих. По данным Феста, факел сделан из терновника (*spina alba* – Fest. P 245 M). По Сервию, этот факел то ли из рога, то ли рогообразный, то ли кизилковый (*corneus*)⁴¹. Трое мальчиков, о которых говорит Фест, должны были непременно быть *patrimi et matrimi*⁴². Согласно Плутарху, факельщиков обязательно должно быть пять

³⁶ Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 49; Heckenbach. Op. cit. Sp. 2132–2133.

³⁷ Fest. P. 50 M: *cumerum vas nuptiale a similitudine cumerarum, quae fiunt palmeae vel sparteae ad usum popularem, sic appellatum*; P. 63 M: *cumerum vocabant antiqui vas quoddam, quod opertum in nuptiis ferebant, in quo erant nubentis utensilia, quod et camillum dicebant, eo, quod sacrorum ministrum κάσιλλον appellabant*. Cp. Varro. LL. VII.34.

³⁸ Serv. Ad Aen. IV.62: *spatiatur ad aras matronae enim sacrificaturae circa aras faculas tenentes ferebantur, quod cum quodam gestu fiebat: unde Sallustius “saltare elegantius quam necesse est probae”. quidam genus sacrificii appellant, quo veteres cum aras circumirent et rursus se converterent et deinde consisterent, dicebant minusculum sacrum*.

³⁹ Val. Flacc. 243–246: *inde ubi sacrificas cum coniuge venit ad aras / Aesonides unaque adeunt pariterque precari / incipiunt, ignem Pollux undamque iugalem / praetulit et dextrum pariter vertuntur in orbem*.

⁴⁰ А. Де Марки (op. cit. P. 147–165) и Д.П. Хармон (op. cit. P. 1598–1600) не упоминают обход вокруг алтаря и участие в нем камилла. Мантл (*Mantle I.C. The Roles of Children in Roman Religion // GR. 2002. Vol. 49. P. 99–102.*), говоря об участии детей в свадебных обрядах, упоминает данные Варрона (LL. VII.34), но не делает из них указанного выше вывода.

⁴¹ Serv. Ad Ecl. VIII.29: *corneae sane faces, quae quasi diutissime luceant: quas rapiunt tamquam vitae praesidia; namque his qui sunt potiti diutius feruntur vixisse*.

⁴² Fest. P. 245 M: *Patrimi et matrimi pueri praetextati tres nubentem deducunt; unus, qui facem praefert ex spina alba, quia noctu nubebant; duo, qui tenent nubentem*.

(*Quaes. Rom.* 2). Фест говорит, что факелы на свадьбах несут в честь Цереры⁴³. В свадебной процессии участвовали родственники, друзья и зеваки. Трудно сказать, шла ли вместе с ними пронуба, а в случае конфарреационного брака, присоединялись ли жрецы. В шествии шли флейтисты, участники запевали фесценнину⁴⁴. Слова фесценнины, адресованные жениху, могли быть даже грубыми или скабрёзными. Раздавались выкрики «Таласий!» (*Plut. Quaes. Rom.* 31) и «Гименей!»⁴⁵ Мальчикам, участвовавшим в процессии, бросали орехи⁴⁶. Орехи (*iuglandes* – «грецкие»), согласно Сервию, это символы Юпитера⁴⁷. Он дает и другое, более фривольное объяснение⁴⁸. И у Феста, и у Сервия орехи (*nuces*) нужны для благого предзнаменования (*Paul. P.* 174 M; *Serv. Ad Ecl.* VIII.29), причем они обязательно должны упасть на землю (*Serv. Ibid.*).

Сервий сообщает, что по прибытии к дому мужа новобрачная смазывала дверные косяки маслом (*oleo*) и украшала шерстяными повязками (*laneis vittis*)⁴⁹. Однако у Плутарха (*Quaes. Rom.* 31) не женщина, а мужчина украшает шерстью вход в дом. Интересно, что *vitta* – это не только головная повязка жрецов (в том числе весталок), но и священная (ее повязывали жертвенным животным, украшали статуи богов), и символ слезной просьбы⁵⁰. Ниже в том же пассаже Сервий говорит, что молодая смазывала дверные косяки волчьим жиром (*unguine lupino*). Он дает следующие объяснения: именно волчий жир использовался либо потому, что это универ-

⁴³ *Paul. ex Fest. P.* 87 M, s.v. *facem: facem in nuptiis in honorem Cereris praeferebant; aqua aspergebatur nova nupta, sive ut casta puraque ad virum veniret, sive ut ignem atque aquam cum viro communicaret.*

⁴⁴ *Fest. P.* 245 M: *Praetextum sermonem quidam putant dici, quod praetextatis nefas sit obsceno verbo uti: aliquod nubentibus depositis praetextis a multitudine puerorum obscena clamentur.* *Catull.* 61.126–127.

⁴⁵ *Catull.* LXI.117–118; 62.5; *Ter. Adelph.* 906; *Plaut. Cas.* 800.

⁴⁶ *Paul. ex Fest. P.* 174 M, s.v. *nuces: nucis flagitantur nuptis et iaciuntur pueris, ut novae nuptae intranti domum novi mariti secundum fiat auspicium.* *Catull.* 61.128–133, 140.

⁴⁷ *Serv. Ad Ecl.* VIII.29: *idem Varro spargendarum nucum hanc dicit esse rationem, ut Iovis omine matrimonium celebretur, ut nupta matrona sit, sicut Iuno: nam nucis in tutela sunt Iovis, unde et iuglandes vocantur, quasi Iovis glandes.*

⁴⁸ *Ibid.:* *nam illud vulgare est, ideo spargi nucis, ut rapientibus pueris fiat strepitus, ne puellae vox virginitatem deponentis possit audiri.*

⁴⁹ *Serv. Ad Aen.* IV.458: *moris enim fuerat, ut nubentes puellae, simul venissent ad limen mariti, postes antequam ingrederentur, propter auspiciam castitatis, ornarent laneis vittis: unde ait „velleribus niveis“: et oleo ungerent, unde uxores dictae sunt, quasi unxores.*

⁵⁰ *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 829.

сальное лекарство от болезней, либо потому, что Ромула и Рема вскормила волчица, либо по той причине, что волчица остается верной своему волку всю жизнь и не находит второго супруга⁵¹. Использование обработанной шерсти (*lanificium*) является символом того, что невеста обязуется пряхть в доме мужа. У Нония (531 L. 8) есть сообщение, что невеста приносила жертву ларам. Затем «проводящие» переносили невесту через порог в атриум⁵². Плутарх (*Quaes. Rom.* 31) говорит, что «когда невесту вводят в дом, ей под ноги стелют овчину, сама она вносит прялку и веретено» (*Quaes. Rom.* 31).

Проводился некий ритуал, связанный с огнем и водой, но описания его разнятся. Плутарх пишет, что новобрачную заставляют (*κελεύουσιν*) прикасаться к огню и воде (*Quaes. Rom.* 1). Фест (р. 87 М) указывает, что невесту окропляли (*aspergebatur*) водой, и объясняет причину: тем самым жена разделяет огонь и воду с мужем, иными словами, вступает в права хозяйки. По Варрону (*LL.* V.61), огонь и вода – это причина рождений, и огонь символизирует мужчину, а вода – женщину, потому-то и то, и другое применяется на пороге во время свадеб. Похожее сообщение есть и у Сервия (*Ad Aen.* IV.103), с тем уточнением, что огонь и вода используется в конферрации. Интересно указание Варрона на то, что посвящение жены происходит именно на пороге, т.е. в дверях: это переход между внешним (чужим) и внутренним (домашним) пространством. Можно предположить, что таким образом невеста и превращается в хозяйку. Если вспомнить, что ритуалы, связанные с порогом, встречаются и при обрядах рождения (когда по нему ударяли топором и пестиком, а потом подметали), то порог в таком случае приобретает особое сакральное значение в свадебном ритуале (интересно, что традиция не сообщает о пороге, когда передает сведения о погребальных обрядах). Не случайно именно дверные косяки или саму дверь украшали шерстяными повязками и умащивали: это, вероят-

⁵¹ Serv. *Ad Aen.* IV.458: *qui de nuptiis scripsisse dicuntur, tradunt, cum nova nupta in domum mariti ducitur, solere postes unguine lupino oblini, quod huius ferae et unguen et membra multis rebus remedio sunt. alii hoc Romuli dicunt temporibus institutum, quod Romulus et Remus lupino lacte nutriti sunt. dicitur etiam lupam in concilio multorum eiusdem generis sociari marito, eamque amisso eo nulli alteri post iungi, quod ipse subiecit "non licuit thalami expertem sine crimine vitam degere more ferae", id est lupae. haec ergo ideo a nove nuptis fiebant, ut sciret se puella domum religiosam ingredi: simul lanam ferens lanificium promittebat.*

⁵² Plut. *Quaes. Rom.* 29; Serv. *Ad Ecl.* VIII.29: *quas etiam ideo limen ait non tangere, ne a sacrilegio inchoarent, si depositurae virginitatem calcent rem Vestae, id est numini castissimo, consecratam.*

но, должно было закрепить связь между невестой и ее новой семьей, в том числе и религиозную связь.

Кроме того, Фест сообщает, что для молодых стелют ложе (*lectus genialis*) в честь гения⁵³. Согласно Сервию (*Ad Aen.* VI.603), это ложе получило свое название из-за рождения детей (*a generandis liberis*). В историографии встречается мнение, что жена укладывалась на грудь мужа, а также что к этому ложу ее подводила пронуба⁵⁴. Однако оба предположения не подтверждаются источниками. Если именно пронуба подводила невесту к брачному ложу, то она должна была участвовать в свадебной процессии и войти в дом вместе с молодыми и родственниками, но когда традиция говорит о свадебном шествии, пронуба в этом контексте никогда не упоминается.

На следующий день молодожены принимали гостей, и молодая уже выступала как хозяйка дома.

Согласно предположению Й. Марквардта, весь ритуал подразделялся на три части: невесту передавали в руки жениха, торжественно провожали в дом мужа, где ее при помощи ритуалов принимали⁵⁵. К. Латте полагает, что свадебные ритуалы в целом должны были обеспечить, во-первых, переход жены из-под защиты духов своего дома под защиту духов нового дома, а во-вторых, защитить супругов от бесплодия⁵⁶. С указанными точками зрения нельзя не согласиться. Можно заметить, что свадебные церемонии были тесно связаны с божествами плодородия, и в них большую роль играют растения. Именно аграрные божества должны были способствовать тому, чтобы брак был счастливым. Интересно, что слово *felix* является однокоренным с *fetus* и, что особенно важно, с *femina*⁵⁷. «Счастливым» римляне, как можно понять из указанных выше сообщений традиции, полагали нерушимый брак (неслучайно появление пронубы), в котором супруги обязательно должны обзавестись потомством.

Особое внимание к туалету невесты может указывать на ту

⁵³ Paulus ex Fest. P. 94 M: *genialis lectus, qui nuptiis sternitur in honore genii, unde et appellatus*; Catull. 61.171–189; Hor. *Epist.* I.1.87.

⁵⁴ Harmon D.P. Op. cit. P. 1599. Д.П. Хармон подтверждает эту идею двумя ссылками: на Горация (*Epist.* I.1.87) и Феста (P. 83 L). Однако хотя в обоих случаях есть сообщения о брачном ложе, ничего не говорится о невесте, лежащей у супруга на груди. Согласно Хекенбаху (*Heckenbach J.* Op. cit. Sp. 2133), пронуба подводила к ложу невесту, но он не аргументирует свою точку зрения.

⁵⁵ Marquardt J., Mau A. Op. cit. S. 45–55.

⁵⁶ Latte K. Op. cit. S. 96.

⁵⁷ Дворецкий И.Х. Указ. соч. С. 321; Oxford Latin Dictionary. Oxf., 1968. P. 684.

роль, которую она должна была выполнять в доме мужа. После заключения брачного обряда невеста становилась матроной и выполняла домашние священнодействия. Матрона – хранительница домашнего очага, поэтому «правильному» выполнению ритуала превращения девушки в хозяйку дома, причем в чужой семье, уделялось особое значение. Этого нельзя сказать о мужчине. Молчание традиции об одежде жениха, о его действиях на свадьбе можно объяснить тем, что именно женщина могла рассматриваться издревле как порождающее и при том очень уязвимое начало и все ритуалы призваны защитить от враждебных сил именно ее и будущее потомство. Что касается защиты молодожена, то его, вероятно, стремились уберечь от бесплодия, а функцию оберегающего заклинания могла играть фесценнина⁵⁸.

Отдельно следует сказать об окутывании молодых покрывалом. Судя по самим латинским словам *nuptiae*, *nupta*, *nuptus*, этому ритуалу придавалось особое значение и он сохранялся на протяжении существования римской цивилизации вплоть до того времени, когда был заменен христианским ритуалом венчания. В конфарреационной церемонии молодых «соединяли» хлебом (*farreum*), а в прочих брачных церемониях ту же роль играло окутывание, имевшее сакральный смысл. Таким образом, хотя сведений немного, что характерно в целом для сохранившейся информации о частных культах, все же и в брачных церемониях, не имеющих, в отличие от конфарреации, четко выраженного религиозного значения, выявляются определенные религиозные элементы и сакральное содержание.

⁵⁸ Porph. In Hor. Epod. VIII.18: *Minusve languet fascinum. Aequae pro virili parte posuit, quoniam praefascinandis rebus haec membri deformitas adponi solet.* Слова *fescennini* и *fascinum* однокоренные, см.: Hammond N.G.L., Scullard H.H. Oxford Classical Dictionary. Oxf., 1976. P. 435.

ОДИНЦОВ Д.С. (САРАТОВ)

ВОПРОС ГРАНИЦ И СОЮЗОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА ДО ПЕРВОЙ ВОЙНЫ С РИМОМ

Первая Митридатова война началась достаточно неожиданно для обеих вовлеченных в конфликт сторон. Однако это утверждение не отменяет того факта, что вся внешняя политика Рима и Митридата на протяжении предшествующего десятилетия приближала обе державы к неминуемой схватке. Евпатор, готовясь к неизбежному в той или иной форме «выяснению отношений» с Римом, активно использовал пропаганду, которая велась в трёх направлениях – обоснование территориальных притязаний Понтийского царства, использование культа Диониса для придания своей власти харизматического ореола, подражание Александру как идеальному монарху. Главной целью этой пропаганды, несомненно, была консолидация вокруг Понтийского царства людских и материальных ресурсов Востока, что должно было способствовать успеху в его противостоянии с Римом. В данной работе мы рассмотрим первое из указанных направлений митридатовской пропаганды.

Границы Понтийского царства с самого времени его основания постоянно увеличивались в результате аннексий и наследований. Однако в дальнейшем в связи с проигранными войнами, династическими браками и вмешательством Рима во внутренние дела Малой Азии, изменения границ стали вести к сокращению территории царства. При этом цари Понта всегда помнили, что утраченные земли – это их родовая, династическая земля, на которой правили их отцы на протяжении нескольких поколений. Так создавался мотив для экспансии – желание вернуть старые, отеческие территории, поскольку они входили в состав изначальных земель царства. В Понтийском царстве до Фарнака I руководящим принципом внешней политики было правило: «Сохраняй то, что имеешь, приобретай то, чего не имеешь»¹. Для достижения этой цели, расширения царства, было хорошо любое средство, начиная от мирных, таких как получение территории в наследство или в приданное, до захвата в результате военных действий.

---

¹ *Reinach Th. Mithridates Eupator, Konig von Pontos. Leipzig, 1895. S. 28.*

Притязания на утраченные территории особенно усилились в правление Митридата Евпатора. Это было связано с весьма важной особенностью политики правящей династии – она была ориентирована одновременно не только на эллинское население государства, но и на местное. Митридатиды говорят с гордостью о своем персидском происхождении, а местные жители всегда помнили о блестящем прошлом Ахеменидов². Источники говорят, что изначально Понтийское царство располагалось на территории Пафлагонии и Понтийской Каппадокии, в области Кимиатена (Diod. XX.111.4; Plut. *Dem.* 4; App. *Mithr.* 9; 112; Strabo XII.3.41). Митридат I Ктист в первой половине III в. до н. э. распространил свое влияние на часть Понта и Каппадокии, а также на часть Пафлагонии. Он продвинулся в восточном направлении в области, расположенные за рекой Галис, где был захвачен бассейн Ириса, и утвердился в крепости Амасия³. Это удалось сделать благодаря поддержке со стороны местного населения – Ктист сам был уроженцем этих земель, согласно традиции, потомком одного из семи знатных персов, убивших самозванца Лжебардию, и потому был более угоден азиатам, чем чужеземные македонские правители. Ему удалось в значительной степени усилить свою власть над этой, по словам Плутарха, «обширной и богатой страной» (Plut. *Dem.* 4)⁴.

Как наследник местной традиции, Митридат VI Евпатор видел в государствах восточной части Малой Азии общность народов, которые, так или иначе, в то или иное время, подпадали под власть Понта, и потому их новое присоединение к территории царства – это всего лишь восстановление понтийских монархов в их древних правах. Главной трудностью при этом было добиться этой цели, избегая военного столкновения с Римом. Правда, по мнению Т. Рейнака, Рим в это время демонстрировал явную слабость, истощение сил, моральный упадок, кризис высших слоев общества, разрушение армейского аппарата⁵. Однако эту оценку ситуации

² Ibid.

³ *Magie D.* Roman rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 1. P. 189.

⁴ О происхождении династии Митридатидов и ее основателе см.: *Молев Е.А.* Митридат Ктист – правитель Понта // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 581–589; *он же.* К вопросу о происхождении понтийских Митридатидов // ВДИ. 1983. № 4; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 17–38.

⁵ *Reinach Th.* Op. cit. S. 85.

следует считать несколько упрощенной: при всех сложностях, с которыми он столкнулся в это время, Рим все-таки обладал небывалым могуществом, и встававшие перед ним на протяжении 90-х гг. внешнеполитические проблемы, связанные с активностью Митридата, римские политики решали весьма успешно⁶.

Учитывая то, что Рим в любом случае оставался грозным противником, обоснованию территориальных претензий следовало уделить особое внимание – благо история формирования территории Понтийского царства давала для этого хорошие возможности. Поскольку Евпатор в 89–88 г. до н. э., в ходе войны с Римом, подчинил всю Малую Азию, будет небезынтересно рассмотреть, как царь обосновывал захват некоторых регионов.

1. МАЛАЯ АРМЕНИЯ, КОЛХИДА И БОСПОР

Ранее всего в державу Митридата вошли земли в восточном и юго-восточном Причерноморье. Колхида Митридату досталась законным путем, что следует из данных Страбона и Юстина⁷. В отношении Малой Армении Страбон использует слово *παράχωρίσται*, которое может трактоваться как «поступаться чем-то, в пользу кого-то». Это можно понимать как передачу по праву наследования – она могла быть присоединена к Понту, поскольку местная династия имела родственные связи с Митридатами (Strabo XII.3.1)⁸. Это было одно из первых предприятий Митридата в Причерноморье, которое положило начало формированию территории его циркумпонтийской державы⁹. Военные действия на Боспоре в конце II в. до н. э. он также вел как законный наследник Боспорского царства (IosPE. I.352)¹⁰. Таким образом, у Митридата имелись законные права наследования на все эти земли, что и подчеркива-

⁶ *Bulin R.K.* Untersuchungen zur Politik und Kriegführung Roms im Osten von 100–68 v. Chr. Frankfurt/Main; Bern, 1983. S. 33–34.

⁷ *Шелов Д.Б.* Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 1980. №3. С. 30.

⁸ *Сапрыкин С.Ю.* Пропаганда Митридата VI Евпатора и пограничный вопрос в Понтийском царстве // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 185.

⁹ *McGing B.C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Lieden, 1986. P. 80; *Magie D.* Op. cit. P. 195.

¹⁰ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.;Л., 1949. С. 298.

лось античной традицией (Just. XXXVIII.7.10; Memn. XXX.2. Strabo XI.2.18; XII.3.1; XII.3.28).

2. Фригия

На Фригию у Митридата имелись формальные права. Эта область (или какая-то ее часть) была отдана Селевком II в качестве приданного своей дочери Лаодики, вступившей в брак с Митридатом II (Porphyr. FGrH. 260. F. 32.6; Just. XXXVIII.5.3)¹¹. Произошло это около 245 г. до н. э.¹², однако надолго Фригия в составе государства не удержалась. Не вдаваясь в детали ее исторической судьбы, отметим, что при последних Атталидах она входила в состав Пергамского царства¹³, но при этом всегда рассматривалась понтийскими монархами как входящая в их сферу интересов¹⁴. Даже если предположить что история с получением Фригии Митридатом II в качестве приданного является вымыслом, она в этом случае должна содержать рациональное зерно и соответствовать политической карте Понтийского царства времени Митридата II, на которой Фригия не выглядела анклавом.

Следующее присоединение Фригии к Понту произошло при Митридате V, отце Евпатора. Упоминания об этом кратки и разрознены. Самое подробное изложение фактической стороны дела содержится у Аппиана, в обращенной к римлянам речи послов Митридата Евпатора: «Фригия же в качестве дара за победу над Аристонику была дана вашим же полководцем и, кроме того, у того же полководца была куплена за крупную сумму» (App. *Mithr.* 12) На «покупку» Митридатом Эвергетом Фригии указывают и послы Никомеда, возражающие понтийцам: «Вы велели ему уйти из Фригии, которую он преступно, подкупив одного из ваших полководцев, купил себе, – вы признали всю несправедливость этого приобретения» (ibid. 13). Этим «полководцем» был Маний Аквиллий, основа-

¹¹ Существует предположение, что она была отдана в приданное за Лаодикой, дочерью Митридата II, при ее вступлении в брак с Антиохом Гиераксом, однако прямых данных об этом браке нет. См.: *Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1967. Vol. 1. P. 96.*

¹² *Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1957. Vol. 1. P. 573.*

¹³ *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 65.

¹⁴ *Габелко О.Л.* История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 222.

тель провинции Азия, отец Манья Аквилия, с которым Евпатор вел войну (*ibid.* 57). Юстин добавляет к этому, что Фригия была отнята у Митридата Евпатора, когда он был еще ребенком (XXXVII.1.1–2; XXXVIII.5.3).

Вхождение Фригии в состав Понта в это время подтверждается источником, современным событиям: дошедшая до нас надпись утверждает от лица римской администрации распоряжения, сделанные там Митридатом Эвергетом (OGIS 436). Фригия была отнята у Митридатидов, без сомнения, из-за давления публиканов, заинтересованных в получении доходов с этой области¹⁵. Формальным поводом для этого, по всей вероятности, послужило то, что Аквиллий получил от Эвергета взятку¹⁶. До нас дошел отрывок из речи Гая Гракха, в котором речь идет о торге, который устроили вифинский и понтийский цари в Риме. Считается, что поводом для этого торгового монархов служила именно Фригия: «Те, кто выступают, настаивая, чтобы вы не принимали этот закон, добиваются не почестей от вас, но денег от царя Никомеда; те, кто советуют, чтобы приняли, – те тоже ищут не вашего расположения, но платы и вознаграждения от царя Митридата их собственному имуществу; а те, кто молчат, хотя и принадлежат к этому же самому рангу и сословию, – эти, пожалуй, тягостны более всего: ведь они от всех принимают плату и всех обманывают. Вы, поскольку считаете, что они не участвуют в этих делах, наделяете их своим расположением; а посольства от царей, считая, что молчат они в их пользу, предоставляют им большие деньги и расходы» (Gell. XI.10.4–6). Таким образом, спор за обладание этой областью тянулся около шести лет, со времени победы над Аристоником до трибуната Гая Гракха¹⁷, – но, в конечном счете, она не досталась ни одному из претендентов, будучи присоединена к территории римской провинции Азия.

¹⁵ *Drew-Bear T.* Three Senatus Consulta concerning the Province of Asia // *Historia*. 1972. Vol. 21. № 1. P. 81. Д. Рамсей считает, что это связано непосредственно с деятельностью Гая Гракха. Римские публиканы желали расширения поля своей деятельности, но социальный и аграрный проекты Гракха мешали им. Оппозиция Гракху также старалась отдалить от него его сторонников, поэтому случай с Фригией, видимо, нужно рассматривать, как контрнаступление сената на молодого трибуна (*Ramsey J.T.* Mithridates, the Banner of Ch'ih-Yu and the Comet Coin // *HSCPh*. 1999. Vol. 99. P. 242–243).

¹⁶ *Моммзен Т.* История Рима. М., 1994. Т. 2. С. 88. *Климов О.Ю.* Пергамское царство. Мурманск, 1998. С. 52.

¹⁷ См. подробнее: *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. С. 101–102.

Поэтому, с римской точки зрения, когда «Митридат, царь Понта, захватив Вифинию и Каппадокию и вытеснив легата Аквиллия, вторгся с большим войском во Фригию, провинцию римского народа» (Liv. *Ep.* 77)¹⁸, это, конечно, выглядело не как «возвращение» Фригии исконным владельцам, а как ее противозаконный захват¹⁹. Тем не менее, возможности для пропагандистского маневра у понтийского монарха оставались: в конце концов, Маний Аквиллий осужден не был (App. *BC.* I.22), и, следовательно, оставалась возможность настаивать на законности его распоряжений. То, насколько настойчиво тема Фригии возникает в ходе переговоров с римлянами и представителей Митридата, и его лично, показывает, что возможностью этой понтийский монарх воспользовался.

3. ПАФЛАГОНИЯ

Пафлагония также входила в сферу интересов понтийского владыки. В начале II в. до н. э. это было аморфное объединение, состоящее из владений мелких династов. После смерти в войне Рима против Аристоника местного царька Пилемега государство снова распалось²⁰. В 107 г. до н.э.²¹ Никомед III Эвергет, царь Вифинии, и Митридат VI совершили совместную операцию против раздробленной Пафлагонии. Для монархов как Понта, так и Вифинии этот раздел был попыткой при помощи территориальных захватов расширить внешнеполитическое влияние. Его результатом стало заполнение вакуума, создавшегося после исчезновения с политической карты царства Аггалидов. В частности, для Никоме-

¹⁸ Р. Кэллет-Маркс указывает, что использование слова *provincia* у эпитоматора Тита Ливия, является неопределенным (*Kallet-Marx R.M. Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C. Berkeley; Los Angeles; Oxf., 1995. P. 241*). Однако это не отменяет простого факта: не являясь *отдельной* провинцией, Фригия входила в состав провинции Азия.

¹⁹ Представление о том, что Фригия, после того, как была отнята у Понта, какое-то время пользовалась независимостью, основанное на сообщении Аппиана (*Mithr.* 57), в настоящее время можно считать окончательно лишившимся оснований: после публикации дополнений к надписи OGIS 436, стало окончательно ясным, что ее следует датировать не 116, а 119 г. до н. э. См.: *Strobrl K. Mithridates VI Eupator von Pontos. Politisches Denken in hellenistischen Tradition versus römische Macht. Gedanken zur Geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten großen Monarchen der helenistischen Welt // Orbis Terrarum. 1996. Bd. 2. S. 158. Anm. 61.*

²⁰ *Reinach Th. Op. cit. S. 34.*

²¹ *Габелко О.Л. Указ. соч. С. 350.*

да, это был удачный шанс проявить хоть какую-нибудь активность во внешней политике²². По мнению Д. Маги, в союзе с Никомедом больше нуждался Митридат, поэтому инициатива союза исходила именно от него. Для него это было началом нового витка внешне-политической экспансии, открывавшим куда больший простор для расширения сферы его влияния. Что касается Никомеда, то, несмотря на то, что он был «другом и союзником» Рима, его дружеский пыл угас из-за того, что римские ростовщики стали забирать царское имущество, и он пошел на дипломатическое сближение с Митридатом²³. Однако, возможно, роль Никомеда была более активной: видя усилившуюся активность Митридата, он хотел пресечь его продвижение на запад, предложив стать союзником. Рим, занятый своими проблемами практически безучастно наблюдал «за удивительными проделками и интригами царей Понта и Вифинии»²⁴. Поэтому в тот момент честолюбивый Митридат мог не беспокоиться из-за своего вторжения в Пафлагонию и Галатию, заявляя о правах наследника и не опасаясь карающих санкций со стороны Рима, где, к тому же, его интересы лоббировались частью сенаторов²⁵.

После оккупации Пафлагонии победители поделили захваченные земли. По источникам трудно точно локализовать захваченные каждым из них территории. Видимо, в самом общем виде это выглядело так, что Митридат получил прибрежные земли вплоть до Гераклеи Понтийской, а Никомед – внутренние районы²⁶. К. Штробель, опираясь на текст Страбона, предполагает, что Митридату досталась область Гангры²⁷. На Гангры Митридат имел право, поскольку ими управлял последний царь Пафлагонии – Пилемен II. Чтобы подтвердить легитимность своих претензий и войны в Пафлагонии, Митридат ссылаясь на завещание Пилемена II. В приводимой Юстином речи он излагает свои права следующим образом: «Ему досталось на долю царство, на которое имел наследст-

²² Там же. С. 351-352.

²³ *Magie D.* Op. cit. P. 197.

²⁴ *Kallet-Marx R.M.* Op. cit. P. 239-240; *Keaveney A.* Sulla: The Last Republican. L.; Canberra, 1982. P. 31.

²⁵ *McGing B.C.* Op. cit. P. 88.

²⁶ *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 189; *Reinach Th.* Op. cit. S. 86 f.

²⁷ *Strobel K.* Op. cit. S. 160 f. Автор отмечает, что текст пассажей Страбона XII.3.1 и XII.3.9 противоречив. Митридат владел только Ганграми, а внутренней Пафлагонией распорядился его союзник.

венные права его отец» (Just. XXXVII.4.5); «...отец его получил Пафлагонию не насилем, но в результате усыновлению по завещанию как наследство» (Ibid. XXXVIII.5.4); он «единственный из всех царей владеет не только отцовским царством, но и чужеземными, приобретенными благодаря его широкой щедрости путем наследования, а именно – колхами, Пафлагонией, Боспором» (Ibid. XXXVIII.7.10).

Таким образом, Митридат был абсолютно готов к посольству римлян. В принципе, он мог сослаться и на право победителя, которое тоже использовалось как аргумент в его пропаганде и вполне сочеталось с принципом «что было моим, то моим и останется»²⁸. Однако такое самоуправство Риму пришлось бы не по нраву, тем более, что кроме династов Пафлагонии, бежавших в Рим с жалобой на царей-агрессоров, в «Вечном городе» побывали и скифы, потерявшие земли Скилура из-за агрессивных действий со стороны Митридата, который тем самым нарушил принцип, провозглашенный после поражения Антиоха III Великого: «азиатский царь должен воздержаться от захвата стран Европы»²⁹.

4. ГАЛАТИЯ

Юстин сообщает также, что одновременно с захватом Пафлагонии Митридатом была оккупирована и Галатия (XXXVII.4.6). По мнению Р.Д. Салливэна, речь идет о захвате той части Галатии, которая отделяла Пафлагонию и Понт от Фригии, которую понтийский монарх также стремился прибрать к рукам. Именно с этой целью он построил крепость Митридатий в том месте, где восточная Галатия соприкасается с западным Понтом³⁰. Напротив, К. Штробель отвергает сообщение Юстина, считая, что Митридат стремился лишь укрепить свое положение в западной Каппадокии и вел с галатами переговоры³¹. Возможно, оценить достоверность информации Юстина позволяют действия в это время Никомеда, который неожиданно для всех захватил Каппадокию (Just. XXXVIII.1.2). Он

²⁸ См. ссылки на владение по праву победы: Just. XXXVIII.5.6–7; Flor. I.40.13.

²⁹ *Reinach Th.* Op. cit. P. 87.

³⁰ *Sullivan R.D.* Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B. C. Toronto, 1990. P. 50.

³¹ *Strobel K.* Op. cit. S. 74, 168–169.

совершил это несмотря на то, что ему достался лакомый кусок Пафлагонии – Тимонитида, область Газаторикса, Мармолитида, Санисена, Потамия. Ему также удалось посадить там на престол своего сына, дав ему имя Пилемена, тронное имя пафлагонских царей. Все это говорит о прочных позициях вифинского монарха в Пафлагонии³². С учетом того, что Пафлагония была поделена на сферы влияния понтийского и вифинского царей, а Каппадокия до сих пор представляла интерес только для Понта, захват Вифинией Каппадокии мог быть ответом на внедрение Понтийского царства в зону внешнеполитических интересов Вифинии, а именно – в Галатию. Поэтому разрыв союза царей нам следует связывать или с захватом Митридатом Галатии, или Никомедом Каппадокии³³. Как верно подчеркивал еще Т. Рейнак, при заключении соглашения каждый из союзников пытался стать единственным владельцем награбленного и обхитрить партнера³⁴.

Если расценивать Никомеда просто как агрессора, который вторгся на территорию Каппадокии, то в таком случае его поведение выглядит достаточно странным: царь, не проявлявший за 20 лет правления никакой активности на международной арене, вдруг отважился на столь авантюрную операцию. С другой стороны, заслуживает внимания, сколь удачно Никомед спланировал свою акцию – женившись на сестре Митридата Лаодике (вдове Ариарата VI, царя Каппадокии), он, таким образом, сделался наследником Каппадокийского престола.

Так как Вифиния не имела общей границы с Каппадокией, Никомеду для вторжения необходимо было создать некий «коридор» через Галатию, если Вифиния обладала достаточным влиянием в этой области, либо совершить вторжение в нее под тем предлогом, что это территория врага. Поскольку Никомед не стал «освобождать» Галатию от понтийцев, а просто прошел через нее в Каппадокию, можно заключить, что он имел связи с галатскими тетрархами. Следует учитывать и то, что Галатия не является плотно населенной областью, а превращение галатских «городов» в города римского типа было процессом медленным и длительным³⁵. В

³² Габелко О. Л. Указ. соч. С. 353–354.

³³ Там же. С. 356.

³⁴ *Reinach Th.* Op. cit. P. 86.

³⁵ Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи. М.; Л., 1949. С. 110.

силу этой причины Никомед при быстром продвижении не имел возможности оставить гарнизоны в Галатии, потому что в той части, где он проходил, их просто негде было оставлять.

Ряд авторов считает, что Галатию Никомед и Митридат захватили совместно. По мнению Т. Рейнака, мысль о захвате всей Галатии Понтом неприемлема; с его точки зрения, между царством Никомеда и Каппадокией наверняка существовала общая граница, однако в дальнейшем произведенный дележ Пафлагонии его не устроил, и потому он вскоре неожиданно пересек каппадокийскую границу. При этом Митридат и Лаодика не ожидали от него такого вероломства³⁶. Б. Макгинг также признает маловероятным захват одним Митридатом всей Галатии, но при этом считает Никомеда, которому была необходима граница с Каппадокией, партнером Митридата в этой операции³⁷. Л. Баллестерос Пастор также отмечает, что, скорее всего, нападение было совместным: Митридат не обладал всей Галатией, поскольку она не упоминается в списке государств, которые должен был покинуть царь по решению сената (Just. XVIII.5.6)³⁸.

Посольство Митридата в Рим, совершенное до 101 г. до н. э. и связанное с пафлагонским вопросом³⁹, возможно, касалось также Галатии. Поскольку прав наследования на эту страну понтийский царь не имел, прибывшие в Рим послы царя доставили значительные денежные суммы для взяток сенаторам (Diod. XXXVI.15.1). Притязания Евпатора на Галатию вполне согласовались с его стратегией в Анатолии, ибо контроль над Пафлагонией и Галатией был залогом контроля над Фригией. Цари Понта не переставали считать территорию Фригии своим законным владением⁴⁰, что неизбежно ставило вопрос и о статусе Галатии. В 89 г. до н. э. Митридат назначил сатрапом в ней Эвмаха и установил там систему гарнизонов (App. *Mithr.* 46), что, правда, не исключало и участия галатов в войне на стороне римлян. В любом случае, после захвата Пафлаго-

³⁶ Reinach Th. Op. cit. S. 89; 92.

³⁷ McGing B.C. Op. cit. P. 71. Впрочем, он допускает и вероятность того, что Митридат занял Галатию только после столкновения с Никомедом.

³⁸ Ballesteros-Pastor L. Mithridates Eupator, rey del Ponto. Granada, 1996. P. 58–59.

³⁹ Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дис. ... к.и.н. Саратов, 1997. С. 65–66.

⁴⁰ Ломоури Н. Указ. соч. С. 65–66.

нии и Галатии Евпатор контролировал почти весь берег Черного моря, самые богатые регионы в Анатолии⁴¹.

5. КАППАДОКИЯ

Когда македоняне пришли в Персию, они застали каппадокийскую сатрапию разделенной на две части – собственно Каппадокию и Каппадокию Понтийскую (Strabo XII.1.4). Так что формально каждая из этих частей могла иметь права на земли соседа. Как справедливо отмечает С.Ю. Сапрыкин, видимо, вся Каппадокия некоторое время находилась во власти династии Митридатидов. Она не обнаруживает никаких признаков независимости до середины III века до н. э.⁴² Поэтому Аппиан воспринял вторжение Митридата Эвергета в Каппадокию как нападение на собственную же землю. «Он сделал вторжение в Каппадокию, как будто это была чужая земля; последняя всегда принадлежала его предкам и была вновь захвачена его отцом» (App. *Mithr.* 10; 12). После этого вторжения Митридат V сохранил контроль над Каппадокией путем брака своей дочери Лаодики и местного царя. Митридат Евпатор рассчитывал сохранить контроль над этим регионом с помощью своей сестры, но в то же время ему приходилось опасаться, что время ее регентства истечет и власть получит кто-то из подросших сыновей покойного Ариарата, поэтому он сам страстно хотел захватить страну. Этой цели он добивался еще в 116 г. до н.э., когда умер Ариарат VI (Just. XXXVIII.1.1–2)⁴³. При этом важное значение для него имело то обстоятельство, что это царство могло послужить своего рода плацдармом для захвата Пафлагонии и Галатии. Кроме того, было весьма ощутимо национальное, языковое и религиозное родство между Каппадокией и Понтом, поэтому консолидация этих регионов не была чем-то нереальным⁴⁴. Наконец, Рим в это время был озабочен внутренними смутами и войной с Югуртой, а потому не мог ему воспрепятствовать⁴⁵.

---

⁴¹ *Mastrochinque A.* Studi sulle guerre Mitridatiche. Stuttgart, 1999. P. 25.

⁴² *Сапрыкин С.Ю.* Пропаганда Митридата VI Евпатора и пограничный вопрос в Понтийском царстве С. 183; *он же.* Понтийское царство. С. 39.

⁴³ *Габелко О.Л.* Указ. соч. С. 351.

⁴⁴ *Reinach Th.* Op. cit. S. 82.

⁴⁵ *McGing B.C.* Op. cit. P. 82–83.

Однако все его планы были спутаны действиями Никомеда: вифинцы неожиданно нарушили каппадокийскую границу и без сопротивления заняли Каппадокию. Еще до того, как армия понтийского царя вторглась в пределы Каппадокии, Лаодика заключила мир с Никомедом и даже вышла за него замуж. Это было равносильно подчинению ее государства Вифинии⁴⁶. Брак, скорее всего, был заключен по соглашению, поскольку Лаодика боялась за свою жизнь⁴⁷. Митридат, устремившийся в Каппадокию, понимал, что этот брак является для него ощутимой дипломатической пощечиной, однако воспрепятствовать женитьбе не смог, а потому вместо помощи сестре оказал помощь своему племяннику, право наследования которого было нарушено его матерью⁴⁸.

Ариарат VII, посаженный Митридатом на трон, по всей вероятности, имел для него как ставленник то значение, что, будучи отпрыском Ариартидов, он должен был проводить политику самостоятельно, блокировав вмешательство Никомеда и Лаодики. Для понтийского царя на тот момент было более приемлемым отдать власть над Каппадокией в руки законного царя ради того, чтобы не допустить ее узурпации Никомедом и Лаодикой. С другой стороны, тут же выявилась новая опасность – судя по всему, Ариарат притязал на реальную самостоятельность, что привело к началу войны между ним и Митридатом (Just. XXXVIII.1.6–7). По мнению Б. Макгинга, вызов в Понт Гордия, убийцы Ариарата VI, означал желание понтийского царя расправиться и с его сыном⁴⁹. Вероятно, можно согласиться и с тем предположением, что агрессия, которую готовил Митридат, должна была объединить силы Ариарата VII и Никомеда, опасавшегося роста могущества своего соперника⁵⁰.

Митридат, решившись овладеть страной открыто, последовал пафлагонскому примеру Никомеда и посадил на трон Каппадокии одного из своих сыновей, восьмилетнего мальчика, которого он выдавал за ребенка Ариарата VI и который получил имя Ариарат IX; регентом при нем был назначен Гордий (Just. XXXVIII.1.10)⁵¹. Эта фигура, естествен-

⁴⁶ *Reinach Th.* Op. cit. S. 89; *Magie D.* Op. cit. P. 203.

⁴⁷ *Габелко О.Л.* Указ. соч. С. 358.

⁴⁸ *McGing B.C.* Op. cit. P. 74.

⁴⁹ *Ibid.* P. 74.

⁵⁰ *Молев Е.А.* Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. С. 57.

⁵¹ *Reinach Th.* Op. cit. S. 91. Ариаратом VIII именовался брат Ариарата VII, заявивший притязания на власть после убийства того Митридатом. Поскольку он был

но, не устраивала определенную (и влиятельную) часть каппадокийской знати ввиду ярко выраженной промитридатовской политики.

В этой ситуации в Риме было принято решение о вмешательстве, поскольку ситуация начала выходить из-под контроля. Это вмешательство, восстанавливающее политический баланс в регионе, неизбежно должно было вызвать недовольство обеих сторон, но предотвратить большую войну. По решению сената Митридату и Никомеду было приказано покинуть Каппадокию и Пафлагонию. Митридат немедленно подчинился, забрав с собой Ариарата IX и Гордия⁵². Покинутым государствам была дарована свобода, но Каппадокия ей не воспользовалась, предпочтя сохранить власть царя⁵³.

Новый каппадокийский царь Ариобарзан во многом был более удобен для Рима (App. *Mithr.* 10; Just. XXXVIII.2.8; Strabo XII.2.11). Одновременно его избрание явилось чувствительным поражением для политики Митридата. Как подчеркнул С.Ю. Сапрыкин, до сих пор цари Понта использовали политические методы укрепления своего влияния и расширения земель – действуя через ставленников из дома Ариаратидов в Каппадокии, ссылаясь на владения предков, увеличивая свою территорию через наследования от династов⁵⁴. После пресечения династии Ариаратидов в Каппадокии присоединение этой страны мирным путем стало невозможным, поскольку никаких прямых родственных связей у Митридатидов с новым царем не было. Видимо, именно стремясь восстановить такие связи, Митридат после первой войны с Римом породнился с Ариобарзаном (App. *Mithr.* 66).

Реконструкция событий выглядит, вероятно, таким образом: после того, как сенат приказал Митридату очистить Каппадокию, а затем согласился на просьбу каппадокийцев восстановить у них монархию, к власти около 96 г. приходит Ариобарзан. Отдавая

воспитан в Азии, а значит, находился под влиянием римлян (Just. XXXVIII.2.1), он никак не мог быть приемлемым для Митридата.

⁵² McGing B.C. Op. cit. P. 77.

⁵³ Замечание Д. Маги, что, возможно, этот отказ был итогом понимания того, что свобода означала свободу для аристократических и народных фракций, и отмена долго существовавшей монархии могла закончиться только анархией (Magie D. Op. cit. P. 204), несколько наивно. Скорее, наличие легитимной царской власти должно было обеспечить возможность и впредь противостоять попыткам понтийца прибрать Каппадокию к рукам.

⁵⁴ Сапрыкин С.Ю. Пропаганда Митридата VI Евпатора и пограничный вопрос в Понтийском царстве. С. 185.

предпочтение сообщению Страбона (Strabo XII.2.11) перед Юстином (Just. XXXVIII.2.3), можно заключить, что он был избран каппадокийской знатью. Видимо, следует принять такую трактовку событий, тем более что, если бы назначение Ариобарзана царем исходило непосредственно от Рима, Митридат и Гордий вряд ли осмелились бы проявлять такое откровенное неповиновение. По всей вероятности, Ариобарзан был избран местной знатью, настроенной проримски (Strabo XII.2.11), о чем говорит его титул – Филоромей. Но выбор Ариобарзана не решил проблемы реставрации царской власти в Каппадокии. Судя по косвенным данным (Plut. Sull. 5; Just. XXXVIII.5.9), у Гордия было там довольно много сторонников, да и для Митридата в данной ситуации он представлял очень удобную фигуру, поскольку тот мог соблюдать дистанцию между собой и претендентом, пожиная плоды в случае успеха и оставаясь в стороне в случае неудачи. Долгое время считалось, что и после избрания Ариобарзана Гордий продолжал действовать от лица Ариарата IX. Но в источниках нет никаких указаний на это, как нет и никаких свидетельств участия Митридата в этом конфликте; поэтому следует признать, что Митридат подчинился приказу Рима и убрал своего сына из Каппадокии⁵⁵.

Убедившись, что возможные западные союзники больше тяготеют к Риму, Митридат обратился на восток, где в это время укрепляется власть царя Армении Тиграна II. Несмотря на то, что Каппадокия входила в сферу интересов Армении на западе, Митридат, понимая необходимость устранения потенциального конкурента, предложил Тиграну союз того же типа, что ранее был заключен с Никомедом по поводу Пафлагонии.

Хотя Тигран лишь недавно получил власть, он уже захватил Софену. Митридат, видимо, признал силу Тиграна и предложил ему союз именно после этого захвата. С завоеванием Софены, расположенной на восточном берегу Евфрата, Тигран стал соседом Каппадокии. Владения на реке Томис, которые были проданы предшественниками Ариобарзана правителю Софены, сделали возможным легкое вторжение в восточную Каппадокию⁵⁶. Кроме того, руки союзникам

⁵⁵ Смьков Е.В. Рим и Митридат Евпатор. С. 73–74; он же. Каппадокийская миссия Суллы: проблемы хронологии // *Studia historica*. 2007. Vol. 7. С. 96–97.

⁵⁶ *Magie D. Op. cit.* P. 205–206.

развязывало то, что Тигран не испытывал никакого давления со стороны Рима.

Время и условия союза нам известны по сообщению Юстина (XXXVIII.3.5). Это случилось накануне развязывания войны с Римом, и как утверждает сам автор, союз носил антиримский характер. Согласно союзному договору землю, города и селения получал Митридат, а Тиграну доставались пленники и все движимое имущество. Людской ресурс был необходим Тиграну для эллинизации Армении, ведь он строил новую столицу, которая должна была стать символом его правления (App. *Mithr.* 67; Plut. *Luc.* 21; 26; Strabo XI.14.15; XII.2.9)⁵⁷. Что касается времени подписания договора, то его, видимо, необходимо помещать между 95 и 93 гг. до н. э.⁵⁸. Кроме того, развивая матримониальную политику своего царства, Митридат выдал за Тиграна замуж свою дочь Клеопатру, которая приобрела твердые позиции при дворе армянского монарха (Just. XXXVIII.3.2; Plut. *Luc.* 22)⁵⁹.

Однако успех сопутствовал союзникам лишь первоначально (Just. XXXVIII.3.8; Plut. *Sull.* 5; App. *Mithr.* 10) – Сулла, в то время когда он был наместником в Киликии, разбил каппадокийские и армянские войска⁶⁰. Существует мнение, что на помощь к каппадокийцам пришли не полководцы Тиграна, а Архелай, стратег понтийского царя, на вербовавший войска из Софены⁶¹. Однако упоминание Архелая у Фронтинуса как перфекта Каппадокии вовсе не означает, что сражение, описываемое этим автором (*Strat.* I.5.18), относится к интересующему нас времени и происходило в Каппадокии. Кроме того, это сообщение не согласуется с рассказом Плутарха: в его версии армяне потерпели полное поражение, у Фронтинуса Сулла уходит от сражения с Архелаем. Конечно, возможно,

⁵⁷ Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор. С. 77.

⁵⁸ Манандян Я.А. Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван, 1943. С. 29–31.

⁵⁹ Гуленков К.Л. Матримониальная политика Митридата VI Евпатора // Средневековая Европа: проблема идеологии и политики. М., 2000. С. 157.

⁶⁰ Датировка этих событий не вполне ясна; предложены три даты – 96, 94 или 92 г. до н. э., причем ни одна из них не обоснована неопровержимо. См.: Смыков Е.В. Каппадокийская миссия Суллы: проблемы хронологии...

⁶¹ Keaveney A. Op. cit. P. 38.

что понтийская армия участвовала в этой операции вместе с армянами, но реальной информации о ее участии у нас нет⁶².

Митридат в это время вел активные военные действия в Вифинии. Постановление сената о возвращении Ариобарзана и Никомеда каждого в свое царство, последовало не сразу. Митридат еще присутствовал в Вифинии и посылать обратно Ариобарзана не имело смысла, ибо никто не мог гарантировать, что его не свергнут снова. Только после 91/90 г. до н. э. можно говорить о том, что конфликт был улажен (Just. XXXVIII.3.1–3; Plut. *Sull.* 5; App. *Mithr.* 10–11)⁶³. К тому же именно в период с марта по май 92 г. и с февраля по май 91 г. до н. э. Митридатом выпускаются монеты, предназначенные на военные нужды⁶⁴.

Однако с этими данными необходимо разобраться. Информация Юстина изобилует фактическими неточностями, и, что еще более важно, он подает материал чрезвычайно сумбурно и подчас бессистемно. Он пишет: «В это же самое время умер Никомед, а сына его, тоже Никомеда, Митридат изгнал из собственного царства. Никомед отправился в Рим просить там защиты. Сенат постановил, чтобы оба – Никомед и Ариобарзан – были восстановлены в своих царских правах. Для приведения в исполнения этого декрета были посланы из Рима уполномоченные – Маний Аквилый и Манлий Мальтин» (Just. XXXVIII.3.4). Это повествование следует сразу за упоминанием о вторжении Тиграна в Каппадокию. Здесь не видно шероховатостей, но, тем не менее, они существуют. Дело в том, что в начале упоминается смерть Никомеда III, т. е. 95/94 г. до н. э., в то время как миссия Мания Аквилия относится к 89 г. до н. э. Следовательно, точной хронологии, следуя Юстину, построить невозможно. Смерть Никомеда III не может служить ориентиром. В 95/94 г. до н. э., Тигран только пришел к власти, и его первым внешнеполитической акцией был захват Софены. До вмешательства в Каппадокии было еще далеко.

Далее Юстин повествует: «Поэтому Митридат, при посредстве Гордия, подбил Тиграна завязать войну с Ариобарзаном... При

⁶² *Glew D.* Mithridates Eupator and Rome. A study of the background of the first Mithridatic war // *Athenaeum*. 1977. Vol. 55. Fasc. 3–4. P. 389.

⁶³ *Габелко О.Л.* Указ. соч. С. 379–380.

⁶⁴ *Callatay F., de.* La politique monétaire de Mithridate VI Eupator, roi de Pont (120–63 av. J.-C.) // *Rythmes de la production monétaire de l'antiquité à nos jours*. Numismatica Lovaniensia. Louvain-la-Neuve, 1987. N°7. Tab. 3.

первом же появлении армии Тиграна Ариобарзан, захватил с собой свои сокровища, поспешил уехать в Рим» (Just. XXXVIII.3.2-3). Этот рассказ необходимо связывать с сообщением Аппиана: «В то же самое время Митраас и Багой выгнали из Каппадокии того Ариобарзана, который был водворен здесь римлянами, и посадили в ней Ариарата» (App. *Mithr.* 10). Здесь наши авторы дополняют друг друга. Первый, обрисовывая внешнеполитическую ситуацию, не уделяет должного внимания ситуации в Каппадокии, лишь мельком приводя ценные сведения об армянских офицерах, другой сообщает о Каппадокии, но практически молчит о делах Вифинии, не упоминая о Сократе Хресте. Стоит обратить внимание, что если Аппиан упоминает при рассказе только Ариарата, то Юстин говорит о Гордии. Это достаточно понятно: Аппиан практически не дает сведений о политике Митридата конца II – начала I в. до н. э., которую Юстин, напротив, освещает достаточно подробно. Это дает повод усомниться в том, что Аппиан вообще знал о роли Гордия в каппадокийской политике Митридата. Ведь его единственное упоминание об этом верном слуге относится уже ко времени Второй митридатовой войны (*Mithr.* 65). Ариарат был официальным лицом, а кто скрывался за ним помимо Митридата, Аппиан мог и не знать. В любом случае следует признать, что избрание Ариобарзана, лишив Митридата сильных аргументов, связанных с родственными отношениями с Ариаратидами, отнюдь не привело к снижению активности его каппадокийской политики. Просто теперь она осуществлялась под иными лозунгами и с опорой на иных людей.

6. Вифиния

Митридат стремился подчинить и Вифинию. Никаких законных оснований типа завещания или чего-либо подобного у него, правда, здесь не было. Но факт остается фактом: Евпатор во время путешествия по Азии побывал также и в Вифинии (Just. - XXXVII.3.5).

Вифиния и Понт как государства имели много сходств между собой. Несмотря на свои азиатские корни, они позиционировали себя как эллинистические государства, причем Понт ориентировался на Селевкидов, а Вифиния на Птолемея и Антигонидов. Однако если Понт находился на краю римского мира, то Вифиния

была вовлечена в сферу римских интересов⁶⁵. Создание понтийско-армянского блока ознаменовало окончательный разрыв отношений между Понтом и Вифинией и начало их открытого противоборства. С этих пор Понт рассматривал своего западного соседа не как опасного соперника, с которым приходится считаться, а как объект агрессивной политики⁶⁶. Именно в 96/95 г. до н. э. Митридат на своих тетрадрамах, насколько нам известно, впервые за годы своего правления, дает датировку согласно вифинской эре⁶⁷. Ряд авторов считают, что просвещенный царь Понта следовал в данном случае за примером вифинского царя, известного своим экономическим могуществом в греческом мире. Однако О.Л. Габелко справедливо подчеркивает, что уровень экономического развития этих стран нам неизвестен. По его мнению, Митридат использовал смену эры как направленную против Вифинии пропагандистскую меру⁶⁸, относя первый год эры к тем временам, когда Понт владел Каппадокией. В пользу этого предположения говорит и то, что понтийский монарх к этому времени перенес центр своих внешнеполитических устремлений на Вифинию.

После вторжения Тиграна и Митридата в Каппадокию, настала очередь Вифинии. Митридат в этой кампании поддерживал претендента на вифинский престол, Сократа Хреста, против Никомеда IV, за которым стоял Рим (App. *Mithr.* 10; 57; Just. XXXVIII.3.4; Memn. XXX.3). Благоприятная обстановка, связанная с началом Союзнической войны, развязывала ему руки для активных действий. Он нанял убийцу для устранения Никомеда – некоего Александра; в это же время Митраасом и Багоем был свергнут Ариобарзан, и на его место был вновь посажен Ариарат IX (App. *Mithr.* 10)⁶⁹. Однако Сократ, вторгшись в Вифинию, не смог полностью ее захватить, несмотря на поддержку и финансирование со стороны Митридата⁷⁰. Никомед бежал в Рим, куда вскоре прибыл и Сократ (Gran. Lic. XXXV.90–91). Отстаивая своего ставленника, Рим, види-

⁶⁵ McGing B.C. Op. cit. P. 67.

⁶⁶ Габелко О.Л. Указ. соч. С. 369–370; Сапрыкин С.Ю. Пропаганда Митридата VI Евпатора и пограничный вопрос в Понтийском царстве. С. 186.

⁶⁷ Вифинская эра, видимо, была принята в Понте еще при Митридате V. О причинах ее принятия см.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 34–35.

⁶⁸ Габелко О.Л. Указ. соч. С. 369–370. McGing B.C. Op. cit. P. 229.

⁶⁹ McGing B.C. Op. cit. P. 79; Reinach Th. Op. cit. S. 107.

⁷⁰ Габелко О.Л. Указ. соч. С. 378–379.

мо, угрожал Сократу карающими санкциями, если он не очистит Вифинию. Митридату было предписано «оказать помощь при этом возвращении», так что Никомед и Ариобарзан вернулись каждый в свою область (App. *Mithr.* 11). Митридат стремившийся реабилитировать себя в глазах римлян, убил Сократа (Just. XXXVIII.5.8), и даже пригласил для римлян проверки этого (Diod. XXXVI.15.1). Таким образом, попытка вмешательства в вифинские дела по модели, опробованной в Каппадокии, с использованием претендента на престол, ни к чему не привела, а решение Митридата физически устранить Сократа демонстрирует, что в целом его позиции здесь были достаточно слабыми, и в отношении Вифинии у него оставался только один путь – путь ничем не прикрытой агрессии.

К 89 г. до н. э. война Митридата и Рима стала неизбежна. Противоречия, которые накапливались с конца II в. до н. э., лишь усиливались с каждым годом. Митридат явно стремился укрепить свои владения и найти способы бескровного присвоения соседских земель. Он захватывал эти области, опираясь на права наследника, а где это было невозможно – полагаясь на право победителя, что предполагало невмешательство сената в отношения между монархиями региона. Другое дело, что Рим не позволил ему воспользоваться ни тем, ни другим правом так, как сам он того хотел.

В этих условиях вопрос о виновнике войны носит второстепенный характер. Стоит отметить, что в одном из последних изданий, посвященных Понтийскому царству и его монарху, представлены два взаимоисключающих ответа на него⁷¹. С точки зрения Б. Макгинга, Митридата следует считать агрессором. Источником агрессии, согласно этому автору, являются ахеменидские корни Митридатидов, для которых царское величие определяется завоеваниями. Митридат хотел защищать свое черноморское царство, уважая римское верховенство. Он старался действовать, избегая большой войны, т. е. с помощью пограничных конфликтов. Похолодание в отношениях с Римом произошло благодаря его союзу с Тиграном. При этом постоянная угроза анатолийским государствам оказалась перегибом палки, Рим послал комиссию и войска. Отправление по-

⁷¹ *Madsen J.M.* The ambitions Mithridates VI: Hellenistic Kingship and modern interpretations // *Black Sea Studies*. № 9: Mithridates VI and the Pontic kingdom. Aarhus, 2009. P. 191–201; *McGing B.C.* Mithridates Eupator: Victim or Aggressor? // *Ibid.* P. 203–216.

сольства Пелопида показывает, что в действительности он желал войны, но войны на его условиях. Рим видел в нем агрессора, а понтийский царь вел дело с позиции обиженного. При этом, пока Рим был занят урегулированием других дел, он постоянно наращивал свои силы, так что в начале войны он использовал огромную армию, которую было бы невозможно собрать за короткое время.

С другой стороны, Я. Мэдсен подчеркивает, что в течение 25-ти лет правления Митридат трансформировал Понт из относительно небольшого царства в центральное государство северной Анатолии. Когда сенат постановил освободить Пафлагонию и Каппадокию, он не послал солдат, чтобы подкрепить свои слова, внушив Митридату ложное чувство безопасности. Экспансия понтийского самодержца напрямую зависела от политической ситуации в Риме. При этом использование им Сократа в Вифинии и армянских войск в Каппадокии показывает, что он не хотел играть открыто, а значит, не был агрессором. Возможно, он просто еще не был готов к войне.

В любом случае, при оценке ситуации следует учитывать, что к моменту начала войны все легальные методы установления контроля над сопредельными царствами были исчерпаны. Если раньше Митридат мог действовать через подставных лиц, то теперь это было невозможно. Оставалось только военное разрешение всех споров, с вытекающим отсюда правом победителя. Таким образом, принципиальным и последовательным врагом Рима Митридат стал только со временем⁷².

---

⁷² *McGing B.C. Mithridates Eupator: Victim or Aggressor? P. 207.*

БУГАЕВА Н.В. (МОСКВА)

***EXPOSITIO CONSILIORUM SUORUM:*
ТАИНСТВЕННЫЙ ТРУД ЦИЦЕРОНА**

Данная статья продолжает затронутую ранее тему недошедших автобиографических сочинений Цицерона¹. Как и в работе, посвященной поэме *De temporibus suis*, в центре нашего внимания будет преимущественно находиться рассказ Цицерона о событиях 63-62 гг. до н.э. Но если сохранившаяся переписка Отца Отечества во многом компенсирует недостаток информации о его стихотворном наследии, гораздо хуже различимы здесь следы другого произведения, чей эпитет «таинственный»² вполне заслужен. Тем большую значимость обретают немногочисленные свидетельства писателей эпохи Империи.

Комментатор I в. н.э. Асконий Педиан и Блаженный Августин называют утраченное сочинение Цицерона *Expositio consiliorum suorum*, т.е. «Изложение своих замыслов» (*Ascon. ad Cic. In toga cand. p. 74; Augustin. Contra Iul. Pelag. V.5.23*). Грамматик IV в. н.э. Харизий говорит о «Сути своих замыслов (*ratio consiliorum suorum*)» (*Charis. I. p. 146*), а для Боэция это «книга, которую М. Туллий написал о своих замыслах (*M. Tullius <...> in eo libro, quem de consiliis suis composuit*)» (*Boet. De inst. mus. I.1. p. 184*). Несмотря на некоторую вариативность в передаче названия, все латинские авторы I–VI вв. н.э., безусловно, имели в виду один и тот же труд.

Свидетельство Диона Кассия (XXIX.10), которое будет специально рассмотрено далее, не оставляет сомнений, что *Expositio consiliorum suorum / De consiliis suis* имело³ политическую направленность. Мог ли Цицерон, неоднократно обращавшийся к событиям 63-62 гг. до н.э., еще раз вспомнить о них в утраченном ныне произведении? Сообщения Харизия, Блаженного Августина и Боэция не противоречат этой гипотезе. Грамматик отмечает, что у оратора употреб-

---

¹ Бугаева Н.В. *De temporibus suis*: утраченная поэма Цицерона // *Antiquitas inventae*. Саратов, 2008. Вып. 4. С. 98–112.

² March D.A. Cicero and the «gang of five» // *CW*. 1989. № 82. P. 226. Note 6.

³ Хотим специально оговорить, что при согласовании латинских и греческих терминов будем исходить из норм, под которые подпадает соответствующий русский эквивалент или видовое понятие (например: Цицерон в своем [сочинении] *Expositio consiliorum suorum*). Осознавая формальную правоту ученых XIX – нач. XX в., ориентировавшихся на род и число иностранных слов, мы все же считаем, что – при утрате традиции подобного перевода – современный русский язык отвергает некогда приемлемые конструкции.

ляются разные формы *gen. plur.* III гласного склонения: «*Vectigaliorum* [пишет] Цицерон [в письме] к Аттику, [а] также в «Сути своих замыслов», однако в [речи] «О земельном законе» - *vectigalium*» (Charis. I. p. 146). На основании слов Харизия можно предположить, что в автобиографическом сочинении оратора также упоминался законопроект Сервилия Рулла. Не рассказывал ли Цицерон в *Expositio* о своем консульстве, одним из эпизодов которого была борьба со сторонниками аграрных преобразований? Тогда вряд ли он обошел стороной еще более важное событие 63 г. до н.э. – заговор Катилины.

Боэций риторически вопрошает: «Кому же неизвестно, что Пифагор усмирил и вернул в сознание <...> пьяного юношу из Тавромения, возбужденного звуками песен на фригийский лад?» (*De inst. mus.* I.1. p. 184), однако напоминает знаменитую историю. Некий распутник, будучи заперт в соседском доме, обезумев, угрожал поджечь здание. В ту ночь Пифагор, как обычно, бодрствовал, наблюдая за звездами. Друзья уговорили его вмешаться, и едва философ понял, что юношу возбуждает звучание музыки определенного рода, он велел флейтисту изменить ритм на спондей, чем достиг желаемого результата. Боэций весьма примечательно завершает свой рассказ: «[Именно] это упоминает М. Туллий в книге, которую написал о своих замыслах, однако [несколько] иначе [и] следующим образом: “Но - пусть будет мне позволено сравнить по причине некоего сходства наименьшие дела с наибольшими - как [в истории с] пьяными юношами я осадил исполнительской величием их безумную разнузданность (*ut aliqua similitudine adductus maximis minima conferam, ut cum vinolenti adulescentes – et gravitate canentis illorum furentem petulantiam consedissem*)” (ibid.)».

Боэций, цитируя Цицерона, оговаривает, что тот не совсем точен в передаче истории о распутнике из Тавромения. В самом деле, вместо одного нетрезвого молодого человека, у М. Туллия фигурируют как минимум двое. На наш взгляд, лучшее представление о содержащемся в *Expositio* примере дает полемика Августина с Юлианом: «Ты отыскал способ, как можно склонить к ней (прекраснейшей служанке, а именно похоти – Н. Б.) также уши человеческие, и воздвиг [в честь] нее пусть древнейшую, но откровенно хвастливейшую надпись, помня, что поместил в “Изложение своих замыслов” Туллий» (Augustin. *Contra Iul. Pelag.* V.5.23). Согласно Августину, Цицерон рассказывал, как возбужденные звуками флейты

пьяные юноши лომались в дом целомудренной женщины. Когда же, по велению Пифагора, флейтист перешел на спондей, «медленностью ритма и величием исполнения мотива он осадил их безумную разнузданность (*tarditate modorum et gravitate cantus illorum furentem petulantiam resedissee*)» (ibid.).

Августин, в отличие от «последнего римлянина», не претендует на дословное цитирование *Expositio*, однако употребляемый оборот *gravitate cantus illorum furentem petulantiam resedissee* почти полностью совпадает с *gravitate canentis illorum furentem petulantiam consedissee* у Боэция. Это позволяет с еще большим доверием отнести к свидетельству обоих поздних писателей, знатоков творчества Цицерона. Закономерен вопрос: из какого контекста извлечена эта фраза? Что есть «наименьшее» и «наибольшее»? Соблазнительно усматривать здесь сравнение «бытового эпизода» (защита женской чести) со спасением Цицероном государства. И у Боэция, и у Августина прослеживается идея внушения определенного образа действий. *Canens*, т.е. произносящий звучным голосом искусно составленные речи, консул (?) М. Туллий добился своим авторитетом и убедительностью выступления (*gravitate*) краха безумных планов своих противников. С этой точки зрения становится понятным выбор иного, менее распространенного (?), варианта рассказа о Пифагоре. История о запершемся в чужом доме распутнике предоставляла гораздо меньше возможностей для проведения желательных параллелей. Однако кто сопоставлялся с пьяными юношами? Цицерон мог сказать о «безумной разнузданности» Катилины и его сторонников, но нельзя исключить, что в виду имелся, допустим, Клодий.

Весьма интересно сообщение Аскония. Благодаря этому комментатору речей Цицерона частично сохранилась так называемая «Речь в белой тоге», которую оратор произнес, будучи кандидатом в консулы. Асконий сперва цитирует слова Цицерона, а затем поясняет некоторые непонятные моменты. Так М. Туллий утверждает: «Я говорю, отцы-сенаторы, что Катилина и Антоний встретились прошлой ночью со своими посредниками в доме некоего человека, знатного и весьма искусного в извлечении дохода от щедрых раздач, который снискал [себе этим] известность (*superiore nocte cuiusdam hominis nobilis et valde in hoc largitionis quaestu noti et cogniti domum Catilinam et Antonium cum sequestribus suis convenisse*)» (Ascon. ad Cic. in toga cand. p. 74). Комментатором добавлено: «Он намекает на дом Г. Цезаря или М. Красса. Ведь они были злейшими и могуще-

ственнейшими противниками Цицерона, когда тот добивался консульства, [обеспокоено] наблюдая, как с каждым днем укрепляется его положение в государстве. На это намекает сам Цицерон в «Изложении своих замыслов» (*ipse Cicero in expositione consiliorum suorum significat*). Также он обвиняет М. Красса, что тот был зачинщиком (*arguit M. Crassum auctorem fuisse*) заговора, составленного Катилиной и Пизоном при консулах Котте и Торквате, за год до того, как проносилась эта речь» (*ibid.*).

Чтобы правильно интерпретировать слова Аскония, необходимо вспомнить обстоятельства работы над *Expositio*. Согласно Диону Кассию, последнее писалось уже по возвращении Цицерона из изгнания. Хотя Цезарь и Красс оказали тогда ему содействие, они «не получили никакой ответной благодарности (οὐ μέντοι καὶ χάριν οὐδεμίαν ἀντέλαβον)» (Dio Cass. XXIX.10). Не смея открыто выступить против тех, кто годом раньше способствовал его несчастью, Цицерон «сочинил некую тайную книгу (βιβλίον <...> τι ἀπόρητον) и озаглавил ее как содержащую обоснование своих решений (ἐπέγραψεν αὐτῷ ὡς καὶ περὶ τῶν ἑαυτοῦ βουλευμάτων ἀπολογισμὸν τινα ἔχοντι). Здесь он собрал многое и страшное как о них (Цезаре с Крассом. – Н. Б.), так и о некоторых других (πολλὰ δὲ δὴ καὶ δεινὰ ἐς αὐτὸ καὶ περὶ ἐκείνων καὶ περὶ ἄλλων τινῶν συνέησε). Поэтому, испугавшись, что [книга] не выйдет при его жизни (ζῶντος αὐτοῦ), [Цицерон] запечатал ее и передал сыну, велев, чтобы написанное не было прочитано или [как-либо] обнародовано (ἀναγνῶναι μήτε δημοσιεῦσαι τὰ γεγραμμένα) до того, как он (Цицерон. – Н. Б.) умрет» (*ibid.*).

Дион Кассий приводит название хранящегося в тайне сочинения: *Περὶ τῶν ἑαυτοῦ βουλευμάτων* и, видимо, считает, что М. Туллий младший исполнил просьбу отца⁴. Греческий историк сообщает *terminus post quem* – сентябрь 57 г. до н.э., но едва ли мы ошибемся, если датировем начало работы над тайным сочинением как минимум первой половиной 56 г. до н.э.⁵. Иногда в современной литературе встречается точка зрения, что посмертно опубликована была

⁴ *Schwartz E.* Die Berichte über die catilinarischen Verschwörung // *Hermes*. 1897. Vol. 32. S. 558. Приводимые разными исследователями даты публикации *Expositio consiliorum suorum* являются реконструкцией из логики событий (см. мнение Х. Ласта об обнаруженном в 42 г. до н. э. среди бумаг Цицерона «памфлете *de consiliis*»: *Last H.* Appendix. *The Literary Authorities for Roman History*, 133-44 В.С. // САН. 1932. Vol. 9. P. 890).

⁵ Схожую аргументацию относительно поэмы *De temporibus suis* см.: *Бугаева Н.В.* Указ. соч. С. 105. Прим. 23.

поэма *De temporibus suis*⁶. Видимо, ее судьба реконструируется по аналогии с *Expositio*, поскольку античная традиция молчит о хотя бы приблизительных сроках выхода в свет. Еще раз подчеркнем, что не следует путать два написанных примерно в одно и то же время труда Цицерона. Дион Кассий недвусмысленно говорит о *Περὶ τῶν ἑαυτοῦ βουλευμάτων*; наше углубленное исследование показало, что считать поэму сверхразоблачительной по отношению к Крассу и Цезарю – большое преувеличение. Наконец, ситуация, описанная в 39 книге «Римской истории», противоречит факту знакомства Г. Юлия с *De temporibus suis* во время британского похода⁷. Поэтому мы присоединяемся к тем, кто считал посмертно изданным произведением Цицерона, о котором говорит Дион, *Expositio consiliorum suorum*⁸.

Часто встречающееся отождествление его с «Анекдотами» великого оратора⁹ также не имеет под собой твердой почвы. Известно, что в 59 г. до н.э. (т.е. до своего изгнания) Цицерон начал писать «труд в духе Феопомпа» или гораздо язвительнее (*Cic. Att. II.6.2*). Автор не собирался показывать это сочинение никому, кроме Аттика (*ibid.*), и в 44 г. до н.э. оно еще не было закончено (*ibid. XIV.17.6*; ср.: *ibid. XV.2.2*). Со слов греческого историка об *Expositio consiliorum suorum* складывается несколько иное впечатление¹⁰, хотя

⁶ См.: Горенштейн В.О. Комментарии // Цицерон М. Туллий. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М., 1994. Т. 3. С. 596. Прим. 6 к письму DCCXXV; ср.: Griffin M. The Intellectual Developments of the Ciceronian Age // *CAH*². 2001. Vol. IX. P. 712. Note 126.

⁷ См.: Бугаева Н.В. Указ. соч. С. 101–109.

⁸ Schwartz E. Op. cit. S. 557–559; Brunt P.A. Three Passages from Asconius // *CR*. 1957. Vol. 7. P. 193; March D.A. Op. cit. P. 226. Note 6, Grant M. The Ancient Historians. N. Y., 1970. P. 177.

⁹ Schwartz E. Op. cit. S. 558; Arnaud-Lindet M.-P. Histoire et politique à Rome: Les historiens romains IIIe siècle av. J. C. - Ve siècle ap. J. C. Rosny. Bréal, 2001. P. 124; Gudeman A. A New Source in Plutarch's Life of Cicero // *TAPA*. 1889. Vol. 20. P. 145; Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxf., 1964. P. 49; Seager R. The First Catilinarian Conspiracy // *Historia*. 1964. Bd. 13. S. 347; Grant M. Op. cit. P. 177; 439. Note 41; Stone A.M. A House of Notoriety: An Episode in the Campaign for the Consulship in 64 B.C. // *CQ*. 1998. Vol. 48. P. 490–491; Нагуевский Д.И. История римской литературы. Казань, 1911. Т. 1. С. 423; Лившиц Г.М. Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н. э. и заговор Катилины. Минск, 1960. С. 11; ср.: Brunt P.A. Op. cit. P. 193; Griffin M. Op. cit. P. 712. Противоположную точку зрения см.: Гурвич П.Б. Античное повествование о заговоре Катилины. Диссер.... канд. истор. наук. М., 1946. С. 77–79.

¹⁰ М.-П. Арно-Линдэ называет *Expositio consiliorum suorum* незаконченным трудом, по-видимому, отождествляя его с «Анекдотами» (Arnaud-Lindet M.-P. Op. cit. P. 124).

нельзя не учитывать возможность, что Цицерон использовал один и тот же материал при работе над хронологически и тематически близкими сочинениями.

На наш взгляд, имелось существенное различие в целях, которые они преследовали. Дион Кассий и отчасти Асконий изображают тайный труд политическим памфлетом страшной разоблачительной силы. С подобным определением *Expositio consiliorum suorum* соглашались многие современные ученые, усматривающие главную задачу Цицерона именно в этом¹¹; но для нас более привлекательна точка зрения Р. Сайма и Э. Росона. Первый предостерегал от скоропалительных выводов, т.к. обвинение могло быть предъявлено в достаточно общей форме¹²; второй относил *Expositio* «к историографии, а не к инвективе»¹³. Принимая во внимание характер свидетельств о недошедшем труде Цицерона, мы склонны согласиться со «скептиками». Ведь в данном случае исследователь рискует попасть в слишком большую зависимость от показаний античных авторов. Писатели эпохи Империи, в отличие от Цицерона в 57–56 гг. до н.э., знали, какой путь пройдет Божественный Юлий и насколько достойным отца окажется приемный сын. Фигура Цезаря маркировала начало нового этапа в политической жизни древнего Рима. Пожалуй, наиболее емко эту мысль выразил автор II–III в. Л. Ампелий: «после начала гражданских войн между Цезарем и Помпеем, когда была насильственно уничтожена свобода (*oppressa per vim libertate*), все перешло под власть одного Цезаря (*sub unius Caesaris potestatem redacta sunt omnia*). С этих пор продолжается непрерывное господство диктаторов Цезарей (*ex eo perpetua Caesarum dictatura dominatur*)» (Amp. XXIX.3)¹⁴.

Неудивительно, что Диона Кассия с Асконием интересовало начало политической карьеры Г. Юлия и действия в качестве триумвира; внимание обоих авторов было подготовлено к тому, чтобы

¹¹ *Schwartz E.* Op. cit. S. 558; *Last H.* Op. cit. P. 890; *Seager R.* Op. cit. S. 346–347; *Grant M.* Op. cit. P. 177. С некоторыми оговорками как атаку на Красса и Цезаря характеризует *Expositio* А.М. Стоун (*Stone A.M.* Op. cit. P. 487–488). Согласно ему, Цицерон замыслил создать суровое обличительное произведение «в манере великого моралиста и историка <...> Феопомпа» (*sic!*), где клеймилось бы не раскрытое злодеяние (*Stone A.M.* Op. cit. P. 490–491). Ср.: *Arnaud-Lindet M.-P.* Op. cit. P. 124; *Нагуевский Д.И.* Указ. соч. С. 423; *Ливиниц Г.М.* Указ. соч. С. 11, 18.

¹² *Syme R.* *Sallust.* Berkley; Los Angeles, 1964. P. 63.

¹³ Изл. по: *Stone A. M.* Op. cit. P. 488. Note 5.

¹⁴ О «диктатуре Цезарей» у Ампелия см.: *Bessone L.* Di alcuni 'errori' di Floro // *Rivista di Filologia e d'Istruzione classica.* 1978. P. 425–426.

задержаться на соответствующем эпизоде¹⁵. В свете дальнейшего развития событий им казалось особенно важным подчеркнуть, что *Expositio* обличало Цезаря и его союзника Красса. Однако вспомним: Боэций говорит о «книге, которую М. Туллий составил о своих замыслах» (*De inst. mus.* I.1. p. 184). Их помещают на первый план все латинские писатели, упоминая труд Цицерона. Дион Кассий перевел *consilia* как «решения (βουλεύματα)» и, наш взгляд, был прав. То немногое, что известно о поэме *De temporibus suis* и о комплексе автобиографических сочинений 62-60 гг. до н.э.¹⁶, позволяет утверждать, что их главным героем неизменно был сам М. Туллий – преданный интересам Отчизны государственный деятель, защитник благополучия сограждан; акцент всегда делался на его *res gestae*. Происки завистников, интриги недоброжелателей изображались как фон, на котором разворачивалась деятельность Цицерона, как враждебная среда, чье сопротивление приходилось преодолевать. В *Expositio* автор должен был писать в первую очередь о принятых решениях и о замыслах, воплотившихся в конкретные политические меры. Основное внимание, видимо, уделялось разъяснению своих поступков; Цицерон излагал соображения, подвигнувшие его на тот или иной шаг¹⁷. Т.е., вслед за Дионом Кассием, нужно говорить именно об «Обосновании своих решений».

Поскольку тождественность *Expositio* «Анекдотам» не очевидна, базирующиеся на этом постулате выводы требуют дополнительной аргументации. В частности, необходимо еще раз вернуться к проблеме датировки произведения. Значительное число сторонников имеет гипотеза о 44 г. до н.э. – времени, когда Цицерон закончил писать *Expositio*¹⁸. Подобного взгляда придерживается и Ф. Миллар, считающий, что рассказ Диона Кассия есть искаженное упоминание о работе, известной как «Анекдоты»¹⁹. Согласно исследователю,

¹⁵ На особенность античной традиции придавать повышенное значение фактам из ранней карьеры Цезаря указывал еще Э. Бизли (*Beesly E. Catiline // Catiline, Clodius and Tiberius. L., 1878. P. 17*).

¹⁶ Т. е. *Commentarius*, Ὑπόμνημα и *De consulatu suo*. См.: Бугаева Н.В. Заговор Катилины в кратких сообщениях поздней латинской традиции. Диссер.... канд. истор. наук. М., 2008. С. 31–52; она же. *De temporibus suis*.: С. 98–112.

¹⁷ Ср. точку зрения М. Гранта, что Цицерон написал «самооправдательный по характеру <...> меморандум» о своем консульстве: *Grant M. Op. cit. P. 177*.

¹⁸ Лувинц Г.М. Указ. соч. С. 11; *Millar F. Op. cit. P. 49*. Ср.: *Gudeman A. Op. cit. P. 145*; *Stone A.M. Op. cit. P. 490–491*; *Brunt P.A. Op. cit. P. 193*; *Arnaud-Lindet M.-P. Op. cit. P. 124*.

¹⁹ *Millar F. Op. cit. P. 49*.

грубую ошибку в датировке «Обоснования своих решений» выдает возраст сына Цицерона, которому в 57 г. до н.э. было 8 лет²⁰. Но данное обстоятельство вовсе не является существенным. Цицерон, отнюдь не собирающийся умирать в ближайшие годы, мог *завещать* Марку опечатанную рукопись с условием публикации. Если бы смерть Цицерона наступила при наследнике-ребенке, обязанность исполнить последнюю волю переходила к опекунам.

С других позиций пытались атаковать сообщение Диона Кассия в XIX в. И. Орелли и Р. Клотц предваряют издание сохранившихся фрагментов *Expositio* рассуждениями германского филолога К. Ноббе²¹. Он полагал, что когда влияние Цицерона возросло, тот снискал ненависть могущественных людей Римской республики, в частности Цезаря и Красса (ср.: *Ascon. ad Cic. In toga cand.* p. 74). Противодействуя их козням, кандидат М. Туллий опубликовал специальный труд, чтобы доказать свою благонамеренность и сохранить шансы на консулат. К. Ноббе также допускает, что Цицерон писал после 63 г. до н.э., защищаясь от клеветы и отражая нападки на свои *res gestae*. Немецкий ученый приводит следующий аргумент: «Ведь хотя может показаться, что в книге, которую [Цицерон] написал о своем консулате, он сделал то же самое (бросил упрек Крассу и Цезарю. – Н.В.), на основании свидетельств Аскония и Боэция можно увидеть, что он поступил так в одной-единственной книге. Поэтому мне кажется, что [Цицерон] завершил ее примерно в период своего консулата (*quapropter hunc circa consulatus sui tempora confecisse mihi vedetur*)»²². И. Орелли настолько убежден доводами К. Ноббе, что дополняет его рассуждения примечанием: *corrigenenda haec ex Cassio Dione XXXIX.10*»²³.

Все же логика германского филолога представляется нам безупречной. Допустим, можно принять *argumentum ex silentio* у Аскония, что Цезарь и Красс были обвинены исключительно в *Exposi-*

²⁰ Ibid.

²¹ *Cicero M. Tullius. Opera quae supersunt omnia ac deperditorum fragmenta.* Turici, 1833. Vol. 5. Pars 2. Ed. Io. Casp. Orellius. P. 991–992; *idem. Scripta quae manserunt omnia.* Pars 2. Vol. 3. Lipsiae, 1864. Recognovit R. Klotz. P. 302.

²² *Cicero M. Tullius. Opera quae supersunt...* Vol. 5. Pars 2. P. 991–992; *idem. Scripta quae manserunt...* Pars 4. Vol. 3. P. 302.

²³ *Cicero M. Tullius. Opera quae supersunt...* Vol. 5. Pars 2. P. 991–992. Имя И. Орелли отсутствует на форзаце второй части пятого тома, издаваемой под его руководством серии, однако И. Байтер и К. Халм снабжают соответствующую пометку ссылкой на мнение коллеги.

*tio*²⁴. Однако где уверенность, что в книге, главным героем которой был Цицерон, а не триумвиры, в цитируемом Блаженным Августином пассаже речь шла о Цезаре и Крассе? Мы уже говорили, что здесь могли подразумеваться катилинарцы или сторонники Клодия. Аргументация К. Ноббе из логики событий и современных представлений об эпохе Цицерона также очень уязвима. Книги пишут, располагая свободным временем, но никак не ведя предвыборную кампанию или находясь на посту консула в весьма беспокойный год. *Ното novus* должен был выстраивать отношения с коллегой, сенатскими группировками, бороться со сторонниками законопроекта Сервилия Рулла, агитацией Катилины, участвовать в имеющем принципиальное значение процессе Рабирия и т.д. Перечень – неполный! – консульских речей, приводимый Цицероном в письме Аттику, хорошо отражает степень его загруженности в 63 г. до н.э.²⁵. Подобная обстановка больше требовала решения текущих задач через ораторские выступления. Это же относится и к кандидатской агитации.

К. Ноббе, вероятно, исходит из тезиса, что враждебность Цицерона к Крассу и Цезарю есть атрибут конкретного периода 64–61 гг. до н.э. Однако ситуация, которую изображает Дион Кассий, хорошо согласуется со сведениями из других источников. Рассказ о столкновении с Цезарем на почве судебного процесса Г. Антония, коллеги Цицерона по консульству (Dio Cass. XXXVIII.10), подтверждается Светонием (*Iul.* 20.4; ср.: Cic. *De domo sua.* 41). В то же время античная традиция сохранила память о некоторой взаимной лояльности обоих политиков в 62–60 гг. до н.э. Если верить Светонию, бывший консул помог Г. Юлию во время следствия по делу заговорщиков (*Iul.* 17). Получившая окончательное оформление к сер. 60 г. до н.э. (Cic. *Att.* II.1.3) Четвертая Катилинария отнюдь не враждебна Цезарю. Согласно Плутарху, читавшему «Записки» Цицерона, открытое обвинение триумвиров в поддержке заговора там отсутствовало (*Crass.* 13). Греческий биограф говорит о причастно-

²⁴ Имеется также замечание Плутарха, что Цицерон открыто обвинил Цезаря и Красса в причастности к заговору Катилины лишь «в некоем сочинении (ὁ λόγος)», которое было опубликовано после смерти обоих (Plut. *Crass.* 13). Как правило, считается, что Плутарх имел в виду *Expositio*; иную точку зрения см.: Гурвич П.Б. Указ. соч. С. 79–80.

²⁵ Ср. аргументацию В.Е. Гваткина о наиболее раннем сроке публикации литературно переработанной Первой Катилинарии: *Gwatkin W.E. Cicero in Catilinam 1.19 – Catiline's Attempt to Place Himself in Libera Custodia // ТАРА. 1934. Vol. 65. P. 280.*

сти Цезаря с Крассом к изгнанию Отца Отечества (Plut. *Cic.* 30; *Caes.* 14; ср.: *Cic. Pro Sestio.* 39-40; *De resp. har.* 47).

Таким образом, попытки оспорить сообщение Диона Кассия успеха, на наш взгляд, не имеют, и пока не доказано обратное, датировка *Expositio* должна оставаться прежней – после 57 г. до н.э. Это имеет большое значение, поскольку хронологическая близость тайного сочинения Цицерона к поэме *De temporibus suis* позволяет *mutatis mutandis* – полагаться на сделанные относительно нее выводы.

Асконий свидетельствует, что в «Обоснованиях своих решений» великий оратор касался событий 64 г. до н.э., а слова Диона Кассия наводят на мысль, что труд был доведен как минимум до 58 г. до н.э. Ведь едва ли Цицерон упустил возможность попенять триумвирам за то, что они допустили изгнание второго основателя Рима. В статье, посвященной *De temporibus suis*, мы подробно рассмотрели письмо за июнь 56 г. до н.э. к историку Л. Лукцею²⁶. Цицерону хотелось, чтобы тот затронул в специальной монографии период «от начала заговора до нашего возвращения» (*Cic. Fam.* V.12.4). Если ориентироваться на «Римскую историю», *Expositio* были написаны примерно в период, когда автор ждал от Лукцея выполнения предварительной договоренности и работал над некими «записками обо всех событиях (*commentarios rerum omnium*)» (*ibid.* 10). Просьба изобразить яркими красками «вероломство, козни и предательство многих» (*ibid.* 4), вероятно, уходила корнями в концепцию этих записок. Намерение выдвинуть на первый план личность героического консула, несправедливо изгнанного спасителя Отчизны, было, по-видимому, характерно не только для предложенного Лукцею плана монографии. Получается, что «записки» 56 г. до н.э. имели сходство с *Expositio*, и возникает вопрос: были ли они «Обоснованием своих решений» или хотя бы его предтечей?

Цицерон хотел ускорить работу историка и знал, какого рода сочинение лучше всего помогло бы ему: насыщенное фактами и помогающее ориентироваться в хитросплетении политических интриг, претендующее на некоторую разоблачительность. Здесь требовался иной жанр, чем автобиографические поэмы Цицерона (в частности, написанная приблизительно тогда же *De temporibus suis*). Кроме «Анекдотов» неизвестно другое произведение «на злобу дня», работа над которым велась бы в 57-50 гг. до н.э. Таким обра-

²⁶ О причинах написания этого письма и о его содержании см.: Бугаева Н.В. *De temporibus suis*... С. 102–104.

зом, гипотеза о тождественности «записок» 56 г. до н. э. *Expositio* весьма заманчива. Но как она согласуется со словами Диона Кассия о строжайшей тайне, в которой Цицерон хранил рукопись?

Можно вспомнить, что ореол секретности окутывал не только «Обоснование своих решений». Цицерон не предполагал издать поэму *De temporibus suis*, распространяя ее с должными предосторожностями среди близких людей. Весьма примечательно, что уже после двусмысленного отзыва Цезаря Цицерон посылает стихи с надежным человеком П. Корнелию Лентулу Спинтеру (*ibid.* I.9.23). Т.е. к произведениям, имеющим репутацию тайных, доступ (хотя и ограниченный) имелся. В случае с «Анекдотами» исключение делалось для Аттика (*Cic. Att.* II.6.2). Письмом за июнь 56 г. до н.э. Отец Отечества информирует последнего о благоприятном ответе Лукцея и дает ряд связанных с этим поручений (*ibid.* IV.6.4). А в конце апреля 55 г. до н.э. Атик снова выступает посредником: Цицерон просит передать Лукцею некую «нашу книгу (*nostrum librum*)» (*ibid.* 11.2). Нельзя исключать, что в виду имелись именно «записки». По нашему мнению, в случае с ними сложилась не столь редкая (судя по переписке Цицерона) ситуация: автор воздержался от публикации труда, хотя и предоставил его узкому кругу избранных читателей. Снабдить соответствующей рукописью Лукцея было очень соблазнительно, а историк, вовсе не новичок в политике, должен был понимать, какие пределы очерчивает доверие Цицерона.

Э. Шварц отказывался отождествить «записки» с *Expositio*, поскольку после 56 г. до н.э. Цицерон не рискнул бы посылать стороннику Помпея труд, атакующий Цезаря и Красса²⁷. Однако сомнительно, чтобы Лукцей принимал близко к сердцу обвинения в их адрес. Отношения между триумвирами были далеки от идиллических; хотя союз отвечал интересам заключивших его лиц, никто из них не отказался от преследования собственных политических целей, «держа камень за пазухой». Таким образом, гипотеза об идентичности *Expositio* запискам 56 г. до н.э. вполне согласуется со сведениями античной традиции и имеет право на существование.

²⁷ *Schwartz E. Op. cit. S. 558.*

ГУСЬКОВ Е.А. (САМАРА)

АВЛ ВИРГИЙ МАРС И ПРОБЛЕМА КОЛИЧЕСТВА ПРЕТОРИАНСКИХ КОГОРТ В ПЕРИОД ПРИНЦИПАТА АВГУСТА

Преторианская гвардия, созданная Августом преимущественно в целях личной охраны, вскоре превратилась в элиту римских вооруженных сил и стала играть видную роль в политической жизни государства. Благодаря этому, почти вся ее история оказалась богато (хотя и неравномерно) освещенной в наших источниках, особенно - период от последних Юлиев-Клавдиев до Северов. Но начальный и заключительный этапы истории гвардии известны плохо из-за низкой политической и военной активности корпуса и неудовлетворительного состояния источников. Данная работа посвящена одной проблеме из ранней истории гвардии; ее цель – определить общее количество преторианских когорт в составе императорского корпуса во время правления его создателя.

Исследователями давно отмечены несоответствия по этому поводу в сохранившихся до наших дней свидетельствах Тацита и Диона Кассия – авторов тех исторических трудов, что ныне составляют костяк античной нарративной традиции периода Ранней империи¹.

Описывая структуру военной организации Римского государства 20-х гг. I в. н.э., Тацит, современник ранних Антонинов, останавливается и на «городском гарнизоне» Рима. По его сведениям, в 23 г. н.э. покой столицы стерегли 3 городские и 9 преторианских когорт (*Ann.* IV.5.5: *tres urbanae, novem praetoriae cohortes*). Впрочем, как можно заметить, информация древнего автора относится ко времени не самого Августа, а его преемника и соправителя в последние годы – Тиберия. Но приводимые Тацитом цифры применялись и по отношению ко времени Августа, так как нет никаких *прямых* свидетельств тому, что количество преторианских когорт в

---

¹ *Mommsen Th.* Die Gardetruppen der römischen Republik und der Kaiserzeit // *Hermes.* 1879. Bd. 14. S. 30–31; *Passerini A.* Le coorti pretorie. Roma, 1939. P. 44 f.; *Letta C.* Le imagines Caesarum di un praefectus castrorum Aegypti e l` XI coorte pretoria // *Athenaeum.* 1978. Vol. 56. P. 10–11; *Kennedy D.L.* Some Observations on the Praetorian Guard // *Ancient Society.* 1978. Vol. 9. P. 275; *Keppie L.* The Praetorian Guard before Sejanus // *Athenaeum.* 1996. Vol. 84. P. 107–112 и др.

эти годы каким-либо образом изменялось. Это, в свою очередь, предопределило отношение новейших историков к жившему приблизительно веком позднее Диону Кассию, который говорит о несколько иной цифре: по его данным, к началу новой эры гвардия имела 10 когорт по 1000 человек в каждом подразделении (Dio Cass. LV.24).

Сегодня в распоряжении историков есть еще один источник – обнаруженная относительно недавно (в 1976 г.) в центральной Италии надпись, датируемая первой половиной I в. н.э. и содержащая посвящение некоему Авлу Виргию Марсу, сыну Луция (AE. 1978.286). Примечательно, что *cursus militum* этого человека включал в себя трибунат в XI-ой и IV-ой преторианских когортах *in praetorio divi Augusti et Tiberii Caesaris Augusti* (стк. 4–5). Таким образом, уже при Августе гвардия могла насчитывать 11 когорт, а принимая во внимание гипотезу французского историка М. Дюрри, что структура претория базировалась на принципе кратности трем², недалеко и до вывода о присутствии 12-ти когорт в ее составе.

Следовательно, перед нами уже три различные версии, но всерьез сегодня обсуждаются всего лишь две из них. Еще до обнаружения указанного эпиграфического памятника расхождения в нарративе римских авторов разрешались, по сути, схожими путями: информация Кассия Диона признавалась в той или иной степени ошибочной, а Тацита – несомненной³. Очень часто при этом подтверждением анахроничности сообщения о 10-ти когортах Августа служат ссылки на другие ошибки северовского историка, что не может, конечно же, быть окончательным аргументом в каждом

² Durry M. Les cohortes pretoriennes. P., 1938. P. 77–78. Впрочем, к этой «магии чисел» в научной литературе относятся скептически: Парфенов В.Н. К оценке военных реформ Августа // АМА. 1990. Вып. 7. С. 67; он же. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 16.

³ Отчасти это произошло оттого, что посвящение Виргию Марсу является единственной надписью, где документируется XI когорта претория в интересующий нас период. Прежде исследователи сталкивались только с меньшими порядковыми номерами (например, ILS. 2028; 9494), что косвенно вполне удовлетворяло девяти когортам Тацита. Сведения же о X, XI и XII подразделениях относятся к гораздо более позднему времени принципата Клавдия I и Нерона (см.: Kerrie L. Op. cit. P. 108. Note 64), что, в свою очередь (опять же косвенно), убеждало в правоте автора «Анналов»: ведь его рассказ о правлении Гая и начальных годах властвования его преемника, когда произошло предполагаемое приращение корпуса, сегодня утрачен, из-за чего это событие оказалось не освященным в сохранившемся нарративе.

конкретном случае: необходимо доказать, что Дион Кассий ошибся или, напротив, достоверен именно здесь, а не в другом эпизоде. Поэтому, представляется важным не отметить его свидетельства только на том основании, что они подозрительно перекликаются с его собственным временем.

В рассказе этих авторов называется общее количество подразделений претория, в отличие от текста указанной надписи, где воспроизводятся лишь номера отдельных когорт, поэтому остановимся на ней. Карьерный путь Виргия Марса, по крайней мере, в том виде, как он представлен в посвящении, выглядит стандартно⁴. Правда, в перечне отсутствуют наиболее ранние его этапы, и это не позволяет более или менее точно рассчитать время отправления обязанностей на каждом конкретном посту. Опираясь на другие надписи, можно предположить, что должности примипила в III Галльском легионе предшествовал центурионат в рядах претория, а ему, в свою очередь, может быть, и в прочих столичных частях⁵. Каким было самое начало его карьеры неясно; вполне возможно, он стартовал с самых низов – *ex milibus gregariis*. Во всяком случае, нет никаких обстоятельств, которые бы могли препятствовать считать его рядовым преторианским воином (судя по его имени и месту обнаружения данного памятника [*Lecce dei Marsi*], Виргий вполне мог претендовать на попадание в гвардию по тем критериям, которые предъявлялись в то время при наборе⁶). Также мало что можно сказать о способе, которым он приобрел звание центуриона: не исключено, что отслужив положенные 12 лет⁷, он проходил эвокатуру (ни о каких особых заслугах или наградах в надписи не говорится, что вряд ли было бы возможно в случае, если бы таковые имелись). Должность *primus pilus*, предоставлявшаяся наиболее опыт-

⁴ В данной работе я рассмотрю только военную карьеру этого героя; о его деятельности на гражданском поприще см.: *Letta C. Op. cit.* P. 12–14.

⁵ См., например, карьеру его младшего современника: *CIL. XI.395 (= ILS. 2648)*.

⁶ *Durry M. Praetoriae cohortes // RE. 1954. Bd. 44. Sp. 1626; Sasel J. Zur Rekrutierung der Pratorianer // Historia. 1972. Bd. 21. S. 474.*

⁷ Если считать, что трибунат Марса падает на последние годы жизни Августа, то служба рядовым воином приходилась на период перед реформами 5–6 гг. н.э., когда срок рядовой выслуги в гвардии был увеличен до 16-ти лет (*Dio Cass. LIV.25; LV.23*). Вместе с этим легионеры были обязаны служить 20 лет вместо прежних 16-ти, а по окончании активной службы – еще 5 лет пребывать в качестве ветеранов (*ibid.*; *Suet. Aug. 49.2*). См.: *Wells C.M. Celibate Soldiers. Augustus and the Army // AJAH. 1998. Vol. 14. No. 2. P. 184.*

ным и заслуженным центурионам, открыла ему дорогу во всадническое сословие и, безусловно, стала важной вехой в его жизни.

Темным местом остается время повторного исполнения обязанностей примипила: происходило ли это сразу вслед за первым назначением, как можно понять из надписи, или позднее, что было более характерно (обычно – после трибуната в легионе или в одной из столичных частей⁸)? Скорее всего, эта ступень находилась почти на самом верху его карьерной лестницы, разделив две столичные службы⁹. Подобное объединение однотипных постов (два примипилата и два трибуната) в тексте надписи, очевидно, диктовалось соображениями стилистики и, в меньшей степени, экономии пространства на стеле.

Три следующих назначения стали возможны только благодаря серии военных реформ Августа, специально создавшего посты для лиц всаднического ранга. Одним из них был пост *praefectus castrorum* (префект лагеря), занимавший в тогда еще формировавшейся иерархии должностей в легионе третье место после *legatus* и *tribunus laticlavus*: ими могли быть только сенаторы. Однако в «биографии» Виргия Марса специально уточняется, что он был не просто лагерным начальником, а именно *praefectus castrorum Aegypti*, т.е. в той провинции, доступ в которую сенаторам был «заказан». Фактически это означает, что Марс возглавлял один из расположенных здесь легионов – III *Cyrenaica* или XXII *Deiotariana*. Конечно, формально эти функции осуществлялись на правах замещения (*praefectus castrorum* = *praefectus castrorum legionis* [со времен Домициана I] = *praefectus legionis* [после Септимия Севера]). В принципе, если учитывать, что до конца I в. н.э. один и тот же лагерь мог заниматься не одним легионом, полномочия префекта экстраполировались, возможно, на обе части. Это только предположение, доказать которое сложно по причине отсутствия сведений о месте дислокации III Киренаикского легиона в первое десятилетие новой эры¹⁰.

Этот пост – *praefectus castrorum*, – сопряженный с действительно важными в военном плане обязанностями (Veg. II.10), занимали, как правило, опытные и умелые центурионы из числа примипилов-

⁸ Durry M. Praetoriae... Sp. 1623–1624.

⁹ См. прим. 12.

¹⁰ Позднее, во времена Гая (Калигулы), этот легион базировался, без сомнения, в Александрии вместе с находившимся там еще с момента катастрофы в Тевтобургском лесу XXII Дейотаровым легионом.

¹¹, к которым принадлежал и наш герой. Это, кстати, может служить дополнительным доводом в пользу достаточной продолжительности раннего этапа его карьеры.

Далее в перечне указывается, что новым назначением Виргия становится *praefectus fabrum* (начальник саперов) – пост, относящийся к числу важнейших, хотя его строгое иерархическое место при Августе еще, судя по всему, не было определено. Так, подобно *cur-sus*'у Марса, он следует за (иногда двукратным) примипилатом, например, в карьере М. Вергилия Галла Лузия (ILS. 2690), С. Авлиена (ILS. 2688) и Л. Овиния Руфа (ILS. 2021), современников нашего персонажа. Однако у Овиния этому этапу предшествовал трибунат в столице (в III преторианской когорте), тогда как у остальных начальство над когортами венчает действительную строевую службу, но эти флуктуации – признак еще неустоявшейся иерархии, оформление которой начнется позднее (Suet. *Claud.* 25.1).

Карьера Виргия Марса, таким образом, идет по восходящей линии, а ее отображение в тексте посвящения является последовательным. Вероятно, то же самое можно сказать и о перечислении здесь столичных служб. Впрочем, ряд исследователей считает, что как раз в этой части была допущена хронологическая ошибка, причиной которой могла послужить элементарная небрежность¹². Однако, по меньшей мере, было бы странным исказить карьерную лестницу на наиболее важных ее ступенях и точно воспроизводить менее значительные. Здесь же следует обратить внимание на то, что в надписях в одной карьере, как правило, центурии или когорты с большими порядковыми номерами упоминаются прежде тех, которые носили меньшие номера, а это косвенно может говорить о том, что, например, перевод центуриона из VI-ой центурии в V-ю, IV-ю и т.д., рассматривался как повышение. Вероятно, то же самое происходило и с когортами. О подобной практике в легионах мы находим упоминание у Вегеция (II.21). Сложно сказать, было ли так в гвардии, но регулярность, с которой трибунаты в когортах претория следуют этой тенденции, позволяет делать подобные выводы. В данном отношении эта надпись полностью им отвечает, и

¹¹ Рубцов С.М. Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I – начало II в. н.э.). СПб.; М., 2003. С. 101, 102.

¹² Dobson B. Praefectus Castrorum Aegypti – a Reconsideration // Chronique d'Égypte. 1982. Vol. 58. P. 328 (с примерами ошибок в других надписях); Letta C. Op. cit. P. 11.

нет сколько-нибудь весомых аргументов выносить ее из общего правила.

Предлагается также вместо *XI praetoria* читать *urbana*¹³, для чего есть некоторые параллельные основания: например, уже упоминавшийся Овиний Руф примерно в то же время служил именно в *cohors XI urbana* (ILS. 2021); вдобавок, высказывалось предположение, что слово PRAETORIAR(VM) может относиться не к обеим когортам, а только к последней, т.е. IV-ой, а первая из них вполне могла быть и городской¹⁴. Правда, на мой взгляд, восстановление опущенного в тексте окончания не допускает особого разнообразия вариантов: по крайней мере, грамматически оно относится не только к последнему члену этого ряда, а значит – необходимо признать, что речь может идти только о преторианской гвардии.

Если общая нумерация преторианских и городских частей ведет свое начало от Августа, то тогда становится непонятным, как Виргий мог возглавлять когарту претория с таким же порядковым номером? Существование XI-ого подразделения городского корпуса ограничивает состав гвардии, самое большее, десятью когортами – той цифрой, которую встречаем у Диона Кассия. Ошибался ли в таком случае Тацит? Представляется, что нет. Ведь его информация, во-первых, описывает время Тиберия, во-вторых, пусть и косвенно, но все же подтверждается другими надписями и в-третьих, наличие XI городской когорты также не противоречит его данным. Кроме того, возникает тогда вопрос: откуда вообще Тацит черпал информацию для своего «военно-стратегического обзора»? Если предполагаемую ошибку Диона еще можно объяснить перенесением реалий северовской эпохи ко времени начала империи, то про Корнелия Тацита сказать такое сложно. Хотя, безусловно, и он периодически допускает анахронизмы, но в применении к данному случаю это объяснение совершенно не подходит, ведь в его время гвардия состояла, как и веком позднее, из 10 когорт. Быть может, он, будучи современником преобразований гвардии при Домициане, воспроизвел памятную ему дореформенную ситуацию 70-х гг.¹⁵, когда корпус действительно состоял из 9 частей? Но историку, с

¹³ Об этом см. *Bingham S.-J. The Praetorian Guard in the Political and Social Life of Julio-Claudian Rome. Ottawa, 1997. P. 46.*

¹⁴ *Ibid.* P. 46. Note 35.

¹⁵ Сомнительно, что он мог лично помнить о 12-ти когортах во времена Нерона.

другой стороны, известны эпизоды с трансформацией состава императорского корпуса в другие времена (Тас. *Hist.* II.93). Значит, он специально разыскивал данные или, во всяком случае, был очень внимателен к свидетельствам своих предшественников. Поэтому, надо полагать, его сведения о 9-ти когортах Тиберия опираются, по всей видимости, на какой-то источник, современный описываемой эпохе («Анналы» Ауфидия Басса¹⁶?).

Отсюда, можно сделать только единственный вывод: при Августе гвардия вообще не имела строго определенного набора когорт и их число периодически изменялось¹⁷. В связи с этим, уместно опять обратиться к Диону Кассию. Хотя сейчас и невозможно сказать что-либо определенное, но при подобном раскладе его сведения могут оказаться верными по существу, просто приписываемый ему анахронизм в два столетия должен быть, очевидно, сжат в более скромные рамки: от 44 г. до н.э. до 14 г. н.э. Наверное, в его распоряжении были какие-то данные относительно эпохи II триумvirата (или первых годах принципата) о 10 000 преторианцев в 10 когортах Октавиана, которую он механически перенес к рубежу двух эр. Представляется, что это более вероятно, чем то, что предлагали Т. Моммзен и – особенно – М. Дюрри, частично или напроочь отрицая достоверность сообщений Диона. По замечанию В.Н. Парфенова, «к определению численности воинских подразделений времени Августа этот античный историк отнесся очень внимательно»¹⁸. С этим трудно не согласиться, принимая во внимание, что Кассий Дион сам намекает на то, что целенаправленно стремился установить численность, по крайней мере, отдельных столичных отрядов (LV.24).

Кроме того, обстановка гражданской войны 40–30-х гг. до н.э. делает вполне правдоподобным и указание Диона в части типологии преторианских подразделений: являясь несомненно пятисотенными в мирный период жизни Августа и при его ближайших преемниках, они вполне могли быть миллиарными во время борьбы Октавиана за господство в Риме, когда существовала более серьезная угроза его жизни и власти, чем те внутривосточные колли-

¹⁶ Модестов В.И. Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888. С. 568 сл.; *Syme R. Tacitus. Oxf., 1997. Vol. 1. P. 274, 288.*

¹⁷ К этому выводу задолго до открытия памятника в *Lecce dei Marsi* пришел еще А. Пассерини: *Loc. cit.*

¹⁸ Парфенов В.Н. К оценке... С. 69.

зии, с которыми он столкнулся после Актийской битвы. Возможную дату, когда когорты стали пятисотенными, невозможно назвать, равно как и установить точную датировку изменения числа самих подразделений, за исключением последнего (?) преобразования гвардии Августом.

Итак, в конце правления основателя принципата преторианский корпус насчитывал, как минимум, 11 когорт. К сожалению, нельзя определенно сказать, полное ли это число или только часть общего. Столь же уклончивым является и Светоний, говорящий о том, что в Риме у Августа было не более трех когорт (*Aug. 49.1: neque tamen unquam plures quam tres cohortes in urbe esse passus est*). Однако нет ничего невозможного в том, чтобы предположить, что общий состав гвардии равнялся 12-ти подразделениям¹⁹, ведь в дальнейшем (до гражданской войны 68–69 гг. н.э.) именно он будет стандартным. Таким образом, вероятно, преемники Августа всего лишь вернулись к первоначальному составу. Приблизительно в конце правления Августа три когорты были «перепрофилированы» в *cohortes urbanae*²⁰, и, по всей вероятности, именно о них и говорит Светоний.

Версия о редесигнации части преторианских когорт, повлекшей возникновение менее привилегированных городских подразделений, наиболее очевидна. Для чего Августу нужно было набирать людей в новый корпус, если у него под рукой уже было 12 рассеянных в окрестностях когорт, которые он не мог в полной мере использовать в столице, не встретив противодействия в общественном мнении, которым очень дорожил? Гораздо проще было ввести в столицу часть уже имеющихся сил, переподчинив их сенату или, точнее, *praefecto Urbi*, ответственному перед самим императором (впрочем, кому на самом деле подчинялись городские когорты – это вопрос, требующий индивидуального рассмотрения), да и связывающий оба столичных подразделения общий числовой ряд также позволяет строить догадки относительно их единого происхождения.

---

¹⁹ Некоторые современные авторы почти не сомневаются в том, что при Августе их в общей сложности было 12 (например: Rankov B. *The Praetorian Guard*. L., 1994. P. 5, 7).

²⁰ Об этой гипотезе см.: Keppie L. *Op. cit.* P. 109.

Здесь я намеренно не касался некоторых указаний Цицерона, Аппиана и Павла Орозия, посчитав их слишком отрывочными и относящимися ко времени гражданских войн, когда быстро меняющаяся военно-политическая конъюнктура требовала от Октавиана оперативной реакции на возникающие проблемы. И если вывод о непостоянстве состава гвардии верен, то это в еще большей степени относится ко времени *до* установления принципата, а следовательно, вопрос о количестве когорт триумвира Октавиана и его соперников должен изучаться отдельно.

Иллюстрации к статье Н. Кленышевой

Рис. 1, 1а. Крышка саркофага, 160–180 гг.
Лондон, Британский музей.

Рис. 2. Рельеф саркофага, 240 г. Мюнхен, Глиптотека.

Иллюстрации к статье
Т. Михайловой (Смирновой)

Рис. 1. Поэтесса («Сапфо»)
Фреска из Помпей.
Середина I в. н.э.

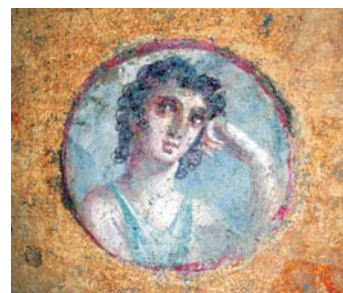

Рис. 2. Девушка.
Фреска из Помпей.

Рис. 3. Паквий Прокул
и его жена.
Фреска из Помпей.
Первая половина I в. н.э.

Рис. 4. Современная
вариация на античную тему.

Иллюстрации к статье А.А. Сеницына

Рис. 1. На Волге (справа налево): И.Н. Авраменко, Д.Б. Самосадный (сидит), А.А. Сеницын. г. Балаково. Июль 1990.

Рис. 2. Симпосиасты (сверху вниз): А.А. Сеницын, Д.Б. Самосадный, О.В. Орищенко, И.Н. Авраменко. Саратов, общежитие на ул. Измайлова. Январь 1991.

Рис. 3. Члены семинара «Античная среда» (справа налево):
Д.Е. Луконин, О.В. Орищенко, Д.Б. Самосадный, В.И. Кашеев, С.В. Васильев,
А.А. Синицын и И.Н. Авраменко (сидит). После защиты дипломных работ рядом с домом
научного руководителя В.И. Кашеева. Саратов, ул. Некрасова. 16 июня 1993.

Публикация фотографий: И.Н. Авраменко, О.В. Орищенко, А.А. Синицын

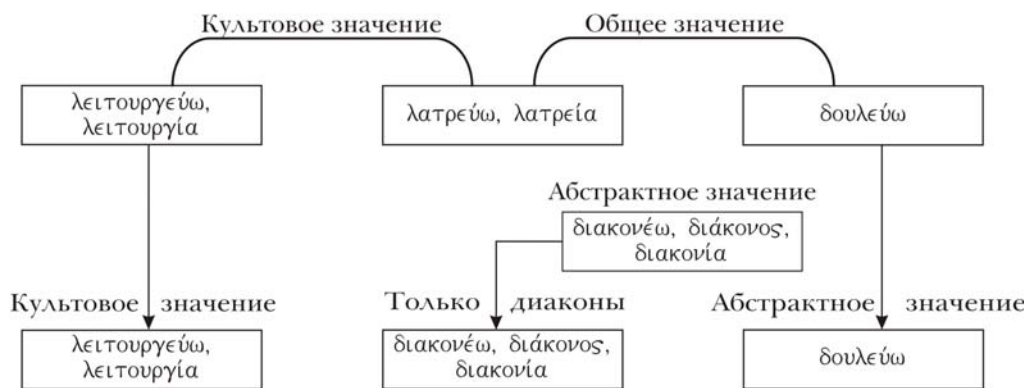

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЯ
АНТИЧНОСТИ**

КРАСНОБАЕВА Ю.Е. (МОСКВА)

«СЛУЖЕНИЕ» В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ АПОСТОЛЬСКИХ

Кратко изложить эволюцию лексики термина «служение» от Септуагинты до новозаветной традиции можно в виде следующей упрощенной схемы, где в первой строчке отражена основная терминология Септуагинты, во второй – ключевое понятие абстрактного духовного служения в Новом Завете, а в третьей – эволюция понятия служения в ранней христианской литературе (преимущественно на примере Писаний Апостольских мужей и Дидахе).

Постановления Апостольские

Это крупный составной текст, представляющий собой сборник церковных установлений и правил для клириков и мирян. Свое составление сборник приписывает Клименту, епископу Римскому, который передает созданные самими Апостолами правила. Временем составления текста обычно считают IV в.¹ (точнее 380 г.), а местом составления – Антиохию². М.Э. Поснов относит составление памятника к концу IV – началу V вв. и полагает, что он был составлен в Сирии³.

Постановления Апостольские включают восемь книг: «О мирянах», «О епископах, пресвитерах и диаконах», «О вдовицах», «О сиротах», «О мучениках», «О расколах», «Об образе жизни, благода-

¹ Все даты в этой статье – н.э.

² См.: Постановления Апостольские. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. С. 2.

³ Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей, 1054). М., 2005. С. 347.

рении и посвящении христианском», «О дарованиях, рукоположениях и канонах церковных». М.Э. Поснов делит источник на три части: шесть книг – расширенная Дидакалия Апостольская, первое собрание нравственных предписаний и правовых норм, возникшее во второй половине III в. в Сирии и переработанное позже, в V в. Ко второй части исследователь относит седьмую книгу, которая представляет собой расширенный вариант Дидахе и фрагменты других ранних христианских текстов. Вторая часть содержит различные молитвенные формулы, указания относительно постановления в катехуменат и преподания крещения⁴. Третья часть – восьмая книга – распадается на три отдела: о харисмах, о посвящениях и о канонах.

То, что памятник содержит тексты различных временных пластов, представляющих собою «наслоение известий и сведений, относящихся ко II, III, IV и началу V в.», отмечал А.П. Лебедев⁵. И действительно, условная «Первая» и половина «Второй» части сборника, восходящие к Дидахе, Дидакалии и другим ранним христианским текстам, в т.ч. к Новому Завету, содержат сведения, относящиеся к наиболее ранним временам христианства, в частности, они содержат сведения о ранних иерархических церковных институтах, некоторые из которых не перешли за грань III в. К их числу относится, например, институт диаконисс.

Анализ лексики служения в Постановлениях Апостольских затруднен тем обстоятельством, что данный памятник, несомненно, является составным, и довольно сложно определить, когда слова *διακονία*, *διάκονος*, *διακονέω* в общем значении суть рецидивы первоначального значения, а когда они используются в качестве лексических единиц первоисточника.

Термины *διακονία*, *διάκονος*, *διακονέω*

В словоупотреблении *διακονία*, *διάκονος*, *διακονέω* в тех немногих случаях, когда оно не относится к диаконскому служению, можно выделить следующие значения:

1. Прямое значение. Пост. Апост. I.8: «...Бойся, жена, мужа своего и страшись его, старайся нравиться ему одному и быть благо-

⁴ Поснов М.Э. Указ. соч. С. 346–347.

⁵ Лебедев А.П. Духовенство Древней Вселенской Церкви. От времен Апостольских до X века. СПб., 2003. С. 14.

угодно ему служениями своими (ἐν ταῖς διακονίαις αὐτοῦ)». В Пост. Апост. VII.31.5 присутствует также прямое значение в цитате из Нового Завета (Лк. 12:36, 37).

2. Цитирование Нового Завета. Пост Апост. III.19.3 содержит цитату из Мф. 20:3: «Всякому царству и начальству повинуйтесь в том, что угодно Богу, как служителям Божиим (θεοῦ διάκονοις) и наказателям нечестивых»⁶.

3. Новозаветное словоупотребление. В Пост. Апост. II.14.8 речь идет об апостольстве Иуды, «который получил одинаковый с нами (апостолами – Ю.К.) жребий служения». Это словоупотребление тесно соприкасается с Деян. 1:17: «Он был сопричастен к нам и получил жребий служения (διακονίας) сего». Перекликающимся с новозаветным словоупотреблением нам кажется, встречающееся в Пост. Апост. II.58.4 и напоминающее новозаветный эпизод поставления семи, словосочетание διακονία τοῦ λόγου, которое в Апостольских Постановлениях относится к епископам: «...Не оставяй служения слова (τὴν διακονίαν τοῦ λόγου) по лицепритию...». Сюда примыкает и Пост. Апост. II.26.4: «Епископ – служитель слова» (λόγου διάκονος). В Пост. Апост. III.19.2. речь идет о диаконах и диакониссах, но здесь можно усмотреть и следы общего словоупотребления: «Каждый пусть знает собственное место и проходит его усердно, единомудренно, единомудренно, зная о награде за служение (γυγιώσκειτε τὸν τῆς διακονίας μισθόν)». Это место имеет аналогии в Новом Завете: «Ибо хорошо служившие (οἱ καλῶς διακονήσαντες) приготавливают себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа» (1Тим.3:8-13). Наконец, в Пост. Апост. V.1.3 фиксируется новозаветное значение «служение святым»: «Поэтому все верующие служите святым (διακονήσατε τοῖς ἁγίοις)... Кто живет в изобилии, тот еще более пусть служит им (διακονεῖτω αὐτοῖς) соразмерно с силою своею»⁷.

4. Служение епископа. Пост. Апост. VIII.5.5: «...Иже служит (ἔπερ διακονεῖται) возлюбленным Отроком Твоим Иисус Христом» (произносимое епископом при поставлении епископа).

5. В остальных случаях словоупотребление невероятно любопытно. Оно не применяется к диаконам, но зато имеет отношение к людям, занимающимся *благотворительной деятельностью*, и *службе-*

⁶ Ср.: 1 Петр. 2:13,14; Рим. 13:1,4; Тит. 3:1.

⁷ Ср. 1 Кор. 16:15; 2 Кор. 8:4.

нием, помощью различным категориям нуждающихся (вдовам, сиротам). Именно это в тексте Постановлений Апостольских и называется диаконией. Пост. Апост. III.8.2: «Ибо как узнает вдовица, какова та, от которой принимает она или от какого служения (διακοίνας) предлагает она пищу, не от хищения ли или другого какого нехорошего приобретения?» Текст молитвы в Пост. Апост. III.13: «Благослови, Господи, и прослави послужившего (τὸν διακοιήσαντα) ей (совдовице – Ю.К.)», и далее: «Подобным образом пусть молится и вдовица, получившая милость за сотворившего ей служение (τῷ δίδουτι αὐτῷ τῇ διακοίαν)». Пост. Апост. III.14.2: «Но вдовицы, не желающие жить по заповеди Божией, стараются выведать, кто послужившая (ἡ διακοιησαμένη) и кто принявшая, а узнав это, упрекают послужившую (τῇ διακοιησαμένη)... Должна помышлять, Кто постановил так, и, молча и не упрекая послужившую (τὴν διακοιήσαντα), вошед в дом свой и падши на лице свое, стала молить Бога, чтобы простил ей прегрешение».

Служение усыновляющих сирот также называется *диаконией*: «...Поступающие так совершают великое дело, становясь отцами сирот, и получают за такое служение (τῆς διακοίνας) награду от Господа Бога...» (Пост. Апост. IV.1.1).

Через слово *диакония* передается вообще служение нуждающимся: «Ибо, если Господь неба и земли все претерпел ради нас, то как усомнитесь послужить нуждающимся вы (πῶς ἂν ὑμεῖς διακοιῆσαι τοῖς δεομένοις ἐνδοιάσητε), обязанные быть подражателями Его, потерпевшего за нас и рабство, и скудость, и биения, и крест?» (Пост. Апост. III.19.4.).

Во всех остальных случаях слова *διακοία*, *διάκοιος*, *διακοιέω* используются применительно к диаконам как технический термин.

Термины λειτουργία, λειτουργεῖω

В употреблении этой терминологии можно выделить следующие значения:

1. Ветхозаветный мотив, который подразумевает ветхозаветное культовое служение. Пост. Апост. II.25.5: «...Ешьте от Церкви, как ели левиты, служившие скинии свидения (οἱ λειτουργοῦντες τῇ σκηνῇ τοῦ μαρτυρίου)». Пост. Апост. II.25.6: «...обязанностью его было служение в скинии (λειτουργία τῆς σκηνῆς)». Пост. Апост. VIII.46.5: «Моисей, служитель Божий (ὁ τοῦ θεοῦ θεράπων), ...когда постановил божественное законоположение, то разграничил, что

должно быть совершаемо первосвященником, что священниками, что левитами, каждому назначив собственную и приличную его служению службу (τῇ λειτουργίᾳ θρηακείαν)».

2. «Служебные духи». Пост. Апост. VIII.4.5: «...В присутствии ...и Святого Духа, и всех святых, и служебных духов (καὶ λειτουργικῶν πνευμάτων) засвидетельствуют, что он (епископ – Ю.К.) таков...». Надо отметить, что похожее наименование Ангелов – «служебные духи», τὰ λειτουργικὰ πνεύματα – имеется и в Новом Завете (Евр. 1:7, Евр. 1:14).

3. Начальники – служители Божии. Пост. Апост. VII.16.1: «Царя бойся, зная, что избрание Господне. Начальников его чти, как служителей Божиих (λειτουργοὺς θεοῦ), ибо они возместители всякой неправды. Оброк, пошлину и всякий взнос уплачивайте им благонамеренно». Возможно, что здесь можно усмотреть некую реминисценцию старого светского значения – сбора пошлины, налога – совмещенного в виде игры слов с религиозным значением.

4. Вообще служение в Церкви. Пост. Апост. II.63.1: «А вы, юноши Церкви, старайтесь служить (λειτουργεῖν) во всех нуждах (ἐν πάσαις ταῖς χρείαις) нелениво, занимайтесь делами своими со всею честностию, чтобы во всю жизнь свою довольствоваться и самих себя и бедствующих, дабы не обременять собою Церкви Божией».

5. По аналогии с ветхозаветным культовым служением, с развитием собственного христианского культового богослужения (литургии в известном нам смысле), все чаще и активнее используются слова λειτουργία, λειτουργεῖω для обозначения культового служения епископов. Пост. Апост. II.25.7: «Епископы, будьте народу вашему святыми левитами, служащими святой скинии (οἱ λειτουργοῦντες τῇ ἱερᾷ σκηνῇ), ... если хорошо будете служить святой скинии (καλῶς λειτουργήσασιν τῇ σκηνῇ τῇ ἁγία)».

6. Отметим отдельно места, где употребление слов λειτουργία, λειτουργεῖω по отношению к культовому служению в рамках христианской Церкви остается вне всякой аналогии с Ветхим Заветом. Пост. Апост. VIII.4.5: «...Дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово, да будут спрошены, воистину ли достоин он (епископ – Ю.К.) священнослужения (εἰ ἄξιός ἐστιν ἀληθῶς τῆς λειτουργίας)». Пост. Апост. VIII.5.4: «...Иже святилище Твое неслужебно (ἀλειτουργητον) не оставивый». Пост. Апост. VIII.5.6: «...Его же избрал еси в епископа, пасти святое Твое стадо и архирействовати Тебе, непорочно священнослужаща в нощи и во дни

(λειτουργοῦντα νυκτὸς καὶ ἡμέρας)». Пост. Апост. III.13: «Благослови, Господи, ...епископа моего, добре послужившего (λειτουργήσαντα) Тебе». В Пост. Апост. VIII.17.18. причастие λειτουργήσαντα обозначает культовое служение диаконов: «Сподоби его, благоугодно служаща врученное ему служение (εὐαρέατως λειτουργήσαν ταυτὴν ἐγχειρισθεῖσαν αὐτῷ διακονίαν)».

Нужно отметить, что, по-видимому, именно последнее техническое значение закрепляется в дальнейшем за этой лексикой. Например, у Евсевия Памфила в его «Церковной истории» словами λειτουργία, λειτουργεῖω постоянно обозначается служение епископов: III.13, III.34, IV.5.1 (88), IV.6.4 (2), IV.10, IV.11.6 (34) и др.

Термины λατρεύω, λατρεία

1. Слово λατρεία сравнительно часто встречается в композите «идолослужение» (ἰδωλολατρεία) и «служить идолам» (ἰδωλολατρεύω). Пост. Апост. I.6: «Закон есь то, что изрек Господь Бог, прежде чем народ еврейский впал в идолослужение (ἰδωλολατρῆσαι). Пост. Апост. V.12.4: «Видите, возлюбленные, что изрекает Господь против идолослужителей (τῶν ἰδωλολατρῶν)». Пост. Апост. VII.6.1: «Не занимайся чарованием, ибо оно ведет к идолослужению (ἰδωλολατρείαν)». Пост. Апост. VII.18.1: «А путь смерти усматривается в действиях злых. На нем неверие Бога и ведение многих зол, ...а отсюда убийства ...идолослужения (ἰδωλολατρείαι)...». Интересно заметить, что этот композит оказался настолько устойчивым, что через латинскую транслитерацию *idololatria* перешел в современные языки, заимствовавшие его из латыни – фр. *idolâtrie*, исп. *idolatria*, *idolatrismo*, ит. *idolatria*, англ. *idolatry*.

2. Употребление терминов λατρεύω, λατρεία в ветхозаветных мотивах. В Пост. Апост. II.22.16, где речь идет о Манассии: «...Есть Бог един, и послужи единому Господу Богу (ἐλάτρευσεν μόνῳ κυρίῳ τῷ θεῷ)». Пост. Апост. VIII.12.23: «...Иже Мелхиседека в архиерея службы (λατρείας) избравый».

3. Обозначение иудейского культа. Пост. Апост. VI.24.3: «Они (иудеи – Ю.К.) невольно прорекли, ибо во Христа уверовали язычники, а они лишены римлянами власти и служения по закону (τῆς νομικῆς λατρείας)».

4. Обращает на себя внимание употребление названных терминов по отношению к культу языческому, а также ко всяческому

нечестивому культовому служению или деянию, которое является угодным злу. Пост. Апост. II.60.2: «...Язычники каждодневно, встав ото сна своего, бегут к идолам служить им (λατρεύειν αὐτοῖς)». Пост. Апост. II.28.8: «Чтут ...несвященника и уважают имя его из чести к бездушным истуканам и служения злым духам (εἰς λατρείαν τῶν ποιηρῶν πνευμάτων)». Пост. Апост. V.12.1: «Законополагая и о светилах, они (Писания – Ю.К.) убеждают, чтобы не клялись ими и не служили им (ταῦτα τήτε μὴν λατρεύειν αὐτοῖς)».

5. Интересно отметить употребление этого слова для обозначения культового христианского служения, т.е. использование его как синонима существительного λειτουργία. Пост. Апост. VIII.15.4: «...Иереи в службе Твоей сохрани непорочны (ἱερεῖς ἀμώμους διαφύλαξον ἐν τῇ λατρείᾳ σου)». В Пост. Апост. VIII.15.11 речь идет о богослужбных культовых обязанностях церковных служителей: «Сие постановили мы, Апостолы, о таинственной службе (περὶ τῆς μυστικῆς λατρείας) вам, епископам, пресвитерам и диаконам». В Пост. Апост. II.26.4 встречаются вместе два термина, которые ярко характеризуют две стороны епископского служения – служение слова и культовое служение: «Епископ – служитель слова (λόγου διάκονος), страж ведения, посредник между Богом и вами в службах Его (πρὸς αὐτὸν λατρείας)». В Пост. Апост. VI.23.5 речь идет о христианском богослужении в сравнении с иудейским: «Омовение, жертву, священство и богослужение местное (τὴν τοπικὴν λατρείαν) Он преобразовал: ...вместо одного колена, повелел избирать в священство наилучших из всякого народа; ...вместо богослужения местного (ἀντὶ δε τοπικῆς λατρείας) повелел и признал справедливым прославлять Его от востока до запада...». Пост. Апост. III.7.4: «Такая вдовица, подвизавшись в стяжании денег, вместо Бога служит мамоне (λατρεύει τῷ μαμωνᾷ), рабствует корысти (δουλεύει τῷ κέρδει), но быть благоугодною Богу и послушною служениям (ταῖς λατρείαις) Его не может».

Термины δουλεύω, σύνδουλος

Следует отметить сильное сокращение в использовании глагола δουλεύω по сравнению с Писаниями Апостольских мужей, где он активно употреблялся для обозначения служения в общем смысле. В Постановлениях Апостольских он остается либо в прямом значении, как в Пост. Апост. III.19.1, VI.29.1, IV.5.2, либо в контекстах и

цитатах из Ветхого (Пост. Апост. III.19.5, II.22.17) и Нового (Пост. Апост. III.19.4, VII.29.1) Заветов.

Усмотреть общее значение можно лишь в немногочисленных местах. Пост. Апост. III.19.4: «И вот, должно и вам служить братьям, как подражатели Христа (δουλεύειν τοῖς ἀδελφοῖς ὡς Χριστοῦ μιμητάς)». Пост. Апост. V.10: «Убеждаем же вас, братия и сослужители (σύνδουλοι), бегать пустословия, сквернословия». Сюда примыкает и употребление в словосочетании «рабствовать корысти» (δουλεύει τῷ κέρδει) в уже цитировавшемся выше Пост. Апост. III.7.4.

Термины ὑπῆρέτης, ὑπηρετέω, ἐξυπηρετέω

1. Служителями (ὑπῆρέτης) называется церковная должность, стоящая ниже диаконской. Имеются в виду некие помощники-служители при храме. Пост. Апост. III.11: «Не позволяем крестить и прочим клирикам, как-то: чтецам, или певцам, или привратникам, или служителям (ὑπῆρέταις)... Не позволяем ...пресвитерам рукополагать ...служителей (ὑπῆρέτας)». Пост. Апост. VIII.10.9: «О всем во Христе диаконстве и служении помолимся (διακονίας καὶ ὑπηρεσίας)». Пост. Апост. VI.17.2: «Повелеваем также, чтобы однобрачные были и служители (ὑπῆρέτας), и певцы, и чтецы».

2. Значительно чаще этими терминами обозначается служение диаконов, когда они предстают как помощники епископов, либо служение диаконисс и иподиаконов в качестве помощников диаконов или пресвитеров. Пост. Апост. VIII.28.4–8: «Диаконисса не благословляет и ничего не совершает из того, что делают пресвитеры или диаконы. Она стережет двери и служит (ἐξυπηρετεῖται) пресвитерам при крещении женщин для благоприличия... Но иподиакону не позволительно отлучать ни чтеца, ни певца, ни диакониссу, ни клирика, ни мирянина, ибо они суть служители диаконов (ὑπῆρέται γάρ ἐστὶν διακόνων)». Пост. Апост. VIII.30: «...Начатки принадлежат священникам и служащим им диаконам (ἐξυπηρετουμένων διακόνων)». Пост. Апост. II.28.6: «...Что желают дать, то пусть предлагают через служителей (τῶν ὑπηρετῶν), т.е. диаконов (διὰ τῶν διακόνων)». Стоит отметить, что аналогичное словоупотребление присутствует и в писаниях Апостольских мужей. Например, Игнат. Филад. XI: «Что касается до Филона, диакона из Киликии, мужа засвидетельствованного, который и теперь служит (ὑπηρετεῖ) мне

(ὑπηρετεῖ) мне ради Бога вместе с Реем Агафоподом»; а также Игнат. Тралл. II: «...Они (диаконы – Ю.К.) не служители (διάκονοι) яств и питий, но слуги (ὑπηρεταί) Церкви Божией».

3. Через глаголы ὑπηρετέω, ἐξυπηρετέω обозначается и просто диаконское служение: Пост. Апост. III.19: «И диаконы да будут во всем беспорочны, как епископы, но только деятельнейшими, соответственны сонму Церкви, чтобы могли служить немощным (ἵνα καὶ τοῖς ἀδυνατοῖς ὑπηρετεῖσθαι), как делали непостыдные... А служить нуждающимся (ὑπηρετεῖσθαι τοῖς δεομένοις) да не стыдятся они... Итак, служите с любовью (ἐξυπηρετεῖτε οὖν ἀγαπητικῶς), не ропща и не производя несогласий, ибо не для человека делаете это, но для Бога, и на служение (τῆς διακονίας) получите от Него в день посещения вашего награду».

4. Единственный раз причастием от глагола ὑπηρετέω выражается совершение Евхаристии: «После же молитвы одни из диаконов пусть занимаются приношением Евхаристическим, служа телу Господню (ὑπηρετοῦμενοι τῷ τοῦ κυρίου σώματι) со страхом» (Пост. Апост. II.57.15).

5. Дважды глаголом ὑπηρετέω обозначается служение Христа: «Свят же и едиnorodный Сын Твой, Господь наш и Бог, Иисус Христос, Иже во всех послужив Тебе (εἰς πάντα ὑπηρετησάμενός σοι), Богу и Отцу Своему...» (Пост. Апост. VIII.12.28); «Его-то мы и проповедуем вам и благовествуем, – Бога Слово, служащего Богу и Отцу Своему в творении всего (ὑπηρετοῦμενον τῷ πατρὶ εἰς τὴν τῶν ὄλων δημιουργίαν)» (Пост. Апост. V.20.13).

Термин θρησκεία

В Постановлениях Апостольских существительное θρησκεία употребляется для обозначения как христианской, так и нехристианской религии.

1. Обозначение нехристианской религии: «А о слугах скажем мы более, кроме того, что раб должен оказывать благорасположение господину со страхом Божиим, хотя бы он был нечестивый или злой, но отнюдь не согласие в служении (κατὰ τὴν θρησκείαν)» (Пост. Апост. IV.12.1)⁸. Пост Апост. VI.10.1: «А целью у всех их (лжеапостолов – Ю.К.) было равно одно и тоже безбожие – хулить Бога

⁸ Ср.: 1 Птр. 2:18; Еф. 6:5.

Вседержителя, утверждая, что ...должно наслаждаться одним удовольствием и уклоняться во всякое служение (θηρησκείαν) без разбору». Пост. Апост. VIII.46.5: «Моисей, служитель Божий, ...когда постановлял божественное законоположение, то разграничил, что должно быть совершаемо первосвященником, что священниками, что левитами, каждому назначив собственную и приличную его служению службу (τῇ λειτουργίᾳ θηρησκείαν)».

2. В отношении христианской религии. Пост. Апост. VI.23.5: «Он ...повелел избирать в священство наилучших из всякого народа и рассматривать не пороки на теле, но служение (веру) и жизнь (θηρησκείαν καὶ βίους)».

3. Единственный раз словом θηρησκεία обозначается христианское культовое служение: «Но научившись последованию дел от Господа, мы назначили епископам свойственное священству, а диаконам – свойственное служению при тех и других (πρὸς ἀμφότερους διακονίας), чтобы относящееся к богоугождению (τῆς θηρησκείας) совершалось чисто» (Пост. Апост. VIII.46.10).

Термины θεραπεύω, θεραπείων

Надо отметить, что словоупотребление θεραπεύω, θεραπέων присутствует еще в Септуагинте, правда часто и глагол θεραπεύω, и существительное θεραπέων используются в прямом светском значении «заботиться, служить царю или какому-либо человеку»⁹. Встречается также и употребление глагола θεραπεύω в сакральном значении. Иуд. 11:17: «Ибо раба твоя благочестива и день и ночь служит (θεραπεύει) Богу Небесному». Прем. 18:21: «...Он противостоял гневу и положил конец бедствию, показав тем, что он слуга (θεράπων) Твой». Сир. 35:16: «Служащий Богу будет принят с благоволением и молитва его дойдет до облаков». В Иер. 25:6 тот же глагол используется в значении «служить иным богам».

В культовом значении причастие от глагола θεραπεύω применяется в Тов. 1:7: «Десятину всех произведений давал сынам Левитским, служащим в Иерусалиме», а также в Езд. I. 1:4.

Присутствует значение «служить Премудрости» в Прем. 10:9: «Премудрость же спасла от бед служащих (θεραπεύοντας) ей».

⁹ См., например, Исх. 33:11, где оно применяется к Иисусу Навину, а также Есф. 1:1; Иуд. 2:2, 10:20, 23.

Начиная с Нового Завета существительное $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ применимо к великим ветхозаветным праведникам, главным образом к Моисею. Евр. 3:5: «И Моисей верен во всем доме Его как служитель ($\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu$), для засвидетельствования того, что надлежало воздвигать». Аналогичное словоупотребление зафиксировано также в Писаниях Апостольских мужей, в частности, в Послании Варнавы и Первом Послании Климента Римского: «Моисей принял его (завет – Ю.К.), как служитель (*famulus*, $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu$), а нам Сам Господь дал право быть народом наследия, и пострадал за нас» (Варн. XIV); «блаженный Моисей, вверенный служитель ($\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu$) во всем доме Божиим» (Клим. Рим. Кор. I. XVIII).

В Постановлениях Апостольских наиболее частым употреблением слова $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ является обозначение ветхозаветных праведников, служителей Божиих: Моисея, Иова, Аарона и др. Например, в Пост. Апост. VIII.5.4: «...Иже Авраама и прочия патриархи с верными Твоими служителями ($\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\nu\sigma\iota\nu$) Моисеем и Аароном и Елеазаром и Финеесом явивый». Пост Апост. VIII.12.25: «...Явив раба Твоего ($\theta\epsilon\rho\alpha\tau\acute{\omega}\nu\tau\alpha$) Моисея»; VIII.12.23: «...Иже многострадальна служителя Твоего ($\theta\epsilon\rho\alpha\tau\acute{\omega}\nu\tau\alpha\ \sigma\omega\upsilon$) Иова победителя началозлобивого змия показавый». Похоже, что в целом это слово и в дальнейшем будет традиционным обозначением ветхозаветных праведников в христианской литературе. Так у Евсевия Памфила тем же термином опять обозначаются Моисей и Аарон (I.2.4 (25), I.4. 13 (69), IX.4 23 (7), IX.9.8 (45)).

Единственный раз в Постановлениях Апостольских этим словом обозначаются служители нечестивых культов (II.28.8): «Если даже служители бесов ($\tau\acute{\omega}\nu\ \delta\alpha\iota\mu\acute{\omega}\nu\omega\nu\ \theta\epsilon\rho\alpha\tau\epsilon\upsilon\tau\acute{\alpha}\iota$) в скверных, гнусных и нечистых мерзостях своих доселе подражают священному».

Кроме того, в Пост Апост. III.19.1 глагол $\theta\epsilon\rho\alpha\tau\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ применяется в адрес диакониссы, которая должна «стараться пещись о женщинах» ($\tau\acute{\alpha}\varsigma\ \gamma\upsilon\nu\alpha\iota\kappa\alpha\varsigma\ \sigma\pi\omicron\upsilon\delta\acute{\alpha}\zeta\omicron\upsilon\sigma\tau\alpha\ \theta\epsilon\rho\alpha\tau\epsilon\acute{\upsilon}\epsilon\iota\nu$). Здесь, конечно, это слово используется в прямом значении «заботиться», но применяется к обязанностям диаконисс.

* * *

Из вышесказанного мы можем сделать следующие выводы: по мере развития христианской традиции слова, обозначающие «служение» в общем значении, используются все реже и реже. Освободившуюся семантическую нишу глагола $\delta\iota\alpha\kappa\omicron\nu\acute{\epsilon}\omega$ в текстах II в. мог бы занять глагол $\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, но, по крайней мере в Постановлениях

Апостольских, использование как этого, так и других глаголов в общем значении единично.

Ко времени окончательного формирования Постановлений слова *διακοίᾱ*, *διάκονος*, *διακονέω* прочно занимают позицию технических терминов и применяются для обозначения иерархической должности диакона и диаконского служения. С точки зрения источниковедения анализ прочего словоупотребления терминологии *διακοίᾱ*, *διάκονος*, *διακονέω* в Постановлениях Апостольских может способствовать не только подтверждению факта сложносоставности этого текста, но и позволит вычленил хотя бы некоторые фрагменты, восходящие к конкретным текстам Нового Завета и другим памятникам ранней христианской литературы. На основании текста Постановлений Апостольских видно, что с развитием христианского культа все более прочные позиции приобретает терминология *λειτουργία*, *λειτουργεῖν* и, реже, *λατρεύω*, *λατρεία* как обозначение установившегося христианского культового Богослужения и служения епископов.

В качестве общего замечания можно отметить, что со временем, уже к III в., употребление лексики «служения» в христианской литературе сокращается: все более употребительными для обозначения принадлежности христианской религии становятся слова: *πίστις* (вера), *πιστεύω* (верить), *προσκύνησις* (поклонение), *προσκυνέω* (поклоняться), *ὁμολογία* (исповедание), *ὁμολογέω* (исповедовать), *θρησκεία* (религия), *θρησκεύω* (служить, быть религиозным, соблюдать религиозные обряды) и др.

МИХАЙЛОВА (СМИРНОВА) Т.А. (МОСКВА)

АНТИЧНЫЕ АЛЛЮЗИИ И ПРОБЛЕМА ИНТЕРТЕКСТА

Темой данной статьи является один весьма своеобразный пример рецепции античности в культуре XX века. Начиная разговор о рецепции, мы вступаем на путь очень непростой. В каждой области она может существовать по-своему, и, значит, рецепция в литературе действует совсем на других принципах, чем, например, в архитектуре или музыке. Однако нечто общее все же есть. Понятие «рецепция» в некоторой степени можно отнести к той области терминов, которые рассматриваются в контексте теории *интертекста*. Сюда также относятся такие категории, как цитата, заимствование, реминисценция, аллюзия, пародия и др. Каждая из них имеет свое определение и сферу применения, наиболее же общим является понятие «интертекст».

Термин этот, появившийся в конце 60-х гг., был изобретен французской исследовательницей Юлией Кристевой¹ и позднее развит другим французским ученым Роланом Бартом². За последние сорок лет на эту тему было написано множество трудов, где были сделаны попытки дать как можно более точное определение интертекста и проследить это явление на практике. Оставляя в стороне многие терминологические трудности и разногласия, мы имеем на данный момент два основных подхода к пониманию интертекста, причем довольно различных. Так, следуя концепции Р. Барта, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат»³. Такой подход, достаточно затемняющий ясность понятия и в каком-то смысле ставящий под вопрос даже его необходимость, постепенно уступил место другому пониманию. Французский литературовед Жерар Женетт, давший иное определение интертекста, описал его как «отношение соприсутствия меж-

---

¹ См., например: *Kristeva J. Semeiotikē. Recherches pour une sémanalyse.* P., 1969.

² См., например, в его статьях в сборнике: *Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика.* М., 1989.

³ *Барт Р. Указ. соч. С. 418.*

ду двумя или несколькими текстами, то есть <...> реальное присутствие одного текста в другом»⁴.

В контексте данного небольшого исследования мы не будем вдаваться в теоретические рассуждения об интертексте глубоко и остановим свой выбор на втором определении, которое к тому же является сейчас более популярным. Для того, чтобы применить теорию интертекста к нашему случаю, необходимо хотя бы еще немного привлечь теорию текста в целом. В настоящее время существует множество определений этого понятия. В любом случае, можно констатировать, что в эпоху постмодернизма термин «текст» вышел далеко за пределы литературы и языкознания: стало возможным говорить о тексте кинематографа, тексте архитектуры и т.п. Как писал Д.С. Лихачев, «важно, однако, следующее: он [текст] результат сознательного к нему отношения»⁵. Таким образом, понимая термин «текст» в широком смысле и предпочитая учитывать критерий его сознательности, мы в результате получаем возможность применить понятие «интертекст» к случаю, о котором пойдет речь.

В культуре XX в. мы знаем немало примеров «использования» античности⁶. Так в архитектуре до настоящего времени с некоторыми видоизменениями используется система ордеров, разработанная еще в древности. Более конкретным примером может стать достаточно известный случай использования античной скульптуры в советском искусстве: а именно, заимствование скульптором В.И. Мухиной при создании памятника «Рабочий и колхозница»⁷ античной скульптурной группы «Тираноубийцы» («Гармодий и Аристоклит»), созданной около 477 г. до н.э. Критием и Несиотом. В мемуарах Эйгеля, секретаря главного архитектора павильона Иофана, сохранились прямые свидетельства о данном заимствовании. Приводится дословно диалог с архитектором, где тот на пря-

⁴ Genette G. Palimpsestes. P., 1982. P. 7.

⁵ Лихачев Д.С. Текстология. М., 2006. С. 14.

⁶ Речь идет не о копировании античных образцов, иллюстрациях к античным сюжетам, непосредственных экранизациях и т.п. В данном случае предметом исследования является косвенное, «вторичное» использование образов, моделей, сюжетов; обыгрывание их, цитирование, переосмысление, то есть все то, что как раз и относится к сфере интертекста.

⁷ Скульптура была создана в 1937 г. для оформления советского павильона на Всемирной выставке искусств и техники в Париже.

мую сообщает об идее использовать древнюю скульптуру, а также объясняет свой выбор идеологическим сходством⁸.

Много таких примеров и в литературе. Античные реминисценции, аллюзии, цитации, включаясь в современное произведение, будучи опознанными, обогащают его, придают дополнительный смысл, объясняют что-то. Так, например, использование древнегреческого имени «Аластор» для одного из персонажей детского романа о Гарри Поттере Дж. Роулинг играет не столь значительную, но, тем не менее, конкретную роль. В греческом языке слово ἀλάστωρ означает «мститель, каратель за преступление», а в мифологии это имя принадлежит демону, мучающему, в частности, Клитемнестру (*Aesch. Ag. 1501*)⁹, горящую жаждой мести. Появление данного имени в романе с самого начала задает тему долгожданного мщения, что может подсказать читателю дальнейшие события. Деталь «играет» только в случае узнавания, хотя произведение вполне сохраняет свою целостность и без нее.

В качестве другого примера античной референции, теперь уже в литературе, можно привести один эпизод из романа В. Набокова «Защита Лужина». Главный герой шахматист Лужин собирается уехать с курорта, где у него начинается роман с молодой женщиной. По дороге с ним происходит необычный случай: «...Он вдруг заметил, что мелкими шажками следует за ним белокурый мальчик, с пустой бутылкой из-под пива в руке. <...> Лужин остановился. Мальчик остановился тоже. Лужин двинулся, мальчик тоже двинулся. Тогда он рассердился и, обернувшись, погрозил тростью. <...> Мальчик прыгнул на месте и отбежал. Лужин <...> продолжал свой путь. Внезапно камушек, очень ловко пущенный, попал ему в левую лопатку. Он ахнул и обернулся. Никого. <...> «Я его убью», – громко сказал он <...> и пошел быстрее, стараясь вилять, как это делают люди, боящиеся выстрела в спину...»¹⁰.

После этого, отменив свое решение уехать, Лужин возвращается в гостиницу и немедленно делает девушке предложение. Этот странный эпизод становится значительно более понятным, если «прочитать» его как конкретное воплощение мифологического сю-

⁸ См., например: *Костина О.В.* Скульптура и время. М. 1987. С. 53.

⁹ ὁ παλαιὸς δριμύς ἀλάστωρ – «древний злобный мститель».

¹⁰ Цит. по изд.: *Набоков В.В.* Защита Лужина: романы, рассказы. Москва; Харьков, 1999. С. 71.

жета об Амуре. Формально все необходимые элементы его образа сохранены, хотя и в несколько измененном виде. Белокурый мальчик, странным образом исчезающий в конце, вызывает у героя внезапную любовь и решимость, попав ему в сердце стрелой. Оказавшись в бытовой обстановке, образ меняется, хотя и остается узнаваемым. В сердце попадают не спереди, а сзади, «в левую лопатку», стрела заменена камешком, а колчан – пустой бутылкой. Такое прочтение делает понятным внезапное решение героя. В этом и есть смысл аллюзии.

«Суть аллюзии в том, чтобы дать возможность уловить наличие связи между вещью, о которой говорят, с другой вещью, о которой не говорят ничего, но представление о которой возникает благодаря этой связи»¹¹. В процитированной сцене романа В. Набокова исходной точкой является не литературное произведение, а миф, но «подобно тому как цитироваться могут не одни только литературные сочинения, так и с помощью аллюзии можно отсылать читателя к истории, мифологии, общественному мнению или к общепринятым обычаям»¹². Перед нами очередной случай того, как прочтение одного текста через другой «текст» делает первый понятнее и глубже. Однако точный смысл аллюзии, реминисценции или, например, стилизации далеко не всегда остается ясен. В каждом отдельном случае читатель должен самостоятельно принять решение относительно цели такого употребления.

Сравнение, о котором пойдет речь, может показаться комичным, но, тем не менее, является, как кажется, довольно любопытным образцом заимствования античных элементов современной культурой. Исходный образ, перевоплотившийся затем столь необычно, – это знаменитая фреска из Помпей, предположительно изображающая Сапфо, поэтессу VII до н.э. Этот достаточно небольшой портрет – всего 29 см в диаметре – датируется 50-ми годами I в. н.э. В настоящее время он хранится в Национальном археологическом музее Неаполя и является одним из самых знаменитых портретных изображений античности, многократно повторяемым в оформлении учебников и книг. Если использование портрета в таком контексте достаточно традиционно и часто вполне объяснимо,

¹¹ *Fontanier P. Les Figures du discours. P., 1977. Цит. по: Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008. С. 91.*

¹² Там же.

то появление его, хотя и неизбежно измененного, в оформлении упаковки «Хрустящего картофеля» гораздо менее «естественно» и понятно. Изображение, известное в рекламных описаниях как «Девочка», было создано еще в 60-е гг. и используется до сих пор. Сходство, которое из-за разницы контекстов остается незамеченным, при непосредственном сопоставлении не может не стать очевидным.

Перечислим, тем не менее, основные черты.

1. Самое общее сходство относится к форме картин. В обоих случаях они выполнены в форме круга.

2. Предмет изображения – молодая женщина или девушка. Это единственный персонаж, которого мы видим.

3. Лаконичность портрета подчеркнута однотонным фоном без лишних деталей.

4. Изображение героини дано не полностью. Перед нами только ее голова, расположенная анфас, а также плечи и руки.

5. Руки видны не полностью: изображены только кисти. Правая видна больше, чем левая, от которой показаны только пальцы.

6. В правой руке героиня держит некий предмет, который подносит ко рту. На фреске это палочка для письма, на упаковке – еда.

7. В левой руке, опущенной ниже, находится некий прямоугольный предмет: таблички для письма или пакет.

8. У обеих героинь короткая стрижка. Волосы только закрывают уши, но не более.

9. Волосы не убраны в прическу, но закреплены неким украшением. На фреске – это «сеточка», основу которой составляет обрuch или лента яркого цвета. На современной девушке – это ободок, тоже светлый.

10. Нечто общее наблюдается и в одежде. Она темного цвета и «двусоставна». На поэтессе мы видим внутреннюю одежду и накинутый сверху плащ. На девочке также темная полосатая одежда, которая видна в центре, плечи же затемнены как бы другим элементом.

11. К сходствам можно также отнести и расположение потенциального источника света. На лице обеих героинь линия правой брови неразрывно переходит в тень вдоль линии носа, что предполагает положение источника света с левой стороны.

12. И, наконец, можно выделить еще одно своеобразное сходство, вернее, параллель. Фреска с поэтессой – произведение заведомо очень древнее. «Старина» же современной картинки достигается ее монохромным решением, стилизацией под старость, причем здесь интересно отметить, что фреска напротив является очень яркой.

Итак, перечисление сходств, как кажется, убеждает, и теперь мы вправе задаться вопросом о цели этой *игры*. Как обогащает нас двойное прочтение? К какой категории интертекста можно его отнести? Вопрос об определении некоего глубинного смысла такого наложения, пожалуй, не имеет однозначного ответа. Если интертекст предполагает влияние одного *текста* на другой, то в данном случае античная фреска интерпретации современного рисунка не слишком *помогает*. По-видимому, вектор здесь направлен в другую сторону. Вероятнее всего, мы имеем тут дело с пародией или, точнее, с бурлескной травестией, с той разницей, что в первом случае снижается содержание (сюжет), но остается нетронутым форма (стиль), а во втором случае снижен стиль при сохраненном содержании¹³. Разумеется, по-настоящему говорить о снижении здесь не приходится. Да и насколько тут вообще возможно «снижение»? В какой-то степени можно согласиться с Н.А. Фатеевой, еще одной исследовательницей интертекста, которая отмечает, что «на современном этапе, в эпоху постмодернизма, когда доминирует принцип “нонселекции” и “отсутствия иерархии”, даже трудно говорить о “низведении”, релевантном для эпохи модернизма и исторического авангарда»¹⁴. Античный портрет, конечно, не низводится до комизма. Ирония – только часть пародийного (или травестийного) приема. Создание сатиры, в каком-то смысле, указывает на уважение к классическому образцу, во всяком случае, на признание его авторитета. Иначе не было бы и смысла пародировать. Как пишет французская исследовательница Н. Пьеге-Гро, «когда же ощущение этого величия притупляется, бурлескная травестия становится малоинтересной, и читатель перестает воспринимать ее комизм, бес-

---

¹³ Применительно к античности примером пародии может стать «Война мышей и лягушек», а травести – переложения «Энеиды» Поля Скаррона или И.П. Котляревского.

¹⁴ *Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007. С. 7.

церемонность, сатирическую направленность»¹⁵. Сейчас опознать оригинал могут очень немногие. Без узнавания оригинала пародия не имеет смысла, хотя в данном случае мы можем предположить, что художник 60-х гг. и не рассчитывал на массовое «опознание».

Остается и еще один вариант, менее предпочтительный. Одним из видов интертекста является и плагиат, проще всего определяемый в применении к тексту в исконном смысле слова как «незаквыченная цитата». Исключив версию о дополнительных смыслах, коннотациях и расширении зрительского восприятия, мы можем предположить и простое использование образованным художником классического образца, «проверенного временем». Заимствование работы античного мастера, нашедшего столь удачное сочетание содержания, формы, ракурса и деталей, оказалось оправданным и, возможно, продлило и продлевает жизнь рисунку, сделанному уже в XX в.

---

¹⁵ Пьеге-Гро Н. Указ. соч. С. 103.

АЛИПОВ П.А. (МОСКВА)

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ М. ВЕСОМ
ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М.И. РОСТОВЦЕВА:
ОПЫТ НАПИСАНИЯ «ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»**

Конец 80-х и начало 90-х гг. XX в. ознаменовались настоящим взрывом интереса к личности и творчеству выдающегося русского антиковеда М.И. Ростовцева в зарубежной историографии. Этот интерес оказался в прямом смысле слова спровоцирован серией публикаций голландского историка науки Маринуса Веса. Его работы и сразу появившиеся на них отзывы¹, составили отдельный пласт в изучении творческого наследия одного из крупнейших отечественных историков античности. Однако до сих пор ни критики высказанной им точки зрения, ни ее сторонники не обращали должного внимания на систему теоретико-методологических воззрений, лежащих в фундаменте его исследований и служащих основанием для тех широких выводов касательно творческого наследия М.И. Ростовцева, которые стали неотъемлемой частью историографических дискуссий, посвященных вкладу последнего в мировое антиковедение.

Пожалуй, единственным, кто некоторым образом коснулся указанного аспекта исследований голландского ученого, оказался Б.Д. Шоу, который высказал в статье, представляющей собой развернутый ответ на монографию М. Веса, определенный скептицизм в отношении употребленного тем просопографического метода (в данном контексте синонимичного сетевому анализу). По его мнению, попытка М. Веса выстроить все личные связи русского антиковеда одна за другой не привела к положительному результату, так как за частностями было потеряно целое – принадлежность М.И. Ростовцева к правому крылу кадетской партии². Именно сис-

---

¹ Например: *Shaw B.D. Under Russian eyes (Marinus A. Wes. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context; Michel I. Rostovtzeff. Histoire Économique et Social de l'Empire Romain) // JRS. 1992. Vol. 82. P. 216–228; Аветисян К. А., Бутюков К.О. Рец.: А. Marinus Wes. Michael Rostovtzeff. Historian in Exile: Russian Roots in an American Context (Historia Einzelschriften LXV). Stuttgart: Steiner, 1990 // ВДИ. 1994. № 3. С. 246–249.* Необходимо также отметить, что в дальнейшем практически ни одна историографическая работа, посвященная М.И. Ростовцеву, не обходилась без ссылки на труды М. Веса.

² *Shaw B. D. Op. cit. P. 223–224.*

тема взглядов, взращенная в ее недрах, согласно Б.Д. Шоу, в последующем творчестве Михаила Ивановича оказалась гораздо более значимой, чем любой американский контекст³. В отечественной научной литературе в адрес М. Веса также был высказан ряд замечаний, однако, как было отмечено выше, они не касались методологической стороны его работ. Так, в рецензии К.А. Аветисяна и К.О. Битюкова в качестве критических замечаний можно обнаружить лишь указания на «мозаичность» труда голландского исследователя, не позволяющую ему создать цельный образ М.И. Ростовцева⁴. Концептуальная же часть монографии М. Веса ими приемлется без каких-либо существенных возражений⁵. Авторы грандиозного коллективного труда под названием «Скифский роман», удостоенного в свое время Государственной премии Российской Федерации, отдав должное вкладу работ голландского исследователя в процесс изучения творческого наследия М.И. Ростовцева, вынуждены были все же констатировать излишнюю спорадичность использования им имеющихся на сегодняшний день архивных документов⁶, а также наличие отдельных искажений смысла текстов личного происхождения, принадлежащих перу русского антиковеда, вызванных недостаточным знанием М. Весом русского языка и возможными трудностями прочтения почерка М.И. Ростовцева⁷. К тому же ими были выявлены и фактические недочеты, имеющие место в исследованиях голландского историка, о которых мы упомянем ниже. И, тем не менее, несмотря на столь скрупулезный анализ этих работ, авторы «Скифского романа» также оставили за скобками разбор их теоретико-методологической составляющей.

Между тем нельзя не признать тот очевидный факт, что своеобразный прорыв, осуществленный М. Весом и привлекавший столь пристальное внимание со стороны научного сообщества историков-антиковедов, оказался возможным, исключительно благодаря но-

³ *Shaw B. D. Op. cit. P. 225.*

⁴ *Аветисян К.А., Битюков К.О. Указ. соч. С. 248–249.*

⁵ Там же. С. 247.

⁶ См., напр.: *Бонгард-Левин Г.М. Архивы США и Европы // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 39; Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу // Там же. С. 461.*

⁷ *Бауэрсок Г., Бонгард-Левин Г.М. М.И. Ростовцев и Гарвард // Там же. С. 192, 199; Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. Письма М.И. Ростовцева Г.В. Вернадскому // Там же. С. 517.*

вым методологическим изысканиям, которые были введены автором в свои исследования. Его работы написаны в русле молодого направления в исторической науке – так называемой «персональной истории», для которой характерен ряд новых методов: сетевой анализ (то есть анализ межличностных отношений), «психологический микроскоп», интеллектуальное конструирование, замещение биографии индивида биографией первичной группы⁸. Данный подход определил как достоинства, так и недостатки сочинений М. Веса, мимо которых мы не имеем права пройти.

Сначала в одном из немецких изданий появилась обстоятельная статья голландского автора⁹, в которой была предпринята попытка выявить социальные корни М.И. Ростовцева. Автор прослеживает происхождение всех членов его семьи, начиная с деда, что, по мнению М. Веса, должно пролить свет на то, как и в каких условиях формировалось мировоззрение крупнейшего русского историка-антиковеда, впоследствии преломившееся в форме тех или иных идей уже в сугубо научных его трудах. А поскольку данных подобного рода зачастую недостаточно и психологические портреты родственников М.И. Ростовцева на их основе создать оказывается весьма проблематично, М. Вес использовал свой излюбленный метод, а именно замещение биографии индивида биографией первичной группы. Так, в частности, пытаясь восстановить впечатления деда русского ученого, Якова Павловича, от обучения в Харьковском университете (основанном в 1804 г.), где тот якобы был студентом первого набора (хотя этот факт опроверг петербургский историк В.Ю. Зуев, доказав, что Я.П. Ростовцев учился там пятью годами позднее¹⁰), он признается, что личных воспоминаний Яков Павлович не оставил. Но это несколько не смущает М. Веса, ведь есть воспоминания Сергея Аксакова (отца братьев-славянофилов), который учился в Казанском университете, также основанном в 1804 г. Впечатления от учебы С. Аксакова и приводятся в статье. По мнению исследователя, они почему-то должны обязательным

⁸ Подробнее об этом направлении в исторической науке и о его методах см.: *Ретина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // *История через личность: Историческая биография сегодня.* М., 2005. С. 55–74.

⁹ *Wes M.A.* The Russian Background of the Young Michael Rostovtzeff // *Historia.* 1988. Bd. 37. Hft. 2. P. 207–221.

¹⁰ *Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // *Скифский роман.* С. 77.

образом отражать настроения тогдашней молодежи, поступавшей в университеты¹¹. Однако, как видится нам, это нельзя признать безусловной истиной, поскольку степень мотивированности на учебу у молодых людей в любом случае разнится. Соответственно, и настроения у них будут разные.

Точно так же М. Вес в статье пытается изобразить впечатления самого М.И. Ростовцева от обучения в гимназии, мир которой в интерпретации голландского исследователя – это холодный мир взаимной ненависти и презрения. В подтверждение своего мнения он приводит пространную цитату из «Окаянных дней» И.А. Бунина, где тот в мрачных тонах описывает обучение в гимназии главного героя романа, Арсеньева. Опять-таки все это должно каким-то мистическим образом быть перенесено на М.И. Ростовцева. Мотивация следующая: И.А. Бунин родился тоже в 1870 г., издал свой роман в 1930 г. и вообще был близок к М.И. Ростовцеву¹². Как нам кажется, подобные доводы нельзя считать удовлетворительными. Приведенные у этих двух людей сведения никак не могут сами по себе свидетельствовать о том, что ощущения от обучения в гимназии должны обязательно совпадать. К тому же надо учитывать и то обстоятельство, что «Окаянные дни» – это все-таки не автобиография И.А. Бунина, а художественное произведение, где краски могут быть намеренно сгущены. Надо понимать, что не все подростки мотивированы в равной степени: то же со всей уверенностью можно сказать и об И.А. Бунине и М.И. Ростовцеве. Следовательно, сам метод, используемый М. Весом так широко, вызывает ряд вопросов в правомерности его использования, а выводы, полученные благодаря ему, необходимо поставить под сомнение.

В этом смысле гораздо более правдоподобны попытки М. Веса расположить семью М.И. Ростовцева на социальной шкале российского общества XIX в. На протяжении всей работы исследователь обращает особое внимание на то, что эти люди, будучи выходцами из купечества и, благодаря своему образованию, примкнувшие к сословию интеллигенции, добились высокого положения исключительно своими собственными талантами (все посты, занимавшиеся когда-либо дедом и отцом М.И. Ростовцева, перечисляются здесь с

---

¹¹Wes M.A. The Russian Background... P. 208.

¹² Ibid. P. 215–217.

предельной скрупулезностью), то есть, по сути, явились своего рода российскими «*selfmademan*’ами».

Совершенно очевидно, что данные сведения для российского читателя большой сенсации в себе не несут. Однако важно понимать, что западные ученые с этой информацией были незнакомы. Для них вообще само понятие «интеллигенция» представляет собой загадку, поскольку оно отражает сугубо российские реалии. Достаточно вспомнить хотя бы то, что злейший критик М.И. Ростовцева Хью Ласт начинал посвященный ему некролог¹³ с событий, произошедших уже после эмиграции ученого из России. Для большинства зарубежных историков, занимающихся изучением творчества Михаила Ивановича, рассуждения М. Веса оказываются чрезвычайно ценны, поскольку проливают свет на тот период жизни русского антиковеда, который до сих пор был им попросту недоступен вследствие языкового барьера, в принципе отделяющего их от адекватного понимания российской действительности на разных этапах истории нашего государства. Безусловно, после работ М. Веса (не только этой, но и последующей, о которой речь впереди) личность М.И. Ростовцева предстала для западных специалистов в совершенно ином свете: он перестал быть для них человеком без прошлого, каковым являлся до сих пор. Именно в этом нам видится одна из главнейших заслуг голландского исследователя.

Однако было бы несправедливо думать, что М. Веса интересует прошлое М.И. Ростовцева само по себе. Его работы не имеют цели проследить перипетии жизненного пути крупного русского ученого. Скорее, наоборот, в отдельных эпизодах его биографии он пытается найти ключ к пониманию концептуальной части его творчества: М. Вес уверен в том, что влияние внешних факторов на интеллектуальную деятельность человека является определяющим. В рассматриваемой нами статье он пока лишь отрывочно увязывает социальный контекст эпохи, в которой творил М.И. Ростовцев, с картиной жизни Рима имперского периода. Указанная тенденция проявится в полной мере через несколько лет в его монографии. Но уже здесь он утверждает следующее. В «Социально-экономической истории Римской империи»¹⁴ (далее – SEHRE), одном из

¹³ *Last H.M. Obituary. Professor M.I. Rostovtzeff // JRS. 1953. Vol. 43. P. 133–134.*

¹⁴ *Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926.*

главных трудов М.И. Ростовцева, эпоха Флавиев и Антонинов описана как «просвещенная монархия», где императора поддерживала капиталистическая, урбанизированная буржуазия провинций - лидирующий в то время во всех отношениях класс. Это эпоха триумфа образованных сил общества, живших понятиями «дисциплины, долга, служения государству», имевшими для М.И. Ростовцева однозначно позитивную коннотацию. Однако, по мнению М. Веса, все это больше говорит о самом ученом, его семье и русской «буржуазии» XIX в. в целом, чем о городской элите Римской империи. Для первых личные качества всегда были важнее рождения и достатка при назначении на административные посты, и эти взгляды М.И. Ростовцев транслировал на II в.¹⁵ Негативным сторонам древнеримской жизни русский ученый опять-таки находил параллели в современности: в частности, согласно трактовке М. Веса, он полагал, что там, так же как и в России при «старом режиме», привилегированные классы хорошо знали, как избежать налогового гнета и переложить его на плечи крестьян¹⁶. Указанные примеры являются основой статьи, хотя им уделено не так много места на бумаге: еще раз подчеркнем, что попытки М. Веса очертить социальную структуру российского общества второй половины XIX в. направлены именно на то, чтобы показать ее сходство с тем, с чем неискушенный в его глазах читатель сталкивается в работах М.И. Ростовцева и, прежде всего, в SEHRE.

Спустя всего два года в печати появилась целая монография М. Веса¹⁷, в которой идеи, высказанные в статье 1988 г., получают свое дальнейшее развитие. Здесь принцип «вся история есть история современности» (*all history is contemporary history*) возводится в ранг основного теоретического постулата исследования и проводится М. Весом с особой настойчивостью через всю книгу, повторяясь рефреном несколько раз¹⁸. Уже на первых страницах монографии, в специальной нулевой главе, он утверждает, что каждый историк является заложником своего времени и М.И. Ростовцев в данном отношении исключения не составляет. Как отмечает

¹⁵ См.: Wes M.A. The Russian Background... P. 212.

¹⁶ Ibid. P. 212–213.

¹⁷ Wes M.A. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990.

¹⁸ Ibid. P. XXII, 61.

М. Вес, русский ученый не оставил после себя автобиографии, вместо нее он написал «Социально-экономическую историю Римской империи», и нет такой книги, которая бы повлияла в XX в. на интерпретацию истории Римской империи больше, чем эта. Однако его древний Рим – это «проекция Российской империи, частично такой, какой ее воспринимал Ростовцев, частично же такой, какой она должна была быть и какой она могла быть, на его взгляд, – “просвещенной монархией”»¹⁹. Параллели, как кажется, настолько очевидны, что мы запросто можем прочесть «поздняя Российская империя» вместо «ранняя Римская империя» и «Советское государство» вместо «поздняя Римская империя», чтобы в итоге получить достаточно глубокий анализ русской революции²⁰.

Соответственно, исследование оказывается направленным на реконструкцию того самого мира (в прямом и переносном смысле), в котором жил М.И. Ростовцев до своей вынужденной эмиграции²¹. Соответственно, одной из главных задач работы М. Вес полагает таковую: определить влияние, которое оказали русская революция и последовавшая за ней гражданская война на взгляды М.И. Ростовцева как историка античного мира²². Чтобы ее решить, он пытается восстановить атмосферу, наполнявшую жизнь М.И. Ростовцева в тот период, уловить, что называется, «дух времени». Поэтому большую часть монографии составляют отдельные зарисовки быта интеллигенции той поры, рассказы о нашествивших событиях, имевших так или иначе отношение к персоне самого Михаила Ивановича, иногда кратко сообщается о крупных историко-философских работах начала XX в., вызвавших широкий общественный резонанс, и т.д. Таким образом, автор пытается выстроить перед европейским и американским читателем панораму российской действительности, в которой М.И. Ростовцев формировался как ученый и общественный деятель, описать ту среду, которая интеллектуально питала выдающегося русского антиковеда. При этом важным для него является, в первую очередь, психологическое состояние изучаемого персонажа в тот или иной момент жизни, его внутренняя, духовная реакция на происходящее вокруг. Отсюда возникает не-

¹⁹ *Wes M.A. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile... P. VIII.*

²⁰ *Ibid. P. 65.*

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid. P. 4.*

обходимость использования уже упоминавшегося ранее метода под условным названием «психологический микроскоп», когда «увеличительное стекло» исследователя настраивается таким образом, что он уже непосредственно обращается к мыслям и даже больше к чувствам героя. Однако трудность состоит в том, что источников, имеющих в распоряжении автора монографии не всегда достаточно, чтобы провести работу подобного рода. Тогда он одновременно подключает и другой, очень им любимый, и уже испытанный в упоминавшейся статье, метод – замену биографии индивида биографией первичной группы. В результате получается, не побоимся этого определения, «адская смесь».

В качестве наиболее яркого примера достаточно привести рассуждения М. Веса о периоде жизни М.И. Ростовцева с октября 1919 г. по март 1920 г. – чрезвычайно важный отрезок времени в плане выяснения того, как и под какими впечатлениями зарождалась у русского ученого концепция, изложенная в SEHRE. От самого Михаила Ивановича сведений об этом не сохранилось. М. Вес берет заголовки из лондонской газеты «*Times*» и цитаты из дневника коллеги русского ученого Юрия Готье и выстраивает их в хронологическом порядке. Используется следующая схема: событие гражданской войны – комментарий на это событие²³. Однако совершенно очевидно, что Ю. Готье, находясь в Советской России, газету «*Times*» не читал и тем более не комментировал. Вдобавок сами цитаты приведены голландским исследователем крайне выборочно, о чем говорит масса троеточий, красноречиво свидетельствующих об оторванности цитат от основного контекста дневниковых записей. И, наконец, главное: как можно со всей уверенностью утверждать, что М.И. Ростовцева одолевали те же настроения, что и Ю. Готье? Даже если принять во внимание, что они были коллегами, работали в одном университете, принадлежали к одному социальному слою, все равно такие сугубо личные переживания не могут быть идентичными в принципе. То же можно сказать и касательно предположения автора монографии об усилении религиозных настроений М.И. Ростовцева после революции, которое основывается лишь на том факте, что его друг Георгий Вернадский, доселе убежденный атеист, после прихода к власти большевиков вернулся в

---

²³ Wes M.A. Michael Rostovtzeff, *Historian in Exile...* P. 46–49.

Церковь²⁴. Но ведь каждая личность, тем более интеллектуально развитая, – это, прежде всего, индивидуальность, и столь интимные духовные процессы у каждого человека протекают по-своему.

Не менее спорными выглядят замечания М. Веса о творчестве М.И. Ростовцева, основанные на непосредственном анализе произведений ученого. Так, он предлагает сравнить образ императора Августа из статьи в «Новом энциклопедическом словаре», написанной в 1911 г., с тем, как эта историческая личность подается в его же «Рождении Римской империи», опубликованной в 1918 г. По мнению М. Веса, различия в интерпретации вызваны впечатлениями от русской революции, вследствие коих Октавиан Август постепенно превратился в античного брата-близнеца Лавра Корнилова²⁵. На этом голландский исследователь не останавливается: он полагает, что образ первого римского императора в трудах М.И. Ростовцева и дальше продолжал претерпевать метаморфозы, являясь маской для совершенно разноплановых исторических деятелей. Так, к 1922 г. Август из Л. Корнилова каким-то чудом трансформируется во В.И. Ленина (речь идет о его одноименной статье «Augustus» в одном из изданий Висконсинского университета). В доказательство М. Вес цитирует самого Михаила Ивановича, предлагающего следующую характеристику главного персонажа работы: «Это мастер жестокого и безжалостного уничтожения своих врагов, изощренных политических комбинаций, умелых дипломатических трюков, бесстыдной политической пропаганды, с одной стороны, и строитель *Ara Pacis*, с другой». На наш взгляд, данная параллель не так очевидна, поскольку сам же М. Вес признает, что, согласно М.И. Ростовцеву, вся работа Ленина была направлена исключительно на разрушение, в то время как деятельность Августа была ни восстановлением, ни разрушением, а, скорее, адаптацией, компромиссом с массами населения, в психологии которого он отлично разбирался²⁶.

Вообще страсть голландского ученого к поиску современных аналогий в творчестве М.И. Ростовцева и убеждение в главенствующем влиянии на него внешних, вненаучных факторов безграничны. М. Вес находит параллели с окружавшей историка действи-

²⁴ Ibid. P. 62–63.

²⁵ Wes M.A. Michael Rostovtzeff, *Historian in Exile...* P. 42–43.

²⁶ Ibid. P. 61–63.

тельностью в каждой его работе. В «Рождении Римской империи» помимо Августа-Корнилова ему видятся также Катилина-Ленин, Клодий-Троцкий и Цицерон-Керенский (указанный ряд аналогий станет кочующим сюжетом в историографической литературе о русском антиковед²⁷). Границы Римской империи до варварских нашествий М. Вес сравнивает с границами России до Брест-Литовского мира²⁸. В *SENRE*, оказывается, над М.И. Ростовцевым возобладали настроения «Вех», хотя этот нашумевший сборник вышел в свет еще в 1909 г., и совершенно неясно, почему именно в 20-е гг. Михаил Иванович проникся выраженными в нем эмоциями до такой степени, что в указанном произведении у него император Диоклетиан будто бы стал античной копией все того же Ленина, а император Константин превратился в Сталина²⁹. Такое сознательное стремление М. Веса подобрать современного «прототипа» практически к каждому герою наиболее значимых работ М.И. Ростовцева нам представляется совершенно неоправданным.

Очевидно, над голландским исследователем постоянно довлела его же собственная теория («вся история есть история современности»), выдвинутая им в самом начале монографии. Она-то и привела его к полному отрицанию естественных, научных причин возникновения тех или иных концепций в творчестве русского антиковеда и попытке объяснить все, исходя единственно из внешнего контекста, когда лишь жизненные обстоятельства оказываются значимыми при разработке тех или иных вопросов. И дело не в том, что М.И. Ростовцев был чужд проведению аналогий с современностью: как справедливо отмечает М. Вес, приводя в доказательство слова Аркадия Бормана, сына Ариадны Тырковой-Вильямс (друга ученого по кадетской партии), сам Михаил Иванович в разговорах с его матерью постоянно защищал идею аналогии в развитии античности и современной эпохи³⁰. Однако, как нам кажется, даже на основании этого замечания нельзя так легко относиться к творчеству одного из крупнейших историков XX в. Следует очень осторожно подходить к его идеям и не делать скоропалительных выводов о каких-либо параллелях с другими эпохами, а если они и обнаруживаются, надо

²⁷ См., например: *Арсентьев А.* М.И. Ростовцев и его взгляд на историю гражданских войн в древнем Риме // Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. М., 2003. С. 6.

²⁸ *Wes M.A.* Michael Rostovtzeff, Historian in Exile... P. 42–43.

²⁹ *Ibid.* P. 65.

³⁰ *Ibid.* P. 61.

раллелях с другими эпохами, а если они и обнаруживаются, надо осознать самое главное – зачем ученый это делал, из каких теоретико-методологических предпосылок исходил? К сожалению, монография М. Веса подобных вопросов не поднимает.

Тем не менее, не смотря на указанные недостатки, работы М. Веса сыграли огромную роль в деле изучения творческого наследия М.И. Ростовцева, явившись своего рода интеллектуальной провокацией, снова возбудившей в научном сообществе интерес к личности и трудам этого выдающегося ученого.

VARIA

ШЕЛЕСТИН В.Ю. (МОСКВА)

**ПАССАЖ КВО III 27 ЛС 6-12
В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ДРЕВНЕХЕТТСКОГО ЦАРСТВА**

Как известно из «Указа» (СТН 5) и «Политического Завещания» (СТН 6) Хаттусили I, время правления этого выдающегося хеттского царя эпохи Древнего царства было отмечено не только значительными внешнеполитическими достижениями, но и крупными внутривнутриполитическими неурядицами. Эти неурядицы были связаны с положением, возникшим при определении Хаттусили I своего престолонаследника, когда при наличии ряда претендентов по нисходящей линии среди них могло не оказаться достаточно легитимного, чтобы пользоваться всеобщей поддержкой. В §§ 12-15 «Завещания» описываются подготовка к мятежу его сына Хуцции, назначенного в Тапассанду и за стремление к сепаратизму смещенного царем, а также восстание, возглавленное царской дочерью в Хаттусе, переросшее в гражданскую войну по всей стране. Как считает большинство исследователей¹, уже после этих событий про-

---

¹ *Gurney O.R.* Anatolia c. 1750–1600 B.C. // *CAH / Rev. ed.* Cambridge, 1965. Vol. 2. P. 21; *Bin-Nun S.R.* The Tawananna in the Hittite Kingdom. Heidelberg, 1975. P. 70; *Cornelius F.* Geschichte der Hethiter. 3. Aufl. Darmstadt, 1979. S. 110; *Bryce T.R.* Hattušili I and the Problems of the Royal Succession in the Hittite Kingdom // *Anatolian Studies.* 1981. Vol. 31. P. 14; *Soysal O.* Mursili I. – eine historische Studie. Würzburg, 1989. S. 116; *Martino S. de.* Alcune osservazioni su KBo III 27 // *Altorientalische Forschungen.* 1991. Bd. 18. Hft. 1. P. 59; *Steiner G.* Mursili I: Sohn oder Enkel Labarna-Hattusilis I? // *Ugarit-Forschungen.* 1996. Bd. 28. S. 610f.; *Yiğit T.* Sequence of internal events during the Foundation Period of the Hittite Kingdom // *V. Uluslararası Hititoloji Kongresi Bildirileri, Çorum 02-08 Eylül 2002 – Acts of the Vth International Congress of Hittitology, Çorum September 02-08, 2002.* Ankara, 2005. P. 780. Впрочем, ряд исследователей придерживаются иных реконструкций хода событий: *Hardy R.S.* The Old Hittite Kingdom. A Political History // *The American Journal of Semitic Languages and Literatures.* 1941. Vol. 58. P. 195 (восстание дочери – следствие восстания Лабарны); *Klengel H.* Geschichte des Hethitischen Reiches. Leiden, 1999. S. 56 (сначала – назначение престолонаследником Лабарны и отказ от него, затем – восстания Хуцции и дочери); *Чернышёва А.З.* Политические конфликты в Хеттском царстве // Политические конфликты в древности и средневековье. Материалы коллоквиума. Иваново, 14-15 ноября 2000 г. Иваново, 2000. С. 8 (нелояльное поведение последовательно Хуцции и Лабарны, затем – мятеж с участием дочери); *Roos de J.* Rhetoric in the S.C. Testament of Hattusili I // *Veenhof Anniversary Volume. Studies presented to Klaas R. Veenhof on 65 / Ed. by W.H. van Soldt.* Leiden, 2001. P. 403 f. (усыновление и отречение от Лабарны, восстание Хуцции, гражданская война с участием дочери).

изошло описанное в §§ 1–3 «Завещания» назначение престолонаследником царского племянника Лабарны, который оказался недостаточно лояльным, за что и был отстранен от престолонаследия. Кроме того, некоторые исследователи предполагают, что относятся к этому же периоду конфликты с царем таких его родственников, как Хастаяр(ы) и царских сыновей Испутахсу и Аскалии в Куссаре². Уже после этих событий и составления «Завещания» был составлен «Указ» Хаттусили I³, как и «Завещание», провозглашающий престолонаследником Мурсили и проклинаящий тавананну – хеттскую царицу, чье достоинство наследовалось (независимо от царского) только после смерти предшественницы⁴. Поскольку отношение к царю тавананны, против которой направлен «Указ», в тексте не указано, вопрос о ее идентификации дискуссионен, и исследователи видят в ней тетю⁵, сестру⁶, жену⁷ или дочь⁸ Хаттусили I. Автор присоединяется к тем исследователям, которые видят в тавананне «Указа» сестру Хаттусили I, считая, что тетя не могла участвовать в

² Soysal O. Op. cit.

³ См., например: Martino S. de, *Imparati F.* Sifting through the edicts and proclamations of the hittite kings // III. Uluslararası Hititoloji Kongresi Bildirileri, Çorum 16–22 Eylül 1996. Acts of the IIIrd International Congress of Hittitology, Çorum, September 16–22, 1996. Ankara, 1998. P. 393.

⁴ Götze A. *Kleinasien*. München, 1957. S. 93.

⁵ Soysal O. KUB XXXI 4 + KBo III 41 und 40 (Die Puhanu-Chronik). Zum Thronstreit Hattusilis I. // *Hethitica*. 1987. V. 7. S. 251. Anm. 258; *Idem.* Mursili I. – eine historische Studie. S. 122, 124; *Beal R.H.* Studies in Hittite History // *Journal of Cuneiform Studies*. 1983. Vol. 35. № 1/2. P. 126; *Idem.* The Predecessors of Hattusili I // *Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner, Jr., on the Occasion of his 65th Birthday* / Ed. by G. Beckman, R. Beal, G. McMahon. Winona Lake, 2003. P. 29.

⁶ Иванов В.В. Интерпретация древнехеттского фрагмента 2BoTU 10β // IV Всесоюзная сессия по Древнему Востоку 5–10 февраля 1968 г. Тезисы докладов (Ленинградское отделение института народов Азии). Москва, 1968. С. 71; Довгяло Г.И. Становление идеологии раннеклассового общества (на материале клинописных текстов). Минск, 1980. С. 57. Прим. 33; Hoffner H.A. Jr. *Histories and Historians of the Ancient Near East: The Hittites* // *Orientalia*. 1980. Vol. 49. Fasc. 4. P. 202; Bryce T.R. Op. cit. P. 16; Dardano P. L'aneddoto e il racconto in età antichità: la cosiddetta "Cronaca di palazzo". Roma, 1997. P. 4; Sørenhagen D. Verwandtschaftsbeziehungen und Erbrecht im althethitischen Königshaus vor Telepinu – ein erneuter Erklärungsversuch // *Altorientalische Forschungen*. 1998. Bd. 25. Hft. 1. S. 88; Yiğit T. Op. cit. P. 788; Freu J. *Télipinu et l'Ancien royaume de Hatti* // *Des origins a la fin de l'ancien royaume Hittite*. P., 2007. P. 95.

⁷ Götze A. *Das Hethiter-Reich*. Leipzig, 1928. S. 17; Hardy R.S. Op. cit. P. 199; *Beal R.H.* Studies in Hittite History. P. 126 (Каддуси).

⁸ Bin-Nun S.R. Op. cit. P. 53; Martino S. de. Op. cit.; Steiner G. Op. cit. S. 608; Martino S. de, *Imparati F.* Sifting through the edicts and proclamations of the Hittite Kings. P. 395.

этих событиях по возрасту⁹ (хотя этот аргумент не может быть веским ввиду возможной обделенности тети при изменении порядка престолонаследия), жена не имела на то достаточно веских причин, а дочь, мятеж которой потерпел поражение, имела меньше возможностей для противодействия политике царя, чем сестра. К сожалению, мы не можем рассматривать здесь все аргументы за и против каждого варианта отождествления тавананны, и принимаемый нами вариант использован, прежде всего, в целях удобства изложения. В настоящей работе тавананна отождествляется только с историко-политической, а не с историко-юридической точки зрения, поскольку весьма дискуссионная проблема престолонаследия в Древнехеттском царстве требует отдельного исследования.

Относительная хронология событий правления Хаттусили I – сложный вопрос, ввиду отсутствия достаточно ясных датировок в документах его эпохи. Так, «Мужественные деяния Хаттусили», или Летопись Хаттусили I (СТН 4), имеет собственную внутреннюю хронологию и не упоминает никаких внутривосточных потрясений, повествуя, по мнению большинства исследователей¹⁰, о событиях первых лет его правления. «Политическое Завещание» (СТН 6) имеет название «Как великий царь Табарна в городе Куссафе заболел и призвал к царствованию юного Мурсили», в связи с чем эта его болезнь трактуется как предсмертная и относится исследователями¹¹ к концу правления Хаттусили I. Хотя нами было показано в специальном исследовании, что Хаттусили пережил эту болезнь, и последние годы его жизни относятся уже к правлению регента Пимпиры¹², мы считаем все же вероятным отнести составление

⁹ Судя по всему, правление Хаттусили I было довольно долгим. Одним из указаний на его продолжительность может служить временной интервал между взятием Алалаха при Хаттусили I и Алеппо при его преемнике Мурсили I, который, по оценкам различных исследователей, составляет от 10 (*Eder Chr. Die Datierung des spätbabylonischen Alalah // Altertumswissenschaften im Dialog. Festschrift für Wolfram Nagel zur Vollendung seines 80. Lebensjahres. Münster, 2003. S. 232*) до 50 (*Gurney O.R. Op. cit. P. 16*) лет. Мы предпочитаем придерживаться традиционной оценки времени правления этого царя в 30 лет, учитывая, что он пришел к власти уже в зрелом возрасте.

¹⁰ См., например: *Devecchi E. Gli annali di Hattušili I nella versione accadica. Pavia, 2005. P. 16.*

¹¹ См., например: *Haas V. Die hethitische Literatur. Texte, Stilistik, Motive. Berlin; N. Y., 2006. S. 59.*

¹² *Шелестин В.Ю. Последние дни Хаттусили I // Межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ноябрьские чтения – 2008». СПб., 2010 (в печати).*

«Завещания» к концу правления Хаттусили I. То обстоятельство, что в «Повести о Цальпе» (СТН 3) помимо «царя» упоминается LUGAL ŠU.GI («старый царь») (КВо XXII 2 ОС 14) в контексте борьбы с Цальпой, в которой укрывался некий Табарна, на наш взгляд, никак не противоречит принятой нами относительной хронологии правления Хаттусили I. «Старый царь» – вовсе не обязательно Хаттусили I или общехеттский царь вообще, а, скорее, учитывая что, как показал Гилан, этот титул, вызвавший трудности у новохеттского копииста, никогда не применялся к хеттским великим царям, Хаккарпили или иной князек¹³; Табарна же этого текста – вовсе не обязательно Лабарна «Политического Завещания», а, если датировать «Повесть о Цальпе» временем Мурсили I, скорее, его сын¹⁴. Кроме того, именно последний (§ 7) из трех абзацев «Указа Телепину» (СТН 19), посвященных правлению Хаттусили I, говорит о гражданской смуте, в описании которой можно узнать описание гражданской войны в Хатти, начатой, как говорит текст «Завещания», дочерью царя. Таким образом, кажется правдоподобной точка зрения тех исследователей, которые считают, что, «если первая половина правления Хаттусили I была в основном периодом, когда границы раздвигались в ходе военных походов и завоеваний, и добыча обильно текла в страну, завершающая часть правления этого царя была, вероятнее всего, временем, когда началась внутренняя смута»¹⁵.

Вместе с тем, нам кажется недопустимым чисто механически разделять внешнеполитическую и внутривнутриполитическую составляющие правления Хаттусили I. Если наши источники и говорят о последних годах его правления только с точки зрения внутривнутриполитической смуты, то не стоит забывать, что фиксировать внешнеполитические просчеты было не в правилах древней ближневосточной историографии, отражавшей преимущественно победы. Разумеется, годы внутривнутриполитических беспорядков должны были сопровождаться падением международного авторитета, и Хеттское царство непосредственно после завершения правления Хаттусили I или в период гражданской войны, развязанной его дочерью, долж-

¹³ *Gilan A.* How many princes can the land bear? – Some thoughts on the Zalpa text (СТН 3) // *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*. 2007. Vol. 49. P. 316 f.

¹⁴ *Soysal O.* On the origin of the royal title Tabarna / Labarna // *Anatolica*. 2005. T. 31. P. 207.

¹⁵ *Yigit T.* Op. cit. P. 786.

но было быть слабее с внешнеполитической точки зрения, чем в период великих побед Хаттусили I. Однако, вероятно, стоит взглянуть на ситуацию глубже и попытаться проследить, не переплетаются ли внешнеполитическая и внутривнутриполитическая деятельность Хаттусили I теснее, чем это обычно предполагается. Обычно исследователи участия хеттских женщин во внешней политике видят лишь их благотворную деятельность по укреплению престижа державы¹⁶, хотя было бы странно, если бы они действовали во внешней и внутренней политике столь различным образом.

Возможно, первый намек на противоречия между Хаттусили I и тавананной содержится в строках письма из Тикунани, относимого к 6-му году его походов, где в строках 29-36 говорится: 29) *ù za-ar-ri ANŠE.KUR.RA/30) lu-ú ré-šú-ti lu-ú ša-al-mu-ti/31) šu-bi-<la>-aš-šu-nu-ti ù a-wa-ti/32) sa_x(ŠA)-ra-ti ša i-dá-bu-ub/33) la ta-ša-mi qa-ni ri-mi ú-šur/34) ù ši-pa-aṭ UR.МАН ú-šur/35) ši-pa-aṭ še-la-bi-i la ta-aš-ba-at/36) ša sa_x(ŠA)-ra-ti i-te-né-pu-uš*, что переводится как «29) И конских волос,/30) или белых, или черных –/31) их пришли мне, и слова/32) лживые, которые говорит,/33) не слушай. Держись рога быка!/34) И решения льва держись!/35) Приказов лиса ты не держался,/36) который лживые (приказы) всегда делает»¹⁷. Конечно, лис идентифицируется здесь с одним из хурритских правителей Верхней Месопотамии, враждебных Хаттусили. Вместе с тем, обращает на себя внимание написание словоформы *sarrātī* «лживые» как *sa_x-ra-ti*, где начальным является знак ŠA, что может намекать на *šarratum* «царица (т. е. тавананна)». Конечно, это написание легко объясняется за счет особенностей хеттской клинописи, где знаки серии Š передают значение серии S¹⁸, тем более, что в данном тексте знаки серии S не встречаются, за исключением *qa-ni-i-su* в строке 27, рассматриваемого нами как словоформа *qa-ni-su* от имени *qa-nitum*. Но следует заметить, что аккадоязычные тексты эпохи Древнего царства знают знак SA, ср. *tu-sa-ra-ra* (КВо I 11 ЛС¹ 31'), хотя там же *pu-sa_x-ra-ar* (КВо I 11 ЛС¹ 31'), что допускает возмож-

¹⁶ Kılıç Y., Duymuş H.H. Hitit Kadın ve Siyaset // Tarih Araştırmaları Dergisi. 2007. Cilt 26. Sa. 42. S. 94.

¹⁷ Транслитерация и перевод по автографии Salvini M. Una lettera di Hattuşili I relativa alla spedizione contro Hahhum // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. 1994. Vol. 34. P. 62 sg.

¹⁸ Гамкрелидзе Т.В. Клинописная система аккадско-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской письменности // ВДИ. 1959. № 1. С. 9–19.

ность намеренного употребления в тексте письма из Тикунани знака ŠA для передачи значения серии SA¹⁹. Конечно, такая особенность орфографии этого слова письма не может считаться веским аргументом в пользу связи *sarrātī* – *šarratī*, поскольку неясно, насколько возможным было ее восприятие адресатом в условиях, когда он не видел, а только слышал текст послания. Вместе с тем, она могла проявляться и в голосовом воспроизведении текста письма хеттом или хурритом, который, ввиду отсутствия в родном языке звука š, едва ли мог бы произнести его корректно, скорее, уподобляя звуку s, в каком случае звуковой состав обоих слов совпал бы. Разумеется, этот случай может быть простым совпадением, тем более что адресат не мог понимать скрытого намека в этой двусмысленной, в нашем понимании, фразе.

Более определенные указания на связь тавананны с враждебной заграницей могут содержаться в относящемся уже к концу правления Хаттусили I «Указе» (СТН 5). Этот текст неоднократно переводился исследователями, в том числе и на русский язык²⁰, поэтому приведем здесь лишь важные для нас в данном контексте строки 6–12:

6' UR-RA-AM ŠE-RA-AM MÍta-wa-na-an-na-aš [/]
 7' le-e ku-iš-ki te-ez-zi ŠA DUMU.MEŠ-ŠU [/]
 8' ŠUM-ŠU-NU le-e ku-iš-ki te-ez-zi ták-ku DUMU.x[/]
 9' kap-ru-uš-še-et ha-at-ta-an-ta-ru na-an a-aš-x[/]
 10' kán-kán-du ták-ku ÌR.MEŠ-am-ma-an iš-tar-na ŠUM-x[/]
 11' ku-iš-ki te-ez-zi ÌR-mi-iš le-e kap-ru-x[/]
 12' ha-at-ta-an-ta-ru na-an a-aš-ki-iš-ši kán-kán[

6' В будущем тавананн.. (им. пад. или род. пад.) [/7' никто не скажет, сыновей ее [/8' имена их никто не скажет. Если сынов[../9' глотку его пусть отрежут, и его ../10' пусть повесят! Есл[и] из моих [под]данных имя ../11' кто-нибудь скажет, мой подданный не ../12' пусть отрежут, и пусть его в проеме двери его ..[.

¹⁹ Хотя табличка КВо I 11 является не вполне релевантной ввиду особенностей вопроса о ее происхождении, исследователи считают ее одной из древнейших в богазкёйском архиве, судя по палеографической близости к текстам Алаха VII и Мари (см.: *Kempinski A. Syrien und Palästina (Kanaan) in der letzten Phase der Mittelbronze II B-Zeit (1650-1570 v. Chr.). Wiesbaden, 1983. S. 33 f.*)

²⁰ *Иванов В. В. Из надписей времен Хаттусили I // Иванов В. В. Луна, упавшая с неба. М., 1977. С. 78.*

При попытке восполнить некоторые лакуны данного текста, между исследователями возникают расхождения, существенно влияющие на его понимание. Особый интерес в связи с этим вызывает восстановление конца строки 8, поскольку здесь определяются те лица, которым, видимо, грозит более изощренная форма казни по сравнению с царскими подданными ÌR.MEŠ, предложение о наказании которых начинается в 10-ой строке. Мы видим, что название этой категории людей начинается со слова DUMU.MEŠ «сыновья», а поскольку ситуация с провозглашением престолонаследником Мурсили сложилась как раз в условиях отсутствия у Хаттусили после смут сыновей, способных претендовать на престол, логично предположить, что здесь речь идет не о царских сыновьях. Далее, можно было бы предположить восстановление DUMU.MEŠ É.GAL, как «сыновья дворца». Но такое восстановление было бы уместно лишь в том случае, если бы предложения, начинающиеся в 8-ой и 10-ой строках, имели бы сходный смысл, тогда как нам представляется более верным видеть здесь противопоставление двух различных категорий людей, по отношению к которым назначаются различные наказания за совершение одного и того же преступления. Поскольку связка DUMU.MEŠ É.GAL – ÌR.MEŠ оперирует терминами, обозначающими в ее контексте социальные категории, на первый взгляд, здесь можно было бы видеть социальную оппозицию, однако Гиоргадзе, обращаясь к параллелизму «Указа» и «Завещания» Хаттусили I, хотя и в несколько иной связи, указывал на вероятность в таком контексте социальной оппозиции LÚ.MEŠ GAL.GAL «великие люди» – ÌR.MEŠ «подданные», являющей собой вариант оппозиции hantezziš «первейший» – arpiizziš «низший», где обе категории людей относятся только к царским служащим²¹. Вместе с тем, DUMU.MEŠ É.GAL являлись разновидностью царских служащих не высокого, а низкого ранга²², что относит их не к LÚ.MEŠ GAL.GAL, а к ÌR.MEŠ, лишая оппозицию DUMU.MEŠ É.GAL – ÌR.MEŠ смысла. Наиболее распространен в историографии

²¹ Гиоргадзе Г.Г. Вопросы общественного строя хеттов. Тбилиси, 1991. С. 98–101.

²² Должностные служащие невысокого ранга, ср.: Гиоргадзе Г.Г. Указ. соч. С. 110.

вариант восстановления DUMU.MEŠ^{URU}Hatti²³, согласно которому, оппозиции DUMU.MEŠ^{URU}Hatti – ÌR.MEŠ также нет, а все расхождения о судьбе нарушителей запрета царя в строках 6-12 означают одно и то же. Однако мы, предполагая различие наказания в первом и втором случаях, склонны видеть противопоставление категорий людей, называемых в 8-ой и 10-ой строках, а потому такое восстановление нас не устраивает. По сути то же, но в несколько ином исполнении предлагает Карруба, решающий проблему длины лакуны в 8-ой строке при помощи предположения о пропуске писцом при копировании таблички строки между 8-ой и 9-ой, что приводит угрозу относительно «моих сыновей/сыновей Хатти» строк 8-10 к тому же виду, что и угроза кары подданным в строках 10-12²⁴. Нам представляется излишним предполагать эмендацию целой строки и более логичным кажется не полный повтор в обоих предложениях одной и той же мысли с заменой лишь одного-двух слов, а выражение подлинной оппозиции. С одной стороны, повторяющаяся конструкция-протасис takku x-man istarna lamanasmit kuiski tezzi в этом случае странным образом перемежается с достаточно длинным повтором аподозиса x-mis lē kaprusset hat-tantaru nān askissi kankandu, тогда как отличительной особенностью древнехеттской исторической прозы, к которой близок наш текст, является необычайный лаконизм²⁵. С другой стороны, такая структура фразы наиболее характерна для конструкции партитивной оппозиции, засвидетельствованной в «Завещании Хаттусили»²⁶, но выглядит странной в нашем случае, поскольку связка DUMU.MEŠ^{URU}Hatti/ DUMU.MEŠ-mis – ÌR.MEŠ, которая, как мы уже показали, не является оппозицией, но может выражать totum pro parte. Подлинной оппозицией было бы противопоставление не людей своей страны и своих подданных, а противопоставление людей чужой страны и подданных, если считать в данном случае ÌR.MEŠ-mis имеющим не социальный, а политический смысл – «мои поддан-

²³ Ср.: *Bin-Nun S.R.* Op. cit. P. 112, *Иванов В.В.* Указ. соч.; *Bryce T.R.* The Kingdom of the Hittites. N. Y., 2005. P. 93, *Yigit T.* Eski Hitit Dönemine Ait Bir Ferman // *Tarih Araştırmaları Dergisi.* 2007. Cilt 26. Sa. 41. S. 2.

²⁴ *Carruba O.* Die Tawannannas des Alten Reiches // *Hittite and Other Anatolian and Near Eastern Studies in Honour of Sedat Alp.* Ankara, 1992. S. 77–79.

²⁵ *Иванов В.В.* Хеттская и хурритская литература // *Иванов В.В.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2004. Т. 3. С. 281.

²⁶ *Roos de J.* Op. cit. P. 406.

ные», т. е. люди моей страны. В таком случае обсуждаемый пассаж примет следующий вид:

- 6' UR-RA-AM ŠE-RA-AM ^{MÍ}ta-wa-na-an-na-aš [ŠUM-ŠU]/
 7' le-e ku-iš-ki te-ez-zi ŠA DUMU.MEŠ-ŠU [DUMU.SAL.MEŠ-ŠU]/
 8' ŠUM-ŠU-NU le-e ku-iš-ki te-ez-zi ták-ku DUMU.M[^{EŠ} KUR
^{LÚ}KÚR²⁷ ŠUM-ŠU-NU ku-iš-ki te-ez-zi]/
 9' kap-ru-uš-še-et ha-at-ta-an-ta-ru na-an a-aš-k[i-iš-ši]/
 10' kán-kán-du ták-ku ÌR.MEŠ-am-ma-an iš-tar-na ŠUM-Š[U-NU]/
 11' ku-iš-ki te-ez-zi ÌR-mi-iš le-e kap-ru-u[š-še-et]/
 12' ha-at-ta-an-ta-ru na-an a-aš-ki-iš-ši kán-kán[-du]

6' В будущем тавананны [имя]²⁸/7' никто не скажет, (и) сыновей ее [и дочерей ее]/8' имена никто не скажет. Если из сынов[ей чужой страны имена их кто-нибудь скажет,]²⁹/9' глотку его пусть отрежут, и его в проеме две[ри его]/10' пусть повесят! Есл[и] из моих [под]данных имена их/11' кто-нибудь скажет, (поскольку он) мой подданный – не³⁰ глотку [его]/12' пусть отрежут, а³¹ пусть его в проеме двери его повес[ят]. (КВо III 27 6'-12')

²⁷ Возможно, стояло название конкретной вражеской страны – одной из сирийских или страны хурритов.

²⁸ В данной лакуне большинство исследователей, как и мы, читают ŠUM-ŠU «ее имя», но, по мнению Бин-Нун, после этого должен был быть упомянут и муж тавананны (*Bin-Nun S.R. Op. cit. P. 52. N. 7*), что мы считаем излишним.

²⁹ Бин-Нун было предложено восстанавливать takku DUMU^{MEŠ} [URU Hatti kuiški tezzi] с переводом «если [кто-нибудь] из сынов [Хатти скажет] (их)....» (*Bin-Nun S.R. Op. cit. P. 112*), чему по смыслу следуют также переводы Иванова «Если кто-нибудь из сыновей города Хатти произнесет их имена» (*Иванов В.В. Из надписей времен Хаттусили I. С. 78*) и Брайса «Если кто-нибудь из сынов Хатти скажет их» (*Bryce T.R. The Kingdom of the Hittites. N. Y., 1998. P. 98; 2005. P. 93*). Де Мартино отказался от этого восстановления и читает здесь ták-ku DUMU^{M[^{EŠ}} ..... ŠUM-ŠU-NU ku-iš-ki te-ez-zi] «если у/среди сынов[ей] ..... их имя кто-нибудь скажет» (*de Martino S. Op. cit. P. 55*), что является возвратом к чтению фон Шулера «если (один из) сынов[ей] ... их назовет» (*Schuler E. von. Hethitische Königserlässe als Quellen der Rechtsfindung und ihr Verhältnis zum kodifizierten Recht // Festschrift Johannes Friedrich zum 65. Geburtstag am 27. August 1958 gewidmet. Heidelberg, 1959. S. 441*). Наша интерпретация позволяет более компактно заполнить лакуну в этой, и без того удлиняемой, строке. Вероятно, часть формулы istarna lamanasmit kuiski tezzi, которая должна оказаться целиком в данной лакуне, могла быть записана сокращенным способом с опущением некоторых слов.

³⁰ Обычно ÌR-mi-iš le-e понимается как именное предложение-аподозис «то он мне больше не подданный» (см., например: *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. London; Chicago, 1980. P. 56 d*). Вместе с тем, с филологической точки зрения новый вариант перевода частицы le не менее убедителен, чем предлагавшийся ранее, поскольку теперь его прохитивная функция находит свою опору в глаголе hattantaru. Что касается син-

Как видно из приведенного отрывка, в нем может проводиться различие между сочувствующими тавананне – подданными Хатти и подданными чужой страны, причем не в пользу последних. К сожалению, нам не известны параллели из древневосточного права, которые могли бы подкрепить нашу догадку, но вполне вероятно, что основой для такого противопоставления могла быть причастность подданных чужой страны к действиям тавананни. Поскольку мы идентифицируем тавананну как сестру Хаттусили I, ее действия имели место непосредственно после гражданской войны, развязанной царской дочерью. Чернышёва, исследуя типы политических конфликтов в Хеттском царстве, считает вооруженными мятежами с более или менее широкой поддержкой населения только смуту конца правления Хаттусили I и войну между Хаттусили III и Урхи-Тешшубом, причем, по ее мнению, особенностью последнего конфликта было прямое участие иноземцев (каска и опальный царь Амуру Вендишена/Бентесина на стороне поднявшего мятеж Хаттусили III)³². Конечно, определение ею касков и Бентесины как иноземцев не вполне корректно, поскольку они входили на тот момент в хеттское правовое пространство. Вместе с тем, сам Хаттусили III подчеркивал, что за ним пошли как каска, которые прежде были враждебны к нему, так и вся Хаттуса (KUB I 1 OS IV 27–29), а потому кажется возможным, что сила, враждебная хеттам до начала мятежа в Хатти и принявшая сторону мятежников после начала междоусобной войны внутри страны, рассматривалась хеттами отчасти как иноземная, не своя. Как показала Хешики в своих сообщениях на 7-ом хеттологическом конгрессе и 55-ой встрече ассириологов, основываясь на анализе царских печатей в сопоставлении с культом, сам Хаттусили III рассматривался хеттами как склонный к союзу с иноземным, что побудило противопоставивших

таксических особенностей предложений *hutarlas=mis # lē kapru[s=set] hattantaru*, то здесь имеется инверсия отрицания, возможно, отчасти сходная с имеющейся в среднехеттской инструкции для начальника пограничников, ср. *na-aš-ta šu-uh-ha/ wa-ar-hu-i za-ap-pí-ia-at-ta-ri le-e* (KUB XXXI 86 II 17-18) и *šu-uh-ha le-e wa-ar-hu-u-i za-ap-pí-ia[-at-ta-ri]* (KUB XXXI 89 II 7), см. *Schuler E. von. Hethitische Dienstanweisungen für höhere Hof- und Staatsbeamte. Graz, 1957. S. 43*, или с встречающейся в молитве Мурсили II Солнечной Богине города Арина, ср. *na-aš-ta le[-e/ a-aš-ša-u-e-eš i-da-a-la-u-wa-aš an-da har-kán-z[i]* (KUB XXIV 3 II 55-56).

³¹ Прямо в тексте указаний на противительную конструкцию не содержится, поскольку в этом случае ожидался бы союз *ne nu*, а *-a/-ta*, однако русский язык, в отличие от хеттского, не может обойтись без нее при отрицании.

³² Чернышёва А.З. Указ. соч. С. 13.

себя его наследию Тудхалию IV и Курунту избрать в качестве основы своей идеологии возвращение к корням. Логичным было бы предположить участие иноземцев и в типологически близких конфликтах эпохи Хаттусили I. Такими иноземцами в его эпоху могли быть хурриты – выходцы из Сирии и Ханигальбата (но не только – более точно определить круг этих иноземцев нам едва ли позволяет источник база).

Первое появление хурритов на коренной территории Хатти в качестве неприятеля относится к третьему году походов Хаттусили I. Как он описывает это событие в своей Летописи (СТН 4), «10) На следующий год в Арцаву я пошел,/11) быков и овец себе привел, а позади меня в страну мою враг из Ханигальбата вошел./12) Все их страны со мной враждовали, город Хатти один остался» (аккадская версия КВо X 1 ЛС 10-12) и «22) На следующий год в Арцаву я пошел,/23) и у них быков и овец отобрал,/24) а позади меня враг из Хурри в страну вторгся,/25) и против меня все страны враждовали,/26) и лишь один город Хаттуса остался» (хеттская версия КВо X 2 ЛС 22-26). Как видим, вторжение врага приняло большой размах, поскольку царь в это время находился в Арцаве. Точно так же предполагается, что восстание дочери приняло большой размах именно потому, что царь в этот момент завершал разбирать дела в Тапассанде³³. Различие между двумя фактически распадами страны заключается в том, что первое из них не затронуло Хаттусу, а второе именно с Хаттусы началось. Не вдаваясь в детали дискуссии о времени переноса столицы в Хаттусу, отметим, что, став центром страны, она, в силу своего ключевого положения, с большим успехом могла стать отправным пунктом для децентрализации страны. И здесь важным мог стать фактор сговора хурритов, вторгавшихся в страну еще в начале правления Хаттусили I, с оппозиционной партией, сплотившейся в ходе гражданской войны вокруг дочери царя, но, несомненно, существовавшей и ранее³⁴. Впрочем, царская семья могла познакомиться с хурритами еще в то время, когда будущий царь был князем Хурмы, распола-

³³ *Yigit T.* Sequence of internal events during the Foundation Period of the Hittite Kingdom. P. 788.

³⁴ Ср. представление о «Преданиях о войнах Хаттусили I с хурритами (Хронике Пухану)» как произведении, составленном представителями оппозиции: *Gilan A.* Der Puhānu-Text – theologischer Streit und politische Opposition in der althethitischen Literatur // *Altorientalische Forschungen.* 2004. Bd. 31. Hft. 2. S. 289, 291 f.

гавшейся в соседнем с хурритами районе³⁵, до его восшествия на великоцарский престол³⁶. После поражения царской дочери в гражданской войне, эта партия противников Хаттусили I и союзников хурритов могла выбрать своими новыми вождями молодого Лабарну и его мать тавананну. Неслучайно Хаттусили I сомневается в патриотических чувствах своего избранника: 18) i-na ÷i-bi ÷[e-en ga-ma-ni-šu/19) re-ma-am a-na ^{U]}RU Na-at-ti k[i-i] i-le-eq[-qi «18) По собственному решению/19) любовь к Хатти разве он удержит?» (KUB I 16 ЛС 18-19). Возможно, после составления «Завещания» тавананна, с которой, судя по его тексту, Хаттусили I, считавший ее «змеёй», обошелся довольно мягко, устроила новый антиправительственный заговор, как и ранее, пользовавшийся поддержкой хурритов. Когда же заговор был раскрыт, Хаттусили I, издавая «Указ» против тавананны, посчитал необходимым подчеркнуть ее сотрудничество с выходцами из враждебной заграницы – хурритами, установив по отношению к последним повышенную меру наказания – более изощренный вид смертной казни³⁷. Справедливости ради заметим, что сходное наказание устанавливается им по отношению к «сынам дворца (DUMU.MEŠ É.GAL)» (КВо III 27 19'-21'), хотя здесь отрицательная частица lē может быть скрыта в лакуне. Кроме того, именно в связи с этими событиями упоминается отложение от Хатти недавно присоединенных окраинных областей (КВо III 27 28'-31'), бывших преимущественно хурритскими, что могло происходить согласованно с внутривнутриполитическим развалом страны.

Таким образом, если наши новые интерпретации ряда древнехеттских документов имеют право на существование, внутривнутриполитические неурядицы в контексте внешнеполитической активности Хеттского царства при Хаттусили I могли развиваться следующим

³⁵ Ср.: *del Monte G.F., Tischler J.* Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte. (RGTC 6/1). Wiesbaden, 1978. S. 125.

³⁶ О хурмском периоде жизни Хаттусили см.: *Soysa O.* Mursili I. – eine historische Studie. S. 125.

³⁷ Как известно, в средневековой Европе более благородной считалась смерть от удара топора, тогда как виселица была уделом простолюдин (см.: *Кустяковский А.Ф.* Исследование о смертной казни. СПб., 1896. С. 250). Вместе с тем, в нашем случае речь идет о сочетании двух видов казни по отношению к чужакам, поэтому едва ли перерезание глотки облагораживало их смерть по сравнению с подданными Хатти. Скорее, в условиях неминуемого посмертного позора виселицы, первый, комбинированный, вид казни был более изощренным и мучительным, ведь неверное движение руки палача усиливало муки преступника, тогда как царские подданные были избавлены от этого.

образом. Конфликт Хаттусили I с тавананной, возможно, уже существовавший на 6-м году его походов, перешел в открытую стадию после мятежей царских детей, самым сильным из которых был мятеж, поднятый царской дочерью в Хаттусе, разросшийся в гражданскую войну по всей стране. По крайней мере, некоторые из этих мятежей могли пользоваться поддержкой хурритов, связь с которыми оппозиционная Хаттусили I аристократия могла установить на 3-м году его походов, а члены царской семьи – и до восшествия Хаттусили I на престол. После обуздания мятежной дочери Хаттусили I назначает своим преемником Лабарну, сына тавананной, но, обнаружив не слишком патриотические настроения в нем и прямо враждебные – в его матери, отстраняет его от престолонаследия. Тавананна, лишенная по сравнению с прочими мятежными родственниками царя немногого, делает последнюю попытку, направленную против правления Хаттусили I и готовит заговор, синхронно которому от Хатти отлагаются последние из сохранявших верность завоеванных хурритских областей. Царь на этот раз перехватывает инициативу, расправляется с некоторыми из мятежных вассалов и составляет «Указ», в котором подтверждает назначение Мурсила престолонаследником и требует стереть из истории память о тавананне и ее потомках. Следуя своему принципу, он не называет в тексте «Указа» имени тавананной, чтобы оно, будучи запрещенным под страхом смертной казни, не вошло в историю окольным путем. Дальнейшая судьба тавананной остается нам неизвестной, но она явно была более печальной, нежели судьба ее заграничных сообщников.

КУЗЬМИНА Ю.Н. (МОСКВА)

ЗАМЕТКИ О КУЛЬТЕ АРТЕМИДЫ ЭФЕСИИ НА БОСПОРЕ

Среди различных ипостасей Артемиды выделяется Эфесия, которая по праву может считаться одним из наиболее загадочных божеств, почитавшихся в греческом мире. В ее культе нашло свое отражение сложное и длительное взаимодействие эллинских и восточных религиозных и культурных традиций. Артемиды Эфесия являлась покровительницей полиса Эфеса, его главной богиней, по отношению к которой применяли такие эпитеты как Μεύιστη («Могущественная»), Μεγάλη («Великая») (Ach. Tat. VIII.9.13; Деяния апост. XIX.35) и Πρωθροία (от πρωτόθρον, «восседающий на первом месте»)¹.

Но Артемиды Эфесия была популярна и за пределами Эфеса: ее почитали в Массалии, Риме, Македонии, Хемероскопионе в Испании, Керкинитиде и других местах², в том числе и на Боспоре. О популярности культа Артемиды на Боспоре можно судить по сохранившимся посвященным надписям³. Среди них встречаются и посвящения Артемиде Эфесии (КБН. 6а, 11, 1040, 1114).

Высказывались предположения, что один из храмов Артемиды Эфесии находился в Пантикапее⁴. Н.П. Розанова на основании археологического отчета В.Д. Блаватского предположила, что храм Эфесии существовал здесь с VI по I вв. до н.э.⁵ А.С. Русяева уточнила появление культа Артемиды Эфесии в Пантикапее, отнеся это к третьей четверти VI в. до н.э.⁶

¹ Подробнее о культе Артемиды Прототронии см.: *Engelman H. Artemis Protothronia // ZPE. 1997. Bd. 117. S. 18.*

² *Dictionary of Deities and Demons in the Bible / Ed. by K. van der Toorn, B. Becking, P. W. van der Horst. Leiden, Boston, Köln, 1999. S. 95; Daux G. Sur une dédicace macédonienne à Artémis Éphésia // BCH. 1959. T. 83.2. P. 549–552.*

³ КБН. 6а, 11, 12, 28, 1014, 1040, 1114; *Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. № 163, 173 (возможно также № 75, 176, 184).*

⁴ *Розанова Н.П. Посвятительная надпись Артемиде Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 г. // ВДИ. 1960. № 3. С. 132; Трейстер М.Ю. Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея // КСИА. 1990. № 197. С. 41–42; Виноградов Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Скифский квадрат. 1999. № 3.*

⁵ *Розанова Н.П. Указ. соч. С. 132.*

⁶ *Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005. С. 286.*

В 1949 г. Керченской археологической экспедицией при раскопках мешаного слоя на горе Митридат был найден обломок бронзового предмета с надписью ΣΩΝΑΡΤΕΜΙΕΘΕΣ. Опубликовавший надпись В.Д. Блаватский, основываясь на шрифте, отнес ее к V в. до н.э., предложив следующую версию: Σῶν Ἄρτεμι[δι ἔθεσ[ε] («Сон посвятил Артемиде»)⁷.

Данная трактовка вызвала возражения со стороны Н.П. Розановой, которая предложила следующую интерпретацию: Σῶν <ἀνέθηκεν> Ἄρτεμι Ἐφέσ[η] («Сон [посвятил] Артемиде Эфесской»)⁸.

Ю.Г. Виноградов, рассмотрев обе трактовки, отдал предпочтение прочтению Розановой, с единственной лишь поправкой: он заменил эпиклезу Ἐφέσ[η] на более верную архаическую форму Ἐφεσ[ηίν] (Σῶν Ἄρτεμι Ἐφεσ[ηίν])⁹. Исходя из характера шрифта, Ю.Г. Виноградов пришел к выводу, что данная надпись может быть датирована временем не позднее, чем третья четверть VI в. до н.э., а скорее даже серединой VI в. до н.э.¹⁰

М.Ю. Трейстер предположил, что рассматриваемый обломок бронзового предмета является фрагментом инфундибулума – ситечка-цедилки для вина, которые производились в этрусских мастерских с середины VI вплоть до V вв. до н.э.¹¹ Имеются примеры находок в Северном Причерноморье ситечек-цедилок данного типа (например, в некрополе Ольвии, в кургане близ села Жуковка, в некрополе Нимфея; все они хранятся в Эрмитаже), да и вообще ситечки разных типов для вина были распространены как в Элладе, так и в греческих колониях¹². З.А. Билимович считает, что ближайшие аналоги эрмитажным бронзовым ситечкам-цедилкам можно найти среди этрусских предметов, найденных, например, в некрополе Чертозы в Болонье, а так же в некрополе Тоди¹³.

⁷ Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея // КСИИМК. Вып. 37. 1951. С. 224; он же. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. № 103. 1962. С. 25.

⁸ Розанова Н.П. Указ. соч. С. 130.

⁹ Виноградов Ю.Г. Прохус Минеиды // ВДИ. 1974. № 4. С. 59–61.

¹⁰ Treister M.Y. Excavations at Panticapaion, Capital of the Kingdom of Bosphorus. Old Finds, Resent Results and some New Observations // Greek Archaeology without Frontiers. Athens, 2002. P. 154.

¹¹ Трейстер М.Ю. Указ. соч. С. 38; *idem*. Op. cit. P. 154.

¹² Скржинская М.В. Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н.э. СПб., 2000. С. 120.

¹³ Билимович З.А. К вопросу об этрусском импорте в Северное Причерноморье // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л., 1973. С. 5.

М.Ю. Трейстер, также придерживающийся версии об этрусском происхождении инфундибулума из Пантикапея, отнес его к наиболее раннему типу этрусских инфундибулумов и датировал третьей четвертью VI в. до н.э.¹⁴

Интересен вопрос, каким же образом мог культ Артемиды Эфесии распространиться в Пантикапее и в Боспорском царстве в целом.

Н.П. Розанова, опираясь на замечание Павсания о поклонении амазонок Артемиде Эфесии (VII.2.6–9), высказала предположение, что культ богини, вероятно, был привнесен в Причерноморье почитательницами Эфесии, жившими в Скифии¹⁵. Учитывая мифологичность преданий об амазонках, а также отсутствие какого-либо конкретного материала и доказательств почитания Артемиды Эфесии скифскими племенами, данная точка зрения может быть рассмотрена лишь как весьма уязвимая для критики гипотеза.

Более вероятной кажется версия, что культ Артемиды Эфесии был привнесен в Пантикапей выходцами из Эфеса¹⁶, ведь, несмотря на то, что сами эфесяне колоний не основывали, вполне вероятно их участие в милетской колонизации среди представителей и других ионийских полисов¹⁷. Таким образом, можно допустить, что среди первопоселенцев Пантикапея имелись эфесяне, которые и основали святилище Эфесии, в которое впоследствии в дар был принесен инфундибулум¹⁸.

С другой стороны, все-таки данную версию следует принимать с осторожностью, так как не имеется никаких письменных свидетельств относительно участия эфесян в милетской колонизации. С таким же успехом культ Артемиды Эфесии в Пантикапей мог быть

¹⁴ *Treister M.Y.* Op. cit. P. 154.

¹⁵ *Розанова Н.П.* Указ. соч. С. 131. Подробнее о связи культа Артемиды Эфесской с легендой об амазонках см.: *Bennet F.M.* Religious Cults Associated with the Amazons. N.Y., 1912. P. 30–39; *Blok J.H.* The Early Amazons Modern and Ancient Perspectives on a Persistent Myth. Leiden, 1995. P. 45; *Burkert W.* Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer Grossen Göttin // 100 Jahre Österreichische Forschungen in Ephesos. Wien, 1999. S. 64; *Zeller D.* “Brüste oder Hoden? Philologische, religionswissenschaftliche und tiefenpsychologische Bemerkungen zu einer interpretatorischen Alternative bei der ephesischen Artemis” // *Macellum. Culinarium Archaeologica* // <http://www.archaeologie-sachbuch.de/-Fleischer/index1.htm>; *Zschietzschmann W.* Ephesos // DKP. Bd. 2. 1964. Sp. 618–624; *Fleischer R.* Artemis Ephesia // LIMC. Bd. II.1. Zürich, München, 1984. S. 755–757.

¹⁶ *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main, 1983. S. 155; *Ustinova Y.* The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden, 1999. P. 61.

¹⁷ *Cook R.M.* The Eastern Greeks // САН². Vol. 3. 1982. P. 214.

¹⁸ *Трейстер М.Ю.* Указ. соч. С. 41.

занесен, к примеру, фокейцами, участвовавшими в милетской колонизации, которые, согласно сообщению Страбона, учредили данный культ в Массалии и построили там святилище Артемиды Эфесии, а кроме того и в дальнейшем переносили этот культ в другие свои колонии (XIV.I.4); или сами же милетяне были ответственны за появление культа Эфесии в Пантикапее.

На данный момент, не располагая письменными источниками, невозможно дать однозначный ответ на вопрос, кто же учредил в Пантикапее, да и вообще на Боспоре, культ Артемиды Эфесии.

Обратимся теперь к эпиграфическому материалу, позволяющему в какой-то степени проследить распространение культа Артемиды Эфесии на Боспоре.

В окрестностях Керчи был найден мраморный алтарь с посвятельной надписью жрицы, дочери Нимфея:

[Ἡ δείνα Νυμφ?]αίου τὸν βωμὸν
[ἀνέθηκεν Ἄρ]τέμι Ἐφεσείῃ
[ἱερωμένη, ἀρχ]οντος Λεύκωνος
[Βοσπόρου καὶ Θεο]δοσίας
[καὶ Σίνδων κ]αὶ βασιλεύοντος
[Τορετέων, Δαυδ]αρίων, Ψησσῶν.

«Такая-то, дочь Нимфея, посвятила алтарь Артемиде Эфесской, будучи жрицей, при Левконе – архонте Боспора и Феодосии и синдов и царе торетов, дандариев, псессов» (КБН. 6а). Характер начертания букв и содержание надписи позволили издателям КБН отнести ее ко времени правления Левкона I (389/8–349/8 гг. до н.э.).

В 1883 г. в Керчи был найден постамент из серого мрамора, посвященный Эфесии при Перисаде I (344/3–311/10 гг. до н.э.):

[ὁ или ἡ δείνα] Κοιρ[άν]ου ἀνέθηκεν
[ὑπὲρ τῆ]ς θυγατρὸς Ἰτίης Ἀρτέμιδι
Ἐφεσείῃ ἀρχ[οντο]ς Παιρισάδου Βοσπόρου
καὶ Θευδ[οσίας] καὶ βασιλεύοντος
Σίνδ[ων καὶ Μαίτ]ῶν πάντων.

«Такой-то или такая-то, сын (или дочь) Койрана, посвятил(а) за свою дочь Итию Артемиде Эфесской при Перисаде – архонте Боспора и Феодосии и царе синдов...» (КБН. 11).

Существование в Пантикапее культа Артемиды (хотя неизвестно точно, культа Эфесии – или нет) подтверждается находками посвященных ей граффити. Например, это надпись на обломке дна чернолакового сосуда с нижней его стороны, датированная началом IV в. до н.э., которую И.И. Толстой трактовал как 'Αρ|τέ[μι-δος]¹⁹. Можно вспомнить и надпись на обломке поддона чернолакового сосуда IV в. до н.э. – 'Αρτέμι[δος], хотя возможны изменения в падежном окончании – 'Αρτέμι[δι]²⁰.

Вероятно, что храм Артемиды существовал в Пантикапее и позднее, так как на Верхнем Митридатском раскопе в слое III в. н.э. был обнаружен обломок толстой мраморной плиты, на которой сохранилась часть трехстрочной посвятельной надписи царя Фарнака:

[Βασιλ]εὺς βασιλέων
μέ]γας Φαρνάκ[ης
'Αρ]τέμιδι συμ[βώμῳ].

«Царь царей Великий Фарнак Артемиде соалтарной (?)» (перев. В.Д. Блаватского)²¹.

Впрочем, издатели КБН последнее слово восстановили как Συμ[βούλῳ] («Советнице») (КБН. 28). Кроме того, предпочтительнее перевод: «Царь царей Великий, Фарнак, Артемиде Советнице», так как представляется, что слово μέγας должно относиться все же к титулатуре, а не к имени царя, тем более что традиция называть себя «царем великим» исходит уже от Митридата VI Евпатора, который опирался на ахеменидскую традицию²².

Таким образом, мы видим, что количество надежных свидетельств о почитании Артемиды Эфесии в Пантикапее невелико и, основываясь на них, трудно делать какие-либо твердые выводы. Единственное, что следует отметить, это то, что обе посвятельные надписи Эфесии относятся к IV в. до н.э.

Кроме находок в Пантикапее были открыты надписи с посвящениями Эфесии и в других городах Боспора. В Горгии был

¹⁹ Толстой И.И. Указ. соч. № 173.

²⁰ Там же. № 176.

²¹ Блаватский В.Д. Отчет о раскопках... С. 31–32.

²² Ср.: Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 166.

найден обломок прямоугольной плиты из белого мрамора, на лицевой стороне которого сохранились концы строк надписи посвящения Артемиде Эфесии:

---[ιπ]πος
 ----αν
 ['Αρτέ]μιδι
 ['Εφε]σείηι.

«...Артемиде Эфесской» (КБН. 1114).

По характеру начертания букв данная надпись относится ко второй половине IV в. до н.э. Это позволило В.Ф. Гайдукевичу сделать достаточно смелые выводы, что уже в IV в. до н.э. существовали монументальные храмовые сооружения, и в том числе в Горгиипии храм Эфесии²³.

В 1911 г. в Тамани в стене Покровской церкви была обнаружена статуя сидящей богини, на нижнем обрезе ножки кресла которой сохранилась часть надписи, из которой следует, что статуя была посвящена при Перисаде I Артемиде Эфесии некой жрицей, имя которой не сохранилось:

['Η δείνα ἀνέθηκεν] ἄγαλμα ἱερωμένη 'Αρ[τέμιδι 'Εφεσείηι
 ἄρχοντος Παρισάδεος Βο]σπόρου καὶ Θεοδοσίη[ς καὶ βασι-
 λεύοντος Σίνδ]ων καὶ Μαίτ]ῶν πάντων].

«Такая-то будучи жрицей, посвятила статую Артемиде Эфесии при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и меотов» (КБН. 1040).

К сожалению, так как данная надпись была найдена не *in situ*, то невозможно определить и местоположение предполагаемого святилища. В.Ф. Гайдукевич же вообще допускал, что, возможно, в Гермонассе приходится иметь дело с культом Артемиды Агротеры, а не Эфесии²⁴.

Завершив обзор эпиграфики, следует заметить, что на Боспоре встречается и мелкая пластика с изображением Эфесии. Например,

²³ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1948. С. 217; Розанова Н.П. Указ. соч. С. 131; Алексеева Е.М. Культы Горгиипии // СА. 1986. № 4. С. 43; Алексеева Е.М. Античный город Горгиипия. М., 1997. С. 132.

²⁴ Gaidukevič V.F. Das Bosporanische Reich. В., 1971. S. 225.

в Феодосии была найдена миниатюрная копия статуи Артемиды Эфесии²⁵.

Культ Эфесии в Северном Причерноморье засвидетельствован не только в Боспорском царстве. В Ольвии был обнаружен обломок терракоты упрощенно воспроизводящей это же культовое изображение.

Посвятительные граффити VI–V вв. до н.э. указывают на почитание Эфесии в Борисфене и Керкинитиде, но в отличие от Боспорского царства там культ богини не получил развития²⁶.

Исходя из данных археологических и эпиграфических материалов можно предположить, что на Боспоре, начиная уже с VI в. до н.э., существовал культ Артемиды Эфесии. Время его наивысшего расцвета, согласно данным немногочисленных эпиграфических источников, приходится на правление Левкона I и Перисада I, то есть на IV в. до н.э. Конечно, не следует категорично утверждать, что на Боспоре культ Эфесии был так же широко распространен и популярен, скажем, как земледельческие культы или культ Афродиты. Но несомненно, что среди тех ипостасей Артемиды, которые были распространены на Боспоре и известны по lapidary источникам (Советница, Агротера), эпиклеза Эфесия является наиболее популярной.

---

²⁵ *Ustinova Y.* Op. cit. P. 61.

²⁶ *Русяева А.С.* Указ. соч. С. 287; *Кутайсов В.А.* Керкинитиды в античную эпоху. Киев, 2004. С. 85.

М.А. КОТИН (СИМФЕРОПОЛЬ)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ НЕКРОПОЛЯ ДЖУРГ-ОБА (ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ)

В собрании лепной керамики из некрополя Джург-Оба (к северу от античного городища Китей на юго-востоке Европейского Боспора) особое место занимает керамика с художественными элементами. Среди этой керамики можно выделить несколько категорий украшений сосудов: первая категория, наиболее интересная на наш взгляд, – зооморфные ручки; вторая категория – собственно орнаментированная керамика (фрагменты).

Зооморфные ручки. Сосуды с подобными ручками, выполненными в виде животных (подчас весьма схематично), достаточно часто встречаются в памятниках I–V вв. н.э., чаще всего такие ручки имеются на кувшинах и кружках. Эти сосуды с зооморфными ручками характерны для керамики сарматской культуры и представляют значительную группу керамического материала в сарматских памятниках Предкавказья, Северного Прикаспия и Северного Причерноморья.

На позднеантичном некрополе Джург-Оба данная категория находок представлена пятью отделёнными от сосудов фрагментами. Их можно разделить на три группы ручек по роду изображения животного или его трактовки:

1. Ручка в виде собаки.
2. Ручки в виде птицы.
3. Ручки в виде животных, изображенных настолько схематично, что только при внимательном рассмотрении можно увидеть фигуру или же отдельные элементы животного.

Группа 1. Ручка в виде собаки.

Происходит из заполнения склепа № 5¹. Склеп был выявлен и обследован еще в 1928 году Ю.Ю. Марти² и был заново исследован в 2004 г. экспедицией Крымского филиала Института археологии На-

---

¹ Ермолин А.Л. Археологічні дослідження некрополя Джург-Оба (Керч) в 2004 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2005. Вип. 9. С. 130. Рис. 6. 1.

² Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1928–30-х гг.) // МИА. 1959. № 69. С. 228–230.

циональной академии наук Украины, под руководством научного сотрудника А.Л. Ермолина. По обнаруженным в склепе амфорным фрагментам, выполненным, в том числе, из краснолаковой керамики, а также по нумизматическому материалу склеп датируется IV–V вв. н.э.³

Ручка вертикальная, немного изогнутая влево, нижняя часть ее отсутствует. Изображает туловище собаки (лапы отбиты, а задняя часть, как говорилось выше, также отсутствует). Очень хорошо проработана голова с удлиненной пастью и ушами. Голова выполнена настолько детально, что на ней можно рассмотреть глаза и даже ноздри, что очень редко встречается на подобных ручках. Сверху на голове находится небольшой круглый прилеп. На туловище по бокам присутствуют резные углубления – «елочки», которые, по всей видимости, должны означать шерсть собаки (рис. 1, 1).

Изображения собак на сарматских зооморфных ручках составляют особую группу. Две подобные ручки были обнаружены на территории Тиритаки, они датируются I–II вв. н.э.⁴ К этому же времени относятся два скульптурных изображения собак на ручках сосудов из Прикубанья⁵. По мнению Е.Г. Кастанаян, обычай изображать собак на ручках проник к сарматам с Кавказа, где их изображения встречается очень часто⁶.

Группа 2. Ручки в виде птицы.

Первый фрагмент группы обнаружен в склепе № 5, там же, где была обнаружена ручка, изображающая собаку⁷. Ручка маленькая, подпрямоугольной формы, изображает птицу с распушенными крыльями. Хвост птицы немного приподнят вверх, голова отбита. Несмотря на стилизованность изображения, на туловище есть прорисованные полосы, в которых легко усмотреть оперение птицы (рис. 1, 2).

Второй фрагмент – навершие ручки коричневоглиняного сосуда – обнаружен в склепе № 8, раскопанном в 2003 г. и датирован-

³ Ермолин А.Л. Указ. соч. С. 131.

⁴ Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки северо-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 51. Рис. 2.

⁵ Скалон К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода // Труды Отдела Истории Первобытной Культуры. Л., 1941. Т. 1. С. 179, 201.

⁶ Кастанаян Е.Г. Сарматские сосуды из Тиритаки // СА. 1951. 15. С. 225

⁷ Ермолин А. Л. Указ. соч. С. 130. Рис. 6, 2.

ным IV–V вв. н.э.⁸ Птица исполнена весьма реалистично, хорошо проработаны клюв, глаза-налепы и сложенные крылья (рис. 1, 3). Техника изображения этого сосуда объединила в себе традиции гончарного производства сарматов и германцев. Похожие лепные сосуды обнаружены в крымских некрополях IV–V вв. н.э.⁹

Подобная, но не аналогичная, ручка была обнаружена в верхнем слое Тиритаки, включающим римский и средневековый материал¹⁰. Но из-за реалистичности изображения она была датирована Е.Г. Кастанаян I–II вв. н.э. Ручку, аналогичную этой, найденную в ходе раскопок в Кисловодске, приводит К.М. Скалон; она обнаружена в слоях V в. н.э. и датируется этим же временем¹¹. По мнению Е.Г. Кастанаян, изображение животного проходит некую «трансформацию [...] – от реалистических, свойственных первым двум векам н.э., к условным, схематическим, присущим поздне римскому периоду»¹². К.М. Скалон¹³ и В.Б. Виноградов¹⁴ отмечают, что сосуды с довольно реалистичными изображениями животных бытуют в одно и то же время с сосудами, имеющими лишь отдельные элементы животного.

Группа № 3. Ручки сосудов со схематическим изображением животного или отдельных его частей.

Оба фрагмента обнаружены в заполнении погребальной камеры склепа № 4. Склеп выявлен и изучен в 1928 г. Ю.Ю. Марти¹⁵, а при работах в 2002 г. был повторно обследован¹⁶. Датируется серединой IV в. н.э.

⁸ Он же. Археологічні дослідження некрополя Джурґ-Оба (Керч) в 2003 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2004. Вип. 8. С. 19. Рис. 5, 5.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Кастанаян Е.Г. Лепная керамика Боспорских городов. Л., 1981. С. 75. Табл. XXIII, 2.

¹¹ Скалон К.М. Указ. соч. С. 213. Рис. 19.

¹² Кастанаян Е. Г. Сарматские сосуды из Тиритаки. С. 225.

¹³ Скалон К. М. Указ. соч. С. 216.

¹⁴ Виноградов В.Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сборник МГУ. М., 1961. С. 37.

¹⁵ Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. С. 228–229. Рис. 97–99.

¹⁶ Ермолин А. Л. Археологічні дослідження некрополя Джурґ-Оба (Керч) в 2002 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2003. Вип. 7. С. 9.

Первый фрагмент представляет собой, по всей видимости, часть шеи и головы с немного вытянутой пастью какого-то животного. В верхней части головы четко видны рожки или уши¹⁷ (рис. 1, 4).

Второй фрагмент также изображает шею и голову с сосцевидным отростком, схематически напоминающий коня (?) (рис. 1, 5), особенно, если принять во внимание, что на шее имеется изображение стилизованной гривы.

Подобные изображения достаточно часто встречаются на сарматских памятниках и датируются I–IV вв. н.э.¹⁸ В.Б. Виноградов делит их на 4 группы:

1. Сосуды с изображением круглых налепов – глаз.
2. Сосуды, у которых ручки отличаются от простых лишь выступами – ушками, рожками и гривой (как в нашем случае).
3. Керамика, имеющая ручки с сосцевидными выступами в верхней части.
4. Сосуды, объединяющие некоторые из перечисленных признаков.

Оба фрагмента, по всей видимости, относятся ко второй группе схематических изображений по В.Б. Виноградову.

Подводя итоги по данной группе находок, следует указать, что в погребениях некрополя Джург-Оба одновременно встречаются как фрагменты с реалистическими изображениями животных, так и фрагменты, показывающие лишь отдельные элементы животного, которые датируются в пределах IV–V вв. н.э. Этот факт подтверждает мнение, высказанное В.Б. Виноградовым и К.М. Скалон, об одновременности существования обеих групп изображений.

Орнаментированная керамика. Несмотря на свою примитивность, лепная керамика во многих случаях не лишена художественных элементов, выражающихся в стремлении придать некоторую нарядность путем орнаментации отдельных частей сосудов. Это говорит о том, что лепная посуда предназначалась не только для использования ее в качестве кухонной; она выполняла в быту, по-видимому, и более широкие функции как столовая посуда. Основными видами украшений лепной керамики из погребений некрополя Джург-Оба являются прочерченные полосы, нелепы, на-

---

¹⁷ Там же. С. 10. Рис. 10, 8.

¹⁸ Виноградов В.Б. Указ. соч. С. 37.

сечки, а также рельефные выступы. Иногда имеет место сочетание некоторых перечисленных видов орнамента.

Вдавленный орнамент. Данный вид орнамента представлен вдавлениями и насечками, располагающимися на внешней или внутренней стороне венчика и краев сосудов, а также на ручках:

1. Вдавления. Эта группа состоит из 4 фрагментов. Первый фрагмент – венчик миски с каплевидными вдавлениями на внешней части (рис. 1, 6). Венчик происходит из склепа № 7, датируемого IV в. н.э.¹⁹ В этом же склепе была обнаружена ручка с аналогичными вдавлениями на внешней стороне²⁰ (рис. 1, 7). Второй фрагмент – венчик миски с вдавлениями в виде овальных полос, расположенных параллельно друг другу (рис. 1, 8) – найден в склепе № 9, датируемом IV–VI вв. н.э.²¹ Аналогичные полосы были обнаружены на ручке из склепа № 5 (рис. 1, 9) этого же времени²². На курьнице из склепа № 9 (IV–V вв. н.э.), были сделаны параллельные друг другу линзообразные полосы²³.

2. Насечки. Так же, как и вдавления, располагаются на верхней стороне венчика. Насечки обнаружены на двух фрагментах венчиков со стилизованными переплетениями (рис. 1, 10, 11). Оба венчика происходят из склепа № 5²⁴.

Все вышеперечисленные типы орнамента были наиболее распространенными способами украшения посуды различных народов, начиная с эпохи бронзы. Поэтому они не могут являть собой черты, характерные для определенного этноса²⁵.

Рельефный орнамент. Представлен тремя фрагментами. Все они украшены одинаково – маленькими округлыми налестками, располо-

¹⁹ Ермолин А.Л. Археологічні дослідження некрополя Джурґ-Оба (Керч) в 2002 році. С. 33. Рис. 18, 3.

²⁰ Там же. С. 33. Рис. 18, 5.

²¹ Ермолин А.Л. Археологічні дослідження некрополя Джурґ-Оба (Керч) в 2003 році. С. 21. Рис. 7, 57.

²² Он же. Археологічні дослідження некрополя Джурґ-Оба (Керч) в 2004 році. С. 130. Рис. 9, 26.

²³ Там же. С. 21. Рис. 8, 41.

²⁴ Там же. С. 130. Рис. 9, 21; 10, 21.

²⁵ Власов В.П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский Историко-археологический сборник. 1997. Вып. 1. С. 283.

женными в двух случаях на верхнем прилепе ручки (рис. 1, 12, 13), в третьем случае – на внутренней части венчика тарелки²⁶ (рис. 1, 14).

Этот вид орнамента, как и предыдущий, довольно часто использовался разноэтничными племенами, обитавшими на обширных территориях в широком хронологическом диапазоне²⁷.

Резной орнамент. Группа резного орнамента состоит из 5 фрагментов (одной ручки и четырех стенок). Из склепа № 7 происходит три фрагмента с резным орнаментом: ручка с диагональными, параллельными друг другу полосами, находящимися на внешней стороне (рис. 1, 15); фрагмент стенки с резным геометрическим орнаментом, состоящим из двух полос, идущих параллельно венчику, и двух таких же полос чуть ниже. Пространство между этими «поясками» заполнено зигзагами, состоящими из трех параллельных полос. Немного ниже нижнего «пояска» располагаются вертикальные желобки, напоминающие каннелюры²⁸ (рис. 1, 16). Подобными желобками по всему тулову были украшены два кувшина из Пантикапея, относящиеся к IV в. н.э.²⁹ Верхняя часть орнамента – пояски с зигзагами, которые встречаются на Боспоре со II в. н.э.³⁰ Этот орнамент представляет собой как бы возрождение геометрического орнамента IV в. до н.э.

По мнению Е.Г. Кастанаян, подобный вид орнамента держится до конца III в. н.э. Однако этот фрагмент был обнаружен в склепе, датированном IV в. н.э., наличие же вертикальных желобков – каннелюр – свидетельствует о существовании подобного орнамента и в IV в. н.э.

Третий фрагмент из того же склепа представляет собой часть стенки с основанием нижнего прилепа ручки. На нем изображены два кольца, в каждом из которых находятся по несколько колец, одно в одном, а в их центре - точка (рис. 1, 17). Сходные изображения не найдены.

²⁶ Ермолин А.Л. Археологічні дослідження некрополя Джурґ-Оба (Керч) в 2004 році. С. 130. Рис. 6, 3; 9, 14, 24.

²⁷ Власов В.П. Указ. соч. С. 292.

²⁸ Ермолин А.Л. Археологічні дослідження некрополя Джурґ-Оба (Керч) в 2002 році. С. 33. Рис. 18, 4; 19, 19; 20, 19.

²⁹ Кастанаян Е.Г. Художественные элементы в лепной керамике Боспора // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1955. С. 404. Рис. 24.

³⁰ Там же. С. 396. Рис. 130.

Два последних фрагмента стенок обнаружены в склепе № 1, датированном IV–VI вв. н.э.³¹ Обе стенки содержат один и тот же орнамент (рис. 1, 18, 19), что позволяет предположить, что они – от одного сосуда. Орнамент состоит из диагональных полос, штрихующих среднюю, наиболее широкую часть горшка.

Все вышеперечисленные формы резного орнамента бытовали в пределах IV в. н.э. и представляют, по всей видимости, основные тенденции развития резного орнамента в указанное время. Подобные орнаменты находят свои аналогии во многих культурах Северного Причерноморья второй половины III–IV вв. н.э. (черняховская культура, Нижний Дон, памятники типа Озерное-Инкерман, Боспор) и являют собой германские и аланские элементы³².

О принадлежности погребенных к германо-аланскому кругу могут также свидетельствовать зооморфные ручки, которые являются сарматским элементом культуры (а «аланы», как известно, было одним из названий сарматских племен³³). Подобные ручки на сосудах, как уже говорилось, встречаются на памятниках Предкавказья, Северного Прикаспия и Северного Причерноморья с I в. до н.э. вплоть до V в. н.э. (в Северном Причерноморье, а в остальном Крыму они исчезают в IV в. н.э.). Интересно также отметить тот факт, что зооморфные ручки продолжают бытовать в V в. н.э. и еще позднее в аланских памятниках предгорья и горных районов Кавказа, между верховьями Кубани и Терека³⁴, тогда как в аланских памятниках Крыма они в это время уже полностью отсутствуют.

Таким образом, на основании лепного материала некрополя Джург-Оба можно предположить, что в указанный период здесь хоронили представителей германо-аланской группы населения, либо представителей этноса, который так сильно соприкасался с этой группой, что перенял некоторые элементы материальной культуры германо-аланской общности.

---

³¹ Ермолин А.Л. Археологічні дослідження некрополя Джург-Оба (Керч) в 2003 році. С. 15. Рис. 3, 43, 44.

³² Голенко В.К., Юрочин В.Ю., Синько О.Я., Джанов А.В. Рунический камень с г. Опук и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // Древности Боспора. 1999. Вып. 2. С. 95. Рис. 4.

³³ См. напр.: Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995. С. 55.

³⁴ Виноградов В.Б. Указ. соч. С. 45, 46.

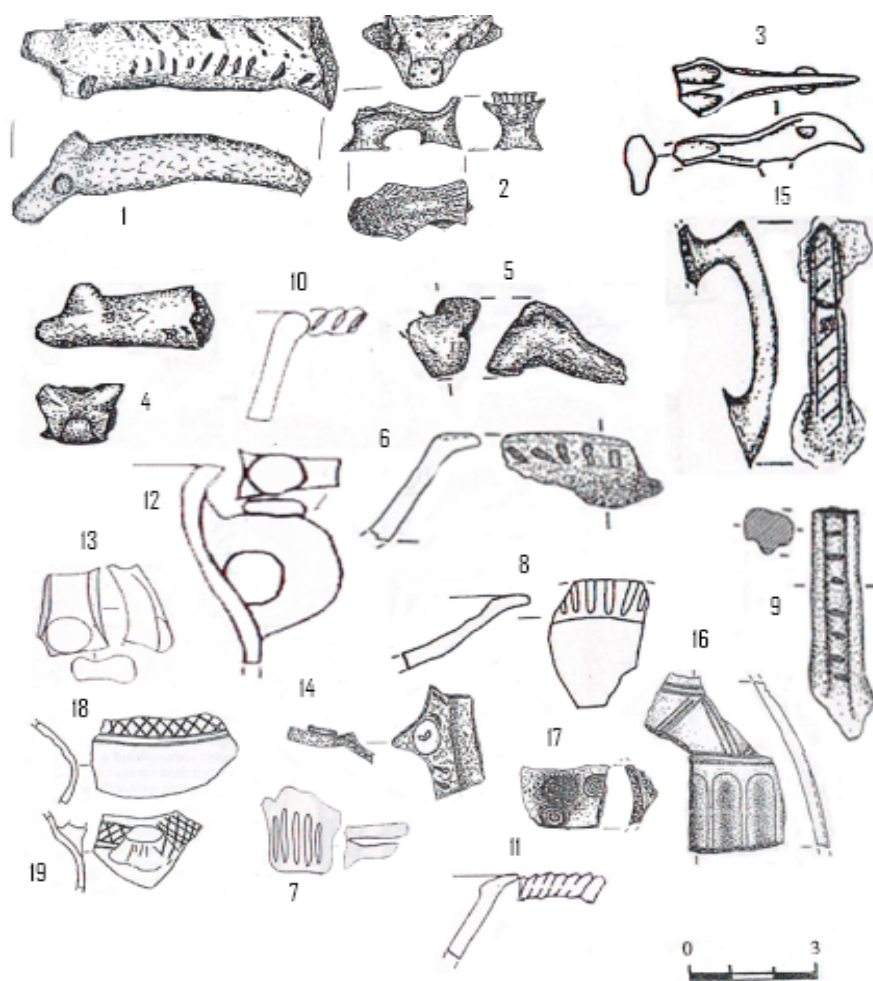

Рис. 1. Зооморфные ручки (1-5). Орнамент: вдавления (6-, 9); насечки (10, 11); рельефный (12, 13, 14); резной (15 - 19)

VARIA IOCOSA

СИНИЦЫН А.А. (САРАТОВ)

МОЙ ДРУГ ДМИТРИЙ САМОСАДНЫЙ

(эстампы воспоминаний о нашей студенческой жизни)

*Какой ни окружай меня ландшафт,
чего бы ни пришлось мне извинять, -
я облик свой не стану изменять.*

И. Бродский «Я памятник воздвиг себе иной...»

Редколлегия сборника на сей раз решила отступить от своих «строгих правил» – опубликовать только научные опыты молодых исследователей – и поместить в юбилейном выпуске «Antiquitas juventae» один художественный опус на античный сюжет. Это сочинение было написано 14 лет назад Дмитрием Борисовичем Самосадным (1970–2003 гг.) – выпускником Саратовского государственного университета, специализировавшимся на кафедре истории древнего мира в начале 1990-х годов. Во вступительной статье я хочу рассказать об авторе, моем друге, слишком рано от нас ушедшем, и о том, когда и по какому поводу был написан рассказ «Дорогой мой Аристотель».

О друге и о нашем студенчестве

Дмитрий Самосадный родился 20 июля 1970 г. в Саратове. В начале 70-х его родители разошлись, и он с матерью переехал в Челябинскую область, в город Златоуст. Там прошли его детство и отрочество. После окончания средней школы в 1987 г. Дима подал документы на физико-математический факультет Самарского (в то время – Куйбышевского) государственного университета, куда он легко поступил, но который оставил после первого курса. «Мне там было совсем не интересно учиться, – вспоминал он, – да к тому же очень хотелось перебраться в Саратов, к отцу и бабушке».

На следующий год – в 1988-ом – Дима поступил на вечернее отделение Саратовского государственного университета. На дневное он не успел в срок подать документы, поскольку приехал из Самары лишь в конце июля, когда отборочные экзамены на дневное отделение уже завершились. Теперь он избрал исторический факультет. Позже я понял, что подобные радикальные перемены

(как, например, эта – из «естественников» в «гуманитарии», т.е. из «физиков» в «лирики») были в духе Д. Самосадного.

С Димой я познакомился в первую неделю учебы в университете. Это случилось в середине сентября 1988 г. на вводной лекции по археологии, которую читал Валерий Григорьевич Миронов. Зачислены мы с Д. Самосадным были в разные группы: он – во вторую, а я – в третью, поэтому встречались только на потоковых курсах и занятиях по немецкому языку, которые у нас вела Светлана Александровна Массина. Сошлись мы быстро. Как и почему именно с ним, с Димкой? Сейчас, спустя более 20 лет, могу и ошибиться, но помню, что тогда меня – вчерашнего советского школьника и убежденного комсомольца – поразили «диссидентские» взгляды Д. Самосадного, которые были не только веянием «моды» (*nota bene* – заканчивались 80-е!), но, как я это понял со временем, являлись неким каноном его социального поведения.

Дмитрий Самосадный представлялся, как тогда говорили, «неформалом». Первые два года университета он ходил с волосами до плеч. Помню, однажды я спросил его:

– Почему ты носишь такие патлы? Ведь ты совсем не следишь за своей прической.

А он ответил:

– Это показатель независимости. Почему, например, зэков или солдат стригут наголо? Неужели ты думаешь, что об их чистоте там заботятся? Нет, дело здесь ни в гигиене, а в том, что бритая голова – признак несвободы. Мои же длинные волосы – это знак моего протеста.

На занятия Дима ходил в плаще из черного кожзаменителя с большими накладными карманами: выдавшая виды отцовская «комиссарка», как он сам называл свой плащ. Что-то необычное было даже в его манере курить: неторопливо, размеренно, «вдумчиво», держа сигарету как-то по-особенному, снизу большим и указательным пальцами. «Наш Максим Горький», – смеялись мы над этой его чудной повадкой.

Вечный скептик и непримиримый спорщик, человек начитанный, думающий, остроумный, он всегда позиционировал себя «инакомыслящим». В Диме было что-то беспокойное, ищущее. В нем жил мятежный дух, молодое бунтарство. Однако бунт его был не явным, воинственным, но *идейным*. «Карл Маркс в молодые годы», – так в ноябре 1988-го я представил Д. Самосадного родителям, когда впервые привел его к себе домой.

Осенью 1988 г. мы вдвоем задумали выпускать независимую газету «Белый лист». Идея принадлежала Диме, и название газеты тоже он придумал. В нашем «издании» я должен был готовить «международные обзоры». Интерес к международной политике у меня проявился в последних классах средней школы. Во второй половине 1980-х мои родители выписывали десятки газет и журналов, в том числе такие популярные в ту пору издания, как «Аргументы и факты» и «За рубежом», которые я регулярно прочитывал; плюс, разумеется, теле- и радиопередачи. Начитанность, как мне тогда казалось, позволяла запросто судить о мировых проблемах современности. Признавал это и Д. Самосадный. Ему оставалось лишь «подкорректировать» мою позицию.

– Взгляд современного историка, Саня, должен быть свободным, не затуманенным старыми советскими штампами, – «прочищал мозги» мне Дима, затуманивая их новыми мифологемами, теперь *антисоветскими*.

В одной из своих статей, подготовленных для «Белого листа» (а всего были напечатаны два моих и три Диминых очерка), я писал о бессмысленности войны в Афганистане и необходимости вывода оттуда наших войск («дружественная миссия» СССР в ДРА была завершена через два месяца, в феврале 1989 г.). Вторая статья была посвящена отношениям Советского Союза со странами «социалистического содружества», в которой я, понятное дело, осуждал советскую оккупацию государств Восточной Европы (Берлинская стена тогда уже «пошатнулась», но что она когда-то рухнет окончательно – этого в конце 1988-го еще невозможно было представить).

Д. Самосадный, помимо того, что был «избранным» редактором газеты, отвечал за освещение внутривосточных проблем «агонизирующего» СССР. В моем личном архиве сохранились две его статьи, написанные для «Белого листа». В первой Дима продемонстрировал, так сказать, «историко-филологический и гиперкритический методы в работе с источником». Он разнес в пух и прах Михалковский текст «Гимна Советского Союза», с его «волей народов», «союзом нерушимым республик свободных», «единым, могучим» и «надежным оплотом» «дружбы народов», «торжеством коммунизма», «солнцем свободы» и проч. Называлось это сочинение «Сплотила навеки Великая Русь?» (в машинописном тексте знак вопроса в заглавии статьи был обведен мною черным фломастером). Вторая статья Д. Самосадного была направлена против «руководящей и направляющей» – тогда коммунистической – партии и

шестой статьи Конституции СССР 1977 года¹. Третий очерк Д. Самосадного разоблачал горбачевский «социализм с человеческим лицом». Но он, к сожалению, не сохранился (здесь я имею в виду, самосадновский очерк).

Время было переломное, годы наши – молодые, и мне жутко хотелось сделать что-то эдакое, значительное, но я еще не знал, в чем смог бы себя проявить. А Дмитрий Самосадный – тогда уже подкованный «диссидент» – задавал установки, ломая мои наивные «совковые» стереотипы. Около месяца мы обсуждали план издания и писали статьи. Главным условием было то, что все материалы должны подаваться «в свободном духе», т.е. остро, смело и, как тогда говорили, «с резкой критикой советской действительности». Для нас это было бунтарством, что соответствовало духу времени. («Теперь уж в это мне ребячество не впасть, но кто б тогда за всеми не повлекся?») Мы были заражены вирусом перестроечных мифологем – «перестройка», «гласность», «свобода слова», «плюрализм» и т.п., – но еще не понимали их разрушительного действия. И свободю горели, и сердца для чести были живы, но мозги оказались запудрены перестроечными лозунгами – бациллой заразной и губительной. На наших глазах распадалась великая держава, и каждый из нас был одержим идеей, будто тоже должен непременно содействовать этому распаду.

Хорошо помню наши споры с Димой, обсуждения написанных текстов, критику статей друг друга и радость, что у нас получается «по-настоящему». После выхода в конце декабря 1988-го первого номера «Белого листа» тиражом всего 5 экземпляров (большее число копий старая печатная машинка моего отца, на которой я печатал наши статьи, увы, не принимала), этот проект был заброшен. К сожалению, ни одного экземпляра этого «провокационного» издания не сохранилось, так сказать, «для истории». Весь тираж – пять листов форматом А3 – мы с Димой развесили на стенах IV-го корпуса СГУ². Но через день все листы были сорваны. Кто это сделал, мы так и не узнали. Возможно, об этом позаботилась администрация истфака (?), но никаких мер по выявлению «провокаторов» с ее

¹ Молодым коллегам, на которых, собственно, и ориентирован настоящий сборник, напомним, что 6 статья Конституции СССР 1977 г. легитимировала однопартийность советской политической системы, ядром которой являлась коммунистическая партия Советского Союза, «существующая для народа и служащая народу».

² Наша старая «четверка» в те времена располагалась в центре Саратова, на площади Революции (ныне – это Театральная площадь).

стороны тогда предпринято не было. А может быть, листы прихватил кто-то из сочувствующих (?), ведь тогда почти каждый был захвачен идеей «виртуальной свободы». Сейчас это кажется смешным, но в то время такие «печатные выходки» могли вызвать интерес у читающей советской публики и могли даже создать некоторые проблемы для бунтарей-«первопечатников». Впоследствии мы с Димой рассказывали об этом друзьям, и всегда вспоминали о своем первом публицистическом опыте как о ребяческой забаве. Хотя, точно помню, что на первом курсе нам самим все это казалось важным и значимым, и лично я тогда всерьез считал, что этим выражаю свою гражданскую позицию. (*O sancta simplicitas!*)

Потом было множество других эфемерных проектов, рожденных мной и моим другом, а чуть позже и присоединившимися к нам однокурсниками – Игорем Авраменко и Олегом Орищенко. С ними мы сошлись с середины второго года обучения на вечернем отделении и уже навсегда стали единой компанией.

После второго курса вечернего отделения мы перевелись на дневное. О. Орищенко и я перешли с потерей года, т.е. снова на второй курс дневного, а И. Авраменко и Д. Самосадный, после того как они сдали значительную разницу в предметах, оказались на курс старше нас – на третьем. В середине сентября 1990 г. мы четверо записались в студенческий семинар профессора Владимира Ивановича Кашеева (в то время еще молодого доцента), который набирал студентов второго курса дневного отделения для специализации по античной истории.

Это был легендарный семинар! Мы встречались дважды в неделю на занятиях по древнегреческому языку (Д. Самосадный был лучшим из нас в знании греческого, что признавали и мы, и сам В.И. Кашеев) и один раз – вечером по средам – на «тематические» занятия. Последние со временем стали называться «Античная среда». Это название было придумано по аналогии с семинаром «Античный понедельник», который был создан профессором Аркадием Семеновичем Шофманом при кафедре истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета. Воспитанник Казанского университета и ученик А.С. Шофмана В.И. Кашеев в течение 9 лет (со времени поступления в КГУ в 1976 г. и до переезда в Саратов в 1985-ом) был участником тамошнего «Понедельника». Принципы шофмановского семинара В.И. Кашеев пе-

ренес на саратовскую почву, создав свой собственный кружок «любителей классических древностей»³.

Четыре года специализации у В.И. Кашеева стали этапом нашего общего взросления, поиском тропинок не только (и даже не столько) в постижении Истории, но поиском путей нашего духовного становления, эпохой самосознания и самоопределения. В семинаре был прочитан (понятное дело, в русских переводах) весь Платон⁴. Диалоги читали по ролям, с жарким обсуждением, делая по ходу чтения наивные комментарии. Нашему обращению к Платону и античному платонизму способствовал и выбор тем участниками семинара (по мифологии, греческой литературе и философии), и нравственный поиск самого В.И. Кашеева, который был тогда в возрасте близком к акмэ. И этот поиск научного руководителя стал созвучен исканиям наших юных умов.

Семестр начинался и завершался «постановкой» древнегреческой драмы. На семинарских занятиях были «сыграны» трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, комедии Аристофана и Плавта. Тексты мы не разучивали, но читали по ролям с листа. После прочтения следовал разбор источника, и тогда каждый участник семинара должен был высказать свое суждение о прочитанном. Факультативно также устраивались коллективные чтения неантичной классики⁵.

Основу занятий составлял критический разбор новой литературы по античной истории, философии и культуре, которая в большом количестве стала издаваться в начале 90-х гг. Главным образом с подачи научного руководителя брались для обсуждения на семинаре сочинения В.С. Соловьева, Ж.-П. Вернана, Ф.Ф. Зелинского, А.Ф. Лосева, М. Блока, Я.Э. Голосовкера, Г.-Г. Гадамера, А.Я. Гуревича, М.К. Мамардашвили и других авторов. Но В.И. Кашеев приветствовал пожелания всех участников семинара.

Д.Е. Луконин, занимавшийся теорией мифа, проработал «Введение в мифологию» Ф.В.Й. Шеллинга и в течение трех семинар-

---

³ В сентябре 2010 года семинару «Античная среда» исполняется 20 лет.

⁴ Как раз в эти годы в серии «Философское наследие» было переиздано собрание сочинений Платона в 4-х томах под общей редакцией А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса и А.А. Тахо-Годи (1990–1994 гг.).

⁵ За рамками аудиторных занятий нами были прочитаны драмы У. Шекспира и А.П. Чехова, «Божественная комедия» Данте, «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина *etc.* На пятом курсе мы вместе слушали и обсуждали тетралогию Рихарда Вагнера «Кольцо нибелунга» (позднее, уже в мои аспирантские годы, с подачи Д.Е. Луконина, были прослушаны все музыкальные драмы Вагнера).

ских занятий пересказал основные положения обширного (и довольно сложного для понимания) вступления к курсу лекций по мифологии великого немецкого мыслителя⁶. Без преувеличения скажу, что это было для всех нас вхождением в философию мифологии. В 1991 году, кажется, во втором семестре третьего курса, Дима Луконин предложил к обсуждению работу А.Ф. Лосева «Диалектика мифа» (незадолго до этого переизданную в серии «Мыслители XX века»), которую мы все вместе читали и разбирали на занятиях «Античной среды». По его же инициативе были прочитаны «Рождение трагедии из духа музыки» и другие работы Фридриха Ницше.

По предложению С.В. Васильева на семинаре обсуждалась небольшая книга Пьера Адо «Плотин, или Простота взгляда»⁷, идеями которой Сергей Васильев тогда увлек всех нас. По желанию нескольких участников семинара (И. Авраменко, О. Орищенко и Н. Чекалиной), занимавшихся философией Платона, обсуждались монографии о Платоне В.Ф. Асмуса, В. Виндельбанда, А.Ф. Лосева, статьи В.С. Соловьева («Жизненная драма Платона»), В.Ф. Эрн («Верхнее постижение Платона») и др. По предложению Д. Самосадного на занятиях «Среды» были прочитаны работы Д. Штрауса и Э. Ренана о жизни Иисуса.

Все групповые чтения сопровождались критическим разбором, замечаниями и жаркими дискуссиями. Каждая из этих встреч была для меня настоящим *событием*! Уверен, что такое ощущение переживали тогда все участники кашеевского спецсеминара. Многие из тех обсуждений мне хорошо памятли до сих пор.

Одной из форм «отчетности» на спецсеминарских занятиях были доклады на *свои* темы. Весной 1992-го научный руководитель предложил мне выступить на заседании семинара. И я начал готовиться к докладу. Собственно, это был даже не научный доклад, а развернутый реферат монографии М.С. Корелина «Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи». Выступление должно было представлять собой «апологию» христианства на основе тех положений, что сформулированы М.С. Корелиным в этой книге. Д. Самосадный вызвался быть моим оппонентом. Это была его идея, и, как ни странно, В.И. Кашеев тогда ее

---

⁶ В 1989 г. в серии «Философское наследие» вышел двухтомник избранных сочинений Фридриха Шеллинга.

⁷ Эта работа была напечатана на русском языке в 1991 г. молодым издательством «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина.

поддержал. Дима намеревался изложить антирелигиозные и антихристианские взгляды, опираясь на совершенно иную по характеру книгу – «Происхождение христианства» Карла Каутского. «Судьей» в этом споре избрали Алексея Мосолкина, а другие участники семинара и научный руководитель являлись активными зрителями разыгрываемого нами агона. В этой борьбе мнений, представленной двумя друзьями и подогреваемой увлеченной аудиторией, победил аргументированный и едкий скепсис Самосадного–Каутского. А позиция «защитников христианства», несмотря на все мои потуги отстоять ее, была признана провальной.

Парадокс выбора позиций в этом театрализованном «суде» заключался в том, что Д. Самосадный писал дипломную работу на тему «Иисус Христос как Человек и Бог». Это было добротное исследование, выполненное на стыке истории, философии, религии и истории религии, с переводами с древнееврейского и классических языков, с хорошим знанием литературы по проблеме⁸. Но дипломная Д. Самосадного не вписывалась в «строгие рамки» категорий работ, которые проходили по профилю нашей кафедры. (Поскольку принято считать, что *настоящие* историки занимаются по преимуществу политической и военной историей.) Помню, что нашему научному руководителю пришлось тогда убеждать заведующего кафедрой истории древнего мира Виктора Николаевича Парфенова, что работа Д. Самосадного может быть допущена к защите «по нашему профилю».

Как я уже сказал, эти годы были периодом поиска самого В.И. Кащеева, что во многом определило круг наших занятий в спецсеминаре. И тематика исследований первого семинара В.И. Кащеева в целом не вписывалась в рамки «строгой» исторической специализации. Она была, скорее, историко-философской или даже культурологической (если использовать модное ныне определение). Поэтому проблемы, которые возникли с темой дипломной у Д. Самосадного, касались фактически всех участников тогдашнего кащеевского спецсеминара. Назову темы других выпускных сочи-

---

⁸ Дипломная работа Д. Самосадного хранилась на кафедре истории древнего мира СГУ. Летом 2003 г., когда по сроку давности (как раз истекло 10 лет со времени защиты) дипломные 1993 года были списаны и подлежали уничтожению, я забрал работу Димы. Теперь она хранится в моем личном архиве. Это 118 страниц текста с приложенным списком использованной литературы из 122 наименований. В исследовании использованы античные и средневековые источники и современные исследования. Текст написан автором от руки мелким убористым (и корявым) почерком.

нений первого состава «Античной среды». И. Авраменко (защита дипломной работы – 1993 г.) – «Представление о смерти и посмертном существовании души у греков (от Гомера до Платона)» и темы дипломных работ выпускников 1994 года: А. Синицын – «Сон и судьба в древнегреческой трагедии (Эсхил и Софокл)», О. Орищенко – «Понятие добродетели у Платона», С. Васильев – «Единое в философии Плотина», Д. Луконин – «Зарождение идей неомифологизма в немецкой историографии начала–середины XIX в.». В том же, 1994-ом, году А. Мосолкин защитил дипломную работу на тему «*Philosophans metu mortis*». На 2 и 3 курсах Алексей Мосолкин посещал «Античную среду» и был тогда одним из вдохновителей наших собраний. Однако из-за идейных разногласий с научным руководителем он покинул семинар в начале четвертого курса и продолжил специализацию на кафедре истории древнего мира под руководством Евгения Владимировича Смыкова.

Защиты дипломов И. Авраменко и Д. Самосадного состоялись 16 июня 1993 года. Обе работы были оценены на «отлично». Сохранился отзыв на работу Д. Самосадного, составленный доцентом Таисией Павловной Кац, которая почти полвека прослужила на кафедре истории древнего мира и была оппонентом десятков (а то и сотен) студенческих дипломов. Т.П. Кац высоко оценила выпускную работу Д. Самосадного. Ее отзыв на две страницы содержит обсуждения и замечания, но главным образом все-таки похвалы в адрес дипломника.

«...Представленное сочинение выходит, и далеко, за рамки даже хорошей дипломной работы – это очевидно... Что отличает автора: недюжинная эрудиция, способность к вдумчивому анализу (от сопоставлений самых широких – эпох и личностей – до кропотливого филологического анализа терминов), знание древних языков..., наконец, что, может быть, самое ценное – исследовательский такт. Не требуется объяснять, что при изучении темы “Человек-Бог” это особенно важно, хотя соблюсти это очень сложно».

Говоря о достоинствах работы Д. Самосадного, Т.П. Кац отметила «умение органично переводить анализ факта в понятие и от понятия идти к факту отличает автора дипломной работы. Такие философские или религиозно-философские категории как “добро”, “вера”, “справедливость”, “нирвана” и т.д. у него не просто называются, но всегда наполнены содержанием: этическим, религиозным, историческим». «Может быть, самые удачные исследователь-

ские находки – это аналогии, которые удивляют неожиданностью и очевидностью одновременно».

Д. Самосадный и впрямь обладал замечательным научным и вообще творческим чутьем. В студенческие годы мы завидовали его способности разбираться в сложных проблемах политики, науки, литературы, искусства и проч. И обо всем он имел *свое* мнение.

Я уже сказал, что бунтарство и протест были в характере моего друга. В обществе людей незнакомых или малознакомых он казался тем, о ком французы говорят *enfant terrible*. Когда в нашей компании появлялся новичок, то он должен был пройти «испытание Самосадным». Во время знакомства Дима всегда вел себя задиристо. Он обязательно отыскивал спорную тему (на почве политики, науки, искусства, – не важно) и принимался «раскручивать» нового знакомого, в особенности, если это был заносчивый и самодовольный тип (встречались и такие). Д. Самосадный одинаково был способен как убедить, так и разубедить своего собеседника. Полемизировать же с ним не хватало духу не то, что у простачка, но даже у человека знающего и со сложившимися взглядами, так что его «жертве» оставалось только недоумевать или негодовать. Диме же нравилось разгромить доводы спорящего «тяжелой артиллерией» своих аргументов и выставить обескураженного собеседника в глупом виде. Эдакий доморощенный Сократ. А кому бы это, в самом деле, могло понравиться? Так вот, много раз я был свидетелем его задиристости. В таких случаях мне иногда приходилось заступаться за друга, если спорщик вдруг оказывался горяч и несдержан, приходилось объяснять недоумевающему новичку, что не стоит так резко реагировать на безобидные самосадновские дерзости. (Димка был человеком задиристым, но не был злобным.) Однако признаюсь, порой и мое терпение лопалось. Так что несколько раз мне самому приходилось осаживать его провокационное хамство радикальным физическим «внушением».

Д. Самосадный был фрондером по духу. На закате советской эпохи (в 1988–1991 гг.) он позиционировал себя демократом «прозападного толка», затем, когда все заговорили о «народовласти» и «плюрализме», он сделался противником «чужеродной» демократии, ярим (в политических суждениях он был пристрастен) антиамериканистом. Потом он стал монархистом, что в начале 1990-х могло показаться «анаколуфом» в политических взглядах. Но Д. Самосадный и тогда спорил и доказывал, что Россия может управляться только с помощью монархической власти. Но эти «убежде-

ния» улетучились, когда все вдруг заговорили о «великомученике Николае» и семье монарха, «невинно убиенной». Когда споры о монархии перестали быть социальной провокацией и казались делом, само собой разумеющимся, Д. Самосадный стал восхвалять режим Сталина. Думаю, что и эта новая симпатия сталинизму была вызвана у него, скорее всего, реакцией отторжения общепринятого мнения.

Дима был самым заметным и самым интересным из нашего круга. Нет, в нашей компании он не казался ни героем, ни лидером, но он был во всем большим оригиналом. Чудак-человек. Всегда сам по себе. Одно слово, *Самосадный*. Поэтому он всегда «не вписывался» в ситуацию и часто смущал окружающих своим поведением. Даже нас, людей, хорошо его знавших, удивляло, когда на лекциях, спецсеминарах или на вечеринках он выступал против, казалось бы, всем известных истин и не соглашался с тем, «как это принято считать».

– А ты приведи свои доказательства, – говорил он всегда, – ты же должен знать сам, чтобы объяснить, когда культурные люди спросят.

Ох уж это насмешливое самосадновское выражение: «когда культурные люди спросят»! Сам-то Дима к таковым себя не относил. Но по складу характера любил упрекнуть этой «провокационной» фразой собеседника, который, прикрывая свое незнание, ссылался на *koinei doxai*. Помню один разговор в общежитии на улице Измайлова, где в студенческие годы жил И. Авраменко, и где мы частенько собирались на наши симпозиумы. И вот Д. Самосадный с ироничной улыбкой рассуждает, пуская табачный дым в потолок:

– Есть две вещи, в которых даже способные люди часто заблуждаются. Во-первых, что большинство всегда право, и, во-вторых, будто для того, чтобы аргументировать свои суждения, обязательно нужны ссылки на непререкаемые авторитеты. Но мы-то понимаем, что это не так. Пришло наше время. Мы уже в том возрасте, когда пора нам самим создавать о себе мифы. А основания для этого есть. Это мы сами.

Рассказывая о своем друге, не могу не вспомнить еще один интересный аспект нашей студенческой жизни. Для того, чтобы воспитать *свой* взгляд на вещи было создано содружество «Тетрофаллия». Это обценное название *à la grec* придумал, опять же, Д. Самосадный. (Он, право, был мастер на всякого рода скабрёзности.) А выдумал он такое название в августе 1991 года, на юге, когда мы втроем (без Олега Орищенко) после археологической практики,

путешествуя по горному Крыму, забрались на Мангуп. Дима тогда даже оставил надпись мелом на стене в мангупских казематах: *TETROPHALLIA*. Вот это был поход с приключениями! Когда-нибудь обязательно надлежит о нем рассказать. Но это уже в другой раз.

Так вот, на протяжении длительного времени (с середины второго до конца четвертого курса университета) мы регулярно собирались вчетвером – И. Авраменко, Д. Самосадный, О. Орищенко и я – на дружеские симпозиумы. Встречались мы для совместных чтений памятников античной литературы и философии, для бесед о политике и искусстве. Правила нашего «союза» были разработаны сообща, а вот форму речей-тостов придумали Д. Самосадный и я. Согласно этим правилам, речи произносились по очереди. Тостующий «оратор» должен был завершать свою речь греческой фразой *logos lelektai pas*, а каждый слушавший его должен был одобрить словами *egō touto homologō* или, напротив, выразить несогласие: *ouch homologō*. На каждом собрании избирался симпозиарх – руководитель застолий, но решения принимались сообща всеми членами «Тетрофаллии».

Эти симпозиумы проходили, как и полагается, за чашей Диониса. Мы устраивали их по очереди на квартире друг у друга. Были встречи и дома у Димы. Он жил в частном доме в Заводском районе на улице Садовой. Точнее, это была половина дома: маленькая двухкомнатная халупа с кухонькой и крошечной верандой. Здесь Дима жил с отцом и бабушкой. Его отец был человеком огромного роста, ироничный, но несколько угрюмый, начитанный, думающий, но так и не нашедший себе применения. Хотя Дима вырос без отца, он очень уважал его и во многом был на него похож (не только внешне). Помню, что его отец сильно пил и был болен в последние годы. Он умер осенью 1997 года, а через полгода, весной 1998-го, умерла и бабушка.

– *Memento mori*, – любил повторять мой друг. И излагал свою теорию причины творчества. – Смерть – штука значительная и *сущностноопределяющая*. Именно потому, что человек знает о своей смерти в будущем, он и стремится к творчеству в настоящем. Ведая о конечности жизни, он желает оставить в вечности частицу себя: потомство, продукты творческой деятельности, память о себе...

В самом Д. Самосадном было что-то трагическое. Он всегда казался неудовлетворенным людьми, миром, но в первую очередь, конечно, собой, своей неприкаянностью. Ведь он так и не нашел

своего дела, так и не определился, к чему себя применить. Работал в нескольких фирмах, одной даже руководил, но для него все это было как будто не всерьез. Он ни за что и ни за кого не держался, ему ничего было не нужно. Дима часто любил повторять защитную для него сократовскую формулу (смысл которой он переиначивал опять же на свой лад):

– Чем меньше нужно человеку, тем ближе он к богам.

От этого недовольства собой была в Д. Самосадном какая-то слабость. Он часто рассуждал о свободе, но не смог научиться управлять своей свободой. Он был силен идеями, но оставался одинок и незащищен.

В последние два года Дима жил один в своем доме на Садовой, доставшемся ему после смерти отца и бабушки. К Дионисовой влaге он был пристрастен в большей степени, чем кто-либо другой в нашей компании. Именно эта неумеренность да еще неумное фрoндерство привели его сначала в тюрьму, а затем к ранней смерти. Д. Самосадный умер утром 1 января 2003 года в возрасте тридцати двух лет.

Ученик и учитель:

рассказ о вымышленном письме Александра Аристотелю

Человек, бесспорно, одаренный, талантливый, Дмитрий Самосадный создал за свою жизнь не очень много. Он ничего не успел опубликовать (разве что считать «публикацией» те статьи для «Белого листа», о которых было сказано выше). Впрочем, по причине своего безвольного отношения к жизни, он не особенно стремился к этому.

Помимо его дипломной работы и двух публицистических очерков, в моем личном архиве хранятся несколько его стихотворений и два небольших рассказа⁹. Один из них называется «Два Иисуса». Это сочинение, написанное от руки, Дима подарил мне летом 1994 года, после того как я окончил университет. Это притча о двух приговоренных: об освобожденном разбойнике Варавве и распятом Спасителе Иисусе Христе. Для характеристики Д. Самосадного показательнo, что эта история изложена автором от имени мятежника и убийцы Вараввы, который, согласно преданию, также

---

⁹ Была еще трагикомедия о Сократе и афинской демократии, отрывки из которой автор читал мне в середине 1990-х. Но этот рассказ не сохранился. После смерти нашего друга при осмотре его дома мы с Игорем Авраменко не обнаружили никаких его сочинений.

носил имя Иисуса. Второй сохранившийся рассказ называется «Дорогой мой Аристотель». Дима сочинил его к моему 25-летию и подарил в день рождения. О мотивах и контексте появления этого рассказа скажу здесь несколько подробнее.

Осенью 1996 года завершился первый год моего обучения в аспирантуре по кафедре истории древнего мира СГУ. Предметом исследования я избрал тему судьбы в древнегреческой историографии и драме. В это время в семинаре В.И. Кащеева мы занимались переводом «Истории» Фукидида и «Царя Эдипа» Софокла. Источники читали небольшими частями с учетом всех доступных нам комментариев. На квартире у научного руководителя мы вдвоем с Владимиром Ивановичем переводили софокловского «Аякса». Самостоятельно я прочитал «Филоктета», которого всегда считал лучшим произведением любимого драматурга, и «Поэтику» Аристотеля (некоторые главы из «Поэтики» мы переводили на факультативных занятиях со студентами Саратовской православной семинарии, где я в то время преподавал классические языки). Итогом этих чтений стали две мои первые статьи о «воспитании трагическим» (совершенно наивные, как я теперь понимаю). Тогда же в семинаре «Античная среда» я сделал несколько докладов о *tyche* в античной историографии и о понятии трагического у Аристотеля.

В середине 1990-х гг. постоянными участниками «Античной среды», ставшей теперь аспирантским семинаром, были Д.Е. Луконин (до сентября 1997 г., когда он сменил специализацию и перешел на кафедру философии) и автор этих строк (до начала 2002-го)¹⁰. В разное время семинар посещали И. Авраменко и В.А. Вилков (оба занимались у В.И. Кащеева в качестве аспирантов-заочников, но оба так и не защитили диссертации), О. Орищенко, а с весны 1999-го в кащеевский кружок вернулся А. Мосолкин.

Д. Самосадный после окончания университета не принимал участия в собраниях «Античной среды». СГУ Дима окончил с красным дипломом и был рекомендован для продолжения учебы в аспирантуре, а его дипломная работа была рекомендована ГАК к публикации. Первым он не воспользовался, да и свое исследование о «Человеке-Боге» не стал дорабатывать. К занятиям наукой (как и ко всему прочему в жизни) он относился будто к игре.

---

¹⁰ Окончив аспирантуру и защитив кандидатскую диссертацию в 1998 г., я продолжал посещать занятия семинара до своего отъезда на стажировку в Санкт-Петербург.

В 1995 г. Д. Самосадный предложил мне заниматься переводами с немецкого (язык он знал хорошо). Вместе мы переводили работы, посвященные древнегреческой трагедии и понятию трагического у Аристотеля (в основном, это были статьи и книги из библиотеки В.И. Кашеева, привезенные им из Германии). Практикуясь в немецком языке, я начитывал литературу по теме моей кандидатской диссертации, а Дима занимался переводами «из чистого интереса», как он сам говорил, «а то ведь, когда культурные люди спросят...».

На «языковые занятия» мы собирались раз в неделю. Встречались у Д. Самосадного. Он тогда был директором фирмы «Джорданс», выполнявшей посреднические функции в сфере поставок лекарств и медицинской техники. В ту пору Дима хорошо зарабатывал, ушел из дома отца и снимал квартиру в центре Саратова, рядом с Сенным рынком. Наши совместные переводы трудов солидных немецких ученых о серьезных проблемах античной культуры сопровождались обсуждениями, спорами. Как мне представляется, из этих обсуждений и родилась идея шуточного сочинения о «трагедии Александра Великого».

Был и еще один мотив, на который указал сам Дима. Я сначала не воспринял его опус как аллюзию на меня и моего научного руководителя. Но Дима, преподнося рассказ в подарок, намекнул на это в своей «поздравительной речи» на дне моего рождения 25 октября 1996 г. Я сейчас уже не помню его тост со всей точностью, но, постараюсь его передать, как завещал один из наших коллег, «держась возможно ближе общего смысла действительно сказанного».

– Аспирант – это временно. Всякий аспирант, Саня, становится в итоге кандидатом наук, но не каждый кандидат наук является настоящим ученым. И закон диалектики творчества заключается в следующем: ученик отрицает своего учителя и лишь тогда его превосходит...

Такую речь тогда произнес Дима (здесь я опускаю высказанные им пожелания). И это было по-самосадновски: созидание есть отрицание и, наоборот, отрицание предшествующего, иного, является созиданием нового, *своего*. Позиция, что ни говори, странная и весьма опасная, если ее перевести из категорий абстрактной риторики в русло живой диалектики. Но Диму было не изменить. Помню, что я чуть было не обиделся на друга за его «провокационный» тост, хотя тогда не мог принять всерьез этот самосадновский намек. В 1996 г. было немыслимо представить, то, что случится через

шесть лет, в середине 2002-го, после моего возвращения с петербургской стажировки.

Вот при таких обстоятельствах мне был подарен рассказ о вымышленном письме Александра своему учителю. Текст набран Д. Самосадным на компьютере и распечатан на четырех листах формата А 4. На первой странице в левом верхнем углу есть посвящение, написанное шариковой ручкой знакомым мелким и корявым почерком: «Моему другу Сане-аспиранту». Ох, уж эта приписка: «аспиранту». Для понимающего, конечно, ясно, что сделана она не без иронии и подтекста.

* * *

Настоящая вступительная статья получилась в три раза больше самого рассказа, который она предваряет. Мне хотелось, чтобы эти эстампы воспоминаний стали мемориальным очерком об истфаковце Д. Самосадном. И его рассказ, публикуемый в этом сборнике, – это лишь малая толика того, что можно сделать в память о друге. Теперь, когда Димы уже давно нет, я осознаю, что самосадновский дух отчасти перешел и на меня, и на каждого из ребят нашей старой студенческой компании. Живы воспоминания о старом друге, некоторые истории из студенческой жизни со временем обросли вымыслами и сделались легендами нашего круга. По-видимому, «настала пора нам самим создавать о себе мифы», как говорил мой друг Дмитрий Самосадный.

ДОРОГОЙ МОЙ АРИСТОТЕЛЬ *

Аристотель прервал свою речь и с досадой взглянул на Александра. Тот лежал, уставившись на учителя, словно он был одним из деревьев в этой чудесной роще.

– Ты опять о чем-то задумался, Александр, – раздраженно сказал Аристотель, – ты ведь меня совсем не слушаешь. Я тут распинаясь о таких художественных приемах в трагедии, как узнавание и перипетии, и встречаю с твоей стороны такое вот отношение.

– Прости, учитель. – Александр наконец осмысленно и виновато посмотрел на раскапризничавшегося философа. – Просто я задумался о том, для чего все это. Иначе говоря, зачем поэты пишут эти самые трагедии, какая в них надобность?

Аристотель улыбнулся и начал объяснять:

– Допустим, Александр, ты завоевал полмира. Что ты будешь делать дальше?

– Завоевывать другую половину, – не задумываясь, ответил Александр.

– Ну, хорошо, – вздохнул Аристотель, – ты завоевал весь мир. Что дальше?

Александр неуверенно произнес:

– Возможно, еще что-нибудь появится, неизвестная страна или народ...

– Нет. – Аристотель решительно пресек все попытки нарушить всю чистоту эксперимента. – В наше время не может быть неизвестных стран и народов. Все давно открыто, описано и изучено. Отвечай по существу!

– Не знаю, – признался Александр, – удавлюсь, наверное, от скуки.

– Вот здесь, Александр, и начинается трагедия. Когда течение жизни переходит, так сказать, в тихое русло, когда наступает тягостная обыденность, когда время словно застывает в покое, происходит нечто такое, что разрушает все это, переворачивает и встряхивает. И как будто из ничего, на пустом месте, возникает трагедия!

---

* Текст подготовлен к публикации канд. ист. наук А.А. Синецыным.

Произнося последнюю фразу, Аристотель возвысил голос и с торжеством посмотрел на задумавшегося Александра.

– А теперь вернемся к нашей беседе.

Он снова начал говорить о художественных приемах, а Александр глядел на него так, словно он был частью горизонта, который скрывался за деревьями.

* * *

Александр, развалившись в одном халате на коврах и подушках, отхлебнул вина из походной фляжки, заел изюмом и вернулся к начатому письму.

Так что, как видишь, дорогой мой Аристотель, живу я хорошо. Из Вавилона пока никуда не собираюсь. После индийского похода нервы уже не те, требуют покоя. А все из-за Пармениона. Напился со своим отрядом и пошел бродить по джунглям, пока не наткнулся на какое-то царство, и, вместо того, чтобы незаметно уйти обратно, объявил им войну. А народ там дикий, сражаться не умеет, правильного построения не знает. В общем, всем головы поотрезали, только Пармениона почему-то отпустили. Лучше бы они себе его взяли. Я, конечно, это царство завоевал, вместе с их слонами и обезьянами, но что-то разнервничался и решил вернуться в столицу, отдохнуть и привести в порядок государственные дела.

Итак, дорогой мой Аристотель, теперь я являюсь, согласно последним данным географии, владыкой всего мира. И, достигнув всего того, о чем я когда-то мечтал, зажил было я спокойной, мирной жизнью, проводя время в размышлениях о благополучии и счастье своих подданных. Но когда я уже решил, что ничто не сможет потревожить моего покоя, произошло ужасное событие. Помнишь, о чем мы с тобой беседовали в тот день, когда отец меня высек за то, что я поджег волосы рабу-эфиопу (это я новое оружие изобретал, руководствуясь последними достижениями натурфилософии, о которых ты мне рассказывал; напиши, кстати, о новейших открытиях в этой области, здесь имеются большие возможности для воплощения самых дерзновенных замыслов)? Все, как ты предсказывал, о Аристотель: когда я приобрел все то, что только может пожелать простой смертный – безграничную власть, несметное богатство, любовь и уважение подданных, о благе которых я неустанно пекусь, покровительство богов, ради угождения которым я творю добро в моих мировых владениях, – в это время у меня случилась настоящая трагедия.

Началось с того, что я обратил внимание, как конюхи, ухаживающие за моим конем Буцефалом, насыпают ему мало овса. Когда я им сделал замечание, они стали оправдываться, что, мол, конь старфый, кормить его нужно полегче, но я по глазам вижу – воруют. Я велел засыпать ему полную кормушку, а на следующий день мне сообщили, что конь заболел – лежит с раздутым брюхом и тяжело дышит. Довели бедное животное проклятые конюхи, поздно я вмешался, недоглядел. Позвал я лучших лекарей, они его долго лечили, пока он не издох. Можешь себе представить, дорогой Аристотель, какое горе меня постигло! Я был так удручен, что даже лекарей не стал наказывать. По здешним обычаям за это положено в ковры заворачивать, но я в таком состоянии не мог думать о мести и простил этих шарлатанов. Велел им только головы отрубить. Не до того мне было. Стоял я возле моего Буцефала и не мог сдержать слез. И мои верные товарищи по оружию стояли рядом и тоже не могли сдержать слез. Я на каждого посмотрел – все плакали. Только Парменион что-то подозрительно отворачивался. Уж не он ли отравил? Но тогда я всего этого не замечал, до того потрясен был своей потерей. Ведь Буцефал был не только моим конем, не только надежным спутником в походах – он был моим другом, его бы я не променял и на тысячу таких, как Парменион.

Как-то раз, помню, вернее, не помню, где именно – то ли в Лидии, то ли в Мидии, но где-то в тех местах, – меня оглушило камнем, пущенным из пращи. Очнулся я в хлеву на Буцефале висющим вниз головой, так как застрял в стремянах, и мой добрый конь вынес меня из сражения, когда, почуввав, что я без сознания, кинулся к своей кормушке. А однажды, в стране саков, он полночи не давал спать всему войску – рвался с привязи, ржал и бился, объелся, видимо какой-то дрянью. И вдруг затих. Я посылаю Пармениона посмотреть, в чем дело, тот еще идти не хотел, ему, видите ли, нужно выспаться перед битвой. Ткнул я его дротиком – пошел. И сразу – тревога. Оказывается, к лагерю подбирались враги. Часовые же перед этим за неимением дров бросали в костер какую-то траву – только через сутки мы их откачали и повесили, – а мудрый Буцефал сразу чужих почуял и присмирел. Мы, македоняне, его после этого как бога почитали, тем более, что я сам являюсь, как ты знаешь, богом, египетским, только названия никак не запомню.

Достойный был конь, надо сказать. Можно упомянуть еще случай, когда один художник нарисовал мой портрет: сизжу я верхом на коне, в натуральную величину, меч наголо – вылитый Ахиллес. После того, как он закончил, я с Буцефалом зашел посмотреть на картину, и он, увидев нарисованного коня, радостно ему заржал. Вот ведь конь, а не хуже любо-

го художника разбирался в живописи. До сих пор не могу привыкнуть к тому, что я его лишился.

Пойми меня, Аристотель, я старался относиться к страданиям по-философски, но все из рук валится. Вчера Парменион сует мне кусок папируса, а я подмахиваю, не читая, а потом только подумал, что может быть, он мне грамоту с отречением подсунул. Доказывай потом, что я из-за коня расстроен был. Ты бы, Аристотель, написал мне что-либо в утешение, ну, как там у вас говорится: «Смерть есть, где нас нет» или что-то вроде этого. Возможно, поможет. И найди там поэта, закажи ему трагедию в память о Буцефале. Я даже сюжет придумал. Как будто было мне предсказание, что мой конь падет от руки перса. Я его, понятное дело, берегу, всяких там носатых как мух от него отгоняю. Но как-то позвал к нему лекаря, а он – персидский шпион. Да еще в сговоре с кем-нибудь, например, с Парменионом. И пусть в конце хор споет, что в горе нельзя терять голову, нужно сохранять самообладание, иначе придется всю жизнь жалеть об этом, как я жалею, что лекарей тогда не допросил. Все бы выложили, голубчики, про Пармениона. Представь себе, Аристотель, здесь на Востоке есть такие мастера в познании истины, – куда до них греческим философам. Если приедешь когда-нибудь, я тебя с ними познакомлю. Я сам видел, как один спартанец в беседе с ними болтал как армянин на базаре – признавался в шпионаже в пользу Аравии (я даже не знаю, где это). А один софист, не поверишь, признал, что его участие в заговоре – абсолютная истина. А ты мне говорил, что софисты отрицают возможность существования какой-либо истины. Ну ничего, Парменион еще свое получит.

Так не забудь о поэте, Аристотель, только выбери получше, научи, чтоб писал как положено – с художественными приемами, узнаваниями и прочими перипетиями. Сюда в Вавилон раньше приезжали поэты, да все либо шпионы, либо заговорщики. Мы их с обрыва сбрасывали, как царя Эгея, я считаю – прекрасная смерть, достойная поэта. Так что скажи поэтам в Греции, чтобы не боялись и приезжали – здесь им будут оказаны почет и уважение.

Еще я хотел бы спросить у тебя, дорогой мой Аристотель, как ты считаешь, уж не прогневались ли на меня боги, позволив умереть? Если это так, то за что, спрашивается, мне такая кара? Ведь я в своей жизни никаких злодеяний не совершал, совесть моя чиста. Может быть я, как Эдип, против своей воли оказался вовлеченным в некое преступление, о котором я и не подозреваю? Ко мне здесь, по местному обычаю, чуть не каждый день новую наложницу приводят. А вдруг какая-нибудь из них –

моя дочь? Неужели я замешан в кровосмесительстве? Вот ужас-то, и ведь у них не спросишь. Одна мне показалась вроде похожей на меня, но тогда я об этом не думал, а сейчас ее уже нет; после свидания со мной всех наложниц топят в Евфрате, это тоже обычай. Я уже распорядился, чтобы сначала с них показания снимали, прежде чем мешок на голову надевать. Решил я пока провести расследование, и если мои догадки подтвердятся, тогда Пармениона крокодилам скормлю, как варвара. Я, знаешь ли, Аристотель, раньше преступников в яму со львами бросал, но после того, как один еврей (он мне сон неправильно истолковал) просидел там со львами десять дней и даже научил их молиться, я перестал бросать туда варваров. Львы – дорогие животные, нечего их молитвами портить. А тогда я заинтересовался, как крокодилы его богу молиться будут, и бросил этого еврея в бассейн. Но эти твари сожрали его вместе с его талмудом. Мне даже обидно стало за греков, ни один не научил львов Зевсу молиться, хотя я всем за это помилование обещал. Напрасно, львы никого еще не послушались – ни философов, ни жрецов, ни ораторов. А евреи еще себя покажут, если со львами могут уживаться, значит нигде не пропадут. Крокодилов я уже неделю не кормлю, пусть Пармениона дождутся. Хотя один египтянин посоветовал мне мурен для этих целей разводить. Что ты об этом думаешь, дорогой мой Аристотель? Посоветуй как ученый, я в ихтиологии плохо разбираюсь.

Но главное, вразуми меня, как богов ублажить. Если сможешь, сходи к Пифии, возьми для меня оракул, да пришли мне вместе со своим истолкованием. Я буду очень признателен. Ведь не за его собственные грехи боги коня покарали, такого, по-моему, не бывает. Да и не мог он кровосмесительства совершить, я его еще жеребенком кастрировал. Вот ведь пишу о нем, а у самого слезы на глаза наворачиваются. Бывало, разнервничаешь после всех этих допросов и казней (знал бы ты, о Аристотель, как утомительны государственные дела, особенно когда стараешься все решать по справедливости, по закону, как должно великому государственному Деятелю), убежишь в конюшню, чтобы с Парменионом не встречаться (я всегда знал, что он Буцефала не любит), подойдешь к своему другу, а он смотрит умными глазами, жует что-то. Как я без него жить буду! Я уже сейчас аппетита лишился, кроме вина, ничего в горло не лезет, и Парменион проходу не дает. Вот такие дела, дорогой мой Аристотель. Сплошная трагедия.

На этом я, пожалуй, закончу, милый мой Аристотель. Надеюсь, что ты найдешь время для того, чтобы выполнить мои просьбы. Никого у меня нынче, кроме тебя, в жизни не осталось. Если тебе понадобится

какое-либо содействие, обращайся к наместнику Македонии, мною даны соответствующие указания.

Твой Александр.

Александр отложил перо, сложил пергамент, запечатал и хлопнул в ладоши. Вошедшему рабу он приказал:

– Позови Пармениона!

Парменион явился скоро, даже чересчур, словно все это время стоял за дверью. Встав перед Александром и опустив глаза, он произнес:

– Что угодно моему повелителю?

Александр протянул ему письмо и сказал усталым тоном:

– Пошли кого-нибудь к Аристотелю. Надоел он мне. Сколько можно твердить всем подряд, что я был его учеником! Оставь у него это письмо, оно отведет подозрения. Все. Иди.

Парменион взял письмо, кивнул и вышел.

Александр, отхлебнув вина и заев изюмом, принялся за другое письмо.

(октябрь 1996 г.)

МОСОЛКИН А.В. (САРАТОВ–МОСКВА)

НЕСКОЛЬКО ПРАКТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ КАК ПИСАТЬ СНОСКИ ¹

Если кто-то осмелится утверждать, что нет ничего более бесполезного, чем сноска, то читатели этой статьи смело могут обличить данного индивидуума в полном невежестве. Возможно, для художественной книги сноски и не имеют великого смысла, но для научной – в полном смысле этого слова! – литературы смысл их первостепенен! Ведь если в романах они так и называются «сноски», то в серьезных работах они уже почетно зовутся «научный аппарат»². Не один год творческих бдений мы посвятили данному вопросу, и то, что на нижеследующих страницах можно прочесть, является плодом бессонных ночей и долгих раздумий, хотя, разумеется, данная тема должна еще иметь своих продолжателей.

Исследователи, посвятившие свою жизнь написанию НА, проходят в своем развитии несколько фаз, которые и осмелимся представить ниже в развернутом виде.

1. Студенты младших курсов полагают, что раз у них есть источники, то они самостоятельно смогут прийти к тем выводам, к которым пришли не только современные зарубежные исследователи, но даже и немецкие филологи-классики XIX в. Поэтому они полностью пренебрегают НА, предъявляя своему оппоненту листы бумаги, исписанные своими собственными домыслами, ничего не оставив в самом низу листа и предоставив тем самым замечательный повод для немилосердных и убийственных насмешек со стороны старших коллег. Сноски, как правило, ставятся в самом конце абзаца.

2. Студенты старших курсов и особенно дипломники уже осознают свои ошибки и стараются сносками не манкировать. Но все это выглядит довольно убого и никак не может воздействовать на маломальского зрителя (зрителя, а не читателя: ведь кто же читает дипломные сочинения?!). НА совершенно любительский: *одна сно-*

---

¹ Данное эссе является расширенным вариантом одной из сносок в статье, которая так и оказалась ненаписанной.

² Этим термином мы и воспользуемся в нашей статье в его сокращенной форме – НА.

ска представляет собой отсылку к *одному* сочинению *одного* автора с указанием единственной страницы, в крайнем случае, указываются несколько страниц подряд, которые обозначаются банальным тире, например: «Иванов И.И. История древнего Рима. С. 15–18». В лучшем случае автор укажет ниже: «Иванов И.И. *Указ. соч.* (выделено курсивом нами – А. М.)» с иным указанием страниц. Но все это дилетантство и низкопробная любительщина! Наиболее талантливые студенты к старшим курсам осваивают написание *там же* и *он же* (в редких случаях – *они же* без разделения рода; в крайне редких – *она же*), но эта куцая атрибутика собственной учености стоит, по сути, немногого: не нужно забывать, что отношение между текстом на одной странице и текстом сноски примерно 15:1, поэтому сильного воздействия от этих слов на практике в настоящее время не наблюдается, равно как никогда зафиксировано не было. Сноски ставятся после предложения. Местоимение «я» больше не употребляется; следует ставить местоимение «мы», что значительно повышает научность работы.

3. Как известно, те студенты, которые не сумели освоить азы оформления сносок, в аспирантуре не остаются. Счастливики же все еще наивно полагают, что достигли высшего мастерства, поэтому открывающиеся перед ними перспективы выглядят как гром с ясного неба. Итак, эту группу можно разделить на три подгруппы:

А) первый год аспирантуры; первая статья. Отмечается рост процентного соотношения сноски и текста статьи, но незначительный. Появляются первые робкие упоминания на иностранном, чаще всего английском языке. Первые случаи указания *двух* работ в *одной* сноске. Автор осмеливается вставлять в текст НА свои первые слова. Напр.: «Иванов И.И. *Указ. соч.* С. 247³, а также см. (курси-

---

³ Лучше писать трехзначные цифры: у оппонента таким образом может сложиться выгодное для вас впечатление, что предыдущие сотни страниц вы *уже прочитали*. Особенно эффектно это выглядит с литературой на иностранных языках: *Smith J. The History of Ancient Rome. P. 567.* Или даже так: *Smith J. Op. cit. P. 678.* Такая сноска на оппонента действует просто деморализующе! Если вам все же нужны именно первые страницы, то следует написать тогда так: *Smith J. Op. cit. P. 99, а также 567.* Разумеется, первая цифра должна быть как можно ближе к сотне, а вторую цифру вы уж придумываете сами наугад. Реальное количество страниц в книге значительной роли не играет. Как уже нетрудно догадаться, лучше писать vol. 12, а не vol. 1; ed. 2, а не ed. 1, ну и так далее.

вом выделено нами – А. М.): Петров П.П. История древней Греции. С. 319».

Б) второй год аспирантуры. Чтение статей своих научных руководителей. Расширение словарного запаса, появляются выражения: *см. также; к сожалению, осталась недоступной работа Иванова И.И. Указ. соч.*⁴ Встречаются первые латинские сокращения, что в целом, согласно различным подсчетам, увеличивает научность работы от 27 до 43 %: *op. cit.; idem; ibidem*⁵; *loc. cit.; s. n.*, etc. Ставятся они чаще всего хаотично, и в их постановке не следует искать пока какой-то рациональности. Количество сносок продолжает увеличиваться, но они не занимают пока на странице даже ее четверти.

В) третий год аспирантуры.

а) первый квартал. Знакомство с английской исследовательской литературой. Количество сносок на странице сокращается до уровня студента старшего курса. Появляются фразы: «Как вероятнее всего следовало бы утверждать на основании того не слишком подтвержденного источниками тезиса, что...».

б) второй квартал. Знакомство с французской исследовательской литературой. Сноски практически исчезают. Пропадают всякие упоминания греческого и латинского текста. Сноски набираются тем же кеглем, что и основной текст. Более того, проявляются признаки научного шовинизма⁶: сноски вновь лишь на русском языке. Отмечается общее улучшение стиля.

в) третий квартал. Знакомство с *Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. Соотношение статьи и сноски наконец-то становится 1 : 5; в сносках появляются пространные рассуждения со сложноподчиненными и сложносочиненными предложениями. Сноски набираются самым мелким кеглем. В изобилии имеются ци-

---

⁴ Не пренебрегайте этим замечательным сокращением *указ. соч.*: что за *соч.*, которое *указ.*, читатель забывает моментально.

⁵ Установить, почему в одних случаях пишут *ibid.*, а в других *ibidem* пока представляется невозможным. Вероятно, следует полагать, что мы имеем дело в данном случае с новой ступенью воздействия пишущего на читающего. Кстати, следует сказать, что необходимо избегать слишком частого употребления этого сокращения: *понятно a priori* и так, что вы все списали с одной книжки, но ведь может сложиться и такое *впечатление!* Поэтому ставьте *ibid.* лишь в крайнем случае.

⁶ Впрочем, о какой научности может идти речь, если сноски практически исчезают?!

таты, греческие и латинские фразы без перевода, ссылки на собственные статьи. Местоимение «я» полностью вытеснено местоимением «мы». Появляются фразы: «как *мы* об этом уже как-то писали», «*нам* представляется бесспорным», «в данном случае *нам* все же следует согласиться с Виламовицем-Мёллендорфом» и пр.

Как это ни странно, но с защитой диссертационной работы степень научности не достигает своего максимума. Кандидат наук начинает осваивать *неразрывные пробелы*. Сначала они ставятся везде кроме н. э., т. д., т. о. и пр. Но постепенно степень научности преодолевается, и пробелы ставятся уже в положенных местах. Следует специально заметить, что это дополнение, равно как и следующее, уже являются характеристикой истинного научного работника. Но точно так же, как человек, лишенный слуха, не отличает Бена Вебстера от Джона Колтрейна, так и аспирант не замечает написание фразы с неразрывным пробелом и без оногo.

Человек высшего ученого мастерства знает, что курсивом выделяются не только имена *авторов* новых сочинений, но и названия античных *opusov*. Рекомендуются выделять еще курсивом и отдельные слова в основном тексте, придавая им тем самым *особый* смысл, который, естественно, не будет понятен вашим читателям, но который наделяет вас в их глазах ореолом великой учености. Тут с легкостью можно отличить дилетанта от истинного Мастера.

Высшим воплощением последней стадии учености является страница, где текст статьи вовсе отсутствует, а все пространство занимает *сноска*. Такое оформление статьи обеспечивает глубочайший пиетет среди коллег, так как ее – тут можно быть абсолютно уверенным – никто читать не будет.

Как вы уже поняли, смысл статьи не имеет ровным счетом никакого значения, и текст может быть совершенно произвольным.

Подводим итоги.

Резюме:

1. Количество сносок прямо пропорционально научности статьи.
2. Минимальное количество предложений в статье – 1, минимальное количество строк статьи над сноской – 1.
3. Ставьте больше сокращений!

4. Если есть выбор: ставить сокращение на русском языке или иностранном, выбирайте иностранный.

5. Если есть выбор: указывать литературу, написанную готическим шрифтом, или же обычным, выбирайте готический.

6. Не ставьте сноски в конце абзаца!

7. Не ставьте несколько раз подряд *там же* или *ibid.*!

8. Номера страниц (томов, изданий и пр.) используемой вами книги указывайте многозначным числом.

САМОХВАЛОВА Н.Е. (МОСКВА)

ЕЩЕ РАЗ¹ К ВОПРОСУ² О ФУНКЦИИ «СНОСКИ»³ И ЕЕ РОЛИ В НАУЧНОЙ РАБОТЕ⁴

В последние годы⁵ в связи с активной научной и издательской деятельностью основных образовательных учреждений нашей страны⁶ для всей антиковедческой общественности все острее и острее встает⁷ вопрос о том, что, собственно, есть «сноска». В обстановке стремительно растущего спроса на исследования в этой области⁸ любая, даже самая элементарная работа, вызовет широкий общественный интерес. Вот почему мы были весьма благодарны народному доценту Саратовского государственного университета, к.и.н. А.В. Мосолкину за предоставление нам возможности ознакомиться⁹ с его готовящейся к печати статьей в интересующей нас

---

¹ Строго говоря, настоящая статья – первое обращение автора к данной теме, но поскольку она является откликом на находящуюся в печати статью саратовского коллеги, любезно предоставленную мне им самим, то такое словопотребление представляется правомочным.

² То, что «сноска» – не просто основной элемент научной работы, но и предмет постоянных научных дискуссий, несомненно. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к статье В.К. Костреева «Сноски: *pro et contra*».

³ Термин «сноска» употребляется в кавычках как расхожее обозначение определенного явления в сфере науки до уточнения точного значения данного термина.

⁴ Статья написана в рамках проекта «Перерыв в работе», № 12-127.

⁵ Речь идет преимущественно о 2005–2008 гг.

⁶ См., например, сборник «*Antiquitas Juventae*», издающийся историческим факультетом СГУ (выпуски за 2005, 2006, 2007 и 2008 гг.).

⁷ Некоторые исследователи считают, что этот вопрос «встает ребром», но мы избежим столь категоричной формулировки.

⁸ Впрочем, отметим откровенно, у широких масс научных работников существует потребность не только в серьезных научных исследованиях, коим как раз является наша работа, но и даже в элементарных пособиях, столь популярных на Западе, которые еще ждут своего переводчика. Приведу названия лишь некоторых из них. Хрестоматийной является недавно обретенная работа Ульриха Виламовица фон Мёллендорфа (с которой, кстати, А.В. Мосолкин явно знаком лишь понаслышке, что происходит, видимо, от незнания языка оригинала. А ведь специалисту, занимающемуся столь глубоким вопросом, как сноски, просто необходимо освещать немецкоязычную литературу в должном объеме!) (“*Der Ursprung des Fussnotes*”, Torheit, 2006). Также хотелось бы упомянуть исследование выдающегося американского ученого Г. Слоукоуча: *Slowcoach G. Footnote in the Present-Day World*. Blether, 1954. Основную библиографию по этому вопросу любознательный читатель найдет в книге: *Pourjade J. L’usage de la note*. Sot-en-Provence, 1984.

⁹ Ознакомление осуществлено при любезной поддержке сети Интернет.

области. Но, изучив предоставленные материалы¹⁰, мы поняли, что не можем остаться в стороне от дискуссии.

Прежде чем перейти к полемике¹¹ с вышеуказанной статьей, необходимо точно дефиницировать, что мы будем в дальнейшем понимать под расхожим термином «сноска». Итак, сноска – это состоящие из букв слова, соединенные в одно или несколько предложений в определенном порядке с определенной целью, при условии наличия особого, свойственного исключительно сноске оформления. Существует несколько классификаций сносок по различным определяющим признакам, но самой распространенной является характеристика *по формальному принципу*. Сноска, таким образом, характеризуется при помощи описания ее расположения в «основном тексте»^{12, 13}.

Вернемся к вышеозначенной статье А.В. Мосолкина. Слабое знакомство автора с темой сквозит уже в количестве сносок в самой статье: оно настолько неприлично¹⁴ мало, если не сказать ничтожно, что мы ограничим себя от называния конкретных цифр. Не лишено, впрочем, смысла предлагаемое в вышеуказанной статье выделение этапов человеческой жизни относительно места, которое в ней занимают сноски. Однако, кажется, что некоторые утверждения А.В. Мосолкина требуют дополнительных доказательств. Так, в четко выстроенной концепции развития начинающего сносколюбца (а именно такой, весьма необходимый современной науке, анализ совершил А.В. Мосолкин, видимо, впрочем, не отдавая себе

¹⁰ См. сноску 1.

¹¹ Ср. греч. ὁ πόλεμος.

¹² Термин «основной текст» употребляется здесь исключительно в силу традиции, только для того, чтобы не сбивать читателя с толку, ибо автор данной статьи глубоко убежден, что если формально и существует противопоставление «основной текст – сноска», то это не более, чем заблуждение, ведь семантическая нагрузка сноски несомненно превосходит по значимости массив так называемого «основного текста».

¹³ Поскольку рассмотрение основных типов сносок не входит в задачу нашей статьи, мы лишь укажем работы, где можно найти важнейшую информацию по этому поводу, причем ограничимся трудами лишь отечественных ученых, как наиболее доступных российскому читателю: *Плотников А.Е.* Основные особенности использования прокелевсматика во фрагменте одной сноски Эсхила (TGF 209376d). М., 2003; *Арийцева К.С.* Сноска как, по сути, в общем, основа классической науки. М., 2006; *Соелкин А.И.* Функциональная роль сноски, или ролевая функция сноски. Сносковая функционально-ролевая модальность. Модальная функцио-сноскальная реальность. М., 2005.

¹⁴ Ср.: *Керлот Хуан Эдуардо.* Словарь символов. М., 1994. С. 187608978.

в этом отчет) наблюдается временный спад, выпадающий на период аспирантуры, после которого следует возвращение к поступательному развитию. Концепция весьма интересна, но в силу своей необычности и даже смелости нуждается, на наш взгляд, в более подробном освещении, которое, как мы надеемся, займет подобающее место в докторской диссертации автора рассматриваемой статьи¹⁵, и в будущем он съест на этом не одну собаку¹⁶.

Перспективной¹⁷ представляется и дальнейшая работа в области разграничения восприятия сноски разными группами людей: студенческо-аспирантской, оппонентско-преподавательской и редакторской¹⁸.

В рамках данной работы у нас нет возможности¹⁹ подробно рассмотреть функции сносок, поэтому ограничимся лишь утверждением, что сноска – важнейший структурный элемент текста любого научного исследования.

В заключение хотелось бы принести извинения, что объем сносок в данной работе всего лишь в два раза превышает объем «основного текста», что связано с недостатком времени в связи с написанием сносок к другой статье.

---

¹⁵ Впрочем, гениальное предложение делать сноску к сноске – предложение, не имеющее аналогов в науке не только отечественной, но и западной, предложение междисциплинарного уровня – заставляет задуматься о присуждении А.В. Мосолкину степени доктора наук *honoris causa*.

¹⁶ *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. М., 1994. С. 225; *Beck H.* Das Ebersignum im Germanischen ein Beitrag zur germanischen Tier-symbolic. В., 1972. S. 1, а также 346892.

¹⁷ См.: *Ашрафян К.З.* Делийский султанат. М., 1958.

¹⁸ На данный момент четкого разграничения по группам в его голове не произошло, и, как следствие, в статье присутствует определенная путаница: с одной стороны, А.В. Мосолкин говорит о том, что сноски предназначены не для читателя, а для зрителя, а с другой стороны, рассуждает о владении так называемой «техникой постановки неразрывного пробела», что представляется несколько нелогичным, не говоря уже о том, что сам термин «неразрывный пробел», несомненно, нуждается в пояснении для неискушенного читателя.

¹⁹ А главное – времени!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА	–	Античный мир и археология. Саратов
ВДИ	–	Вестник древней истории. М.
КБН	–	Корпус боспорских надписей. М.
КСИА	–	Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК	–	Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МНМ	–	Мифы народов мира. Т. 1–2. М.
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск
АЕ	–	L'année épigraphique. P.
АЖАН	–	American Journal of Ancient History. Cambridge (Mass.)
АJPh	–	American Journal of Philology. Baltimore
ANRW	–	Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. В.;N.Y.
ВСН	–	Bulletin de correspondance hellénique. P.
ВСНР	–	Babylonian Chronicles of the Hellenistic Period
САН	–	The Cambridge Ancient History
САН ²	–	The Cambridge Ancient History. 2 nd edition
CIL	–	Corpus Inscriptionum Latinarum / Ed. Th. Mommsen. Berolini
CPh	–	Classical Philology. Chicago
CQ	–	Classical Quarterly. Oxford
CR	–	Classical Review. Oxford
CW	–	The Classical World. Pittsburgh (Pa.)
FGrH	–	Die Fragmente der griechischer Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Berlin; Leiden

- HSCPh – Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge (Mass.)
- ILS – Inscriptiones Latinae selectae. Berolini
- IErythrai – Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai . Bonn
- JHS – The Journal of Hellenic Studies. L.
- JRS – The Journal of Roman Studies. L.
- KP – Der kleine Pauly. Lexicon der Antike / Hrsg. von *K. Ziegler, W. Sontheimer*. Bd. 1-5.
- LIMC – Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich; München, Vol. 1-8.
- OGIS – Orientis Graecae inscriptiones selectae. Vol. 1–2 / Ed. *W. Dittenberger*. Lipsiae, 1903–1905.
- RE – Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von *G. Wissowa*, hrsg. von *W. Kroll*. Stuttgart
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden
- TAP(h)A – Transactions of the American Philological Association. Atlanta
- ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алипов Павел – аспирант, РГГУ (PAIipov@mail.ru).

Науч. рук. – д.и.н., проф. Н.В. Иллерицкая.

Бугаева Наталья – аспирантка, МГУ (cethegilla@hotmail.com).

Науч. рук. – д.и.н., проф. И.Л. Маяк.

Бьчкова Марина – магистрант, СГГУ

Науч. рук. – к.и.н., доц. Е.В. Смыков.

Гуськов Евгений – аспирант, СГУ (ducuntfata@mail.ru).

Науч. рук. – д.и.н., проф. В.Н. Парфёнов.

Клёнышева Наталья – соискатель, ИВИ РАН (arennataly@mail.ru).

Науч. рук. – д.и.н., проф. Л.Л. Кофанов.

Котин Марк – V курс, Таврический Национальный университет им.

В.И. Вернадского (г. Симферополь, АР Крым, Украина).

Науч. рук. – д.и.н., проф. Э.Б. Петрова.

Краснобаева Юлия – аспирантка, МГУ

(juliakrasnobaeva@yahoo.com).

Науч. рук. – к.и.н., доц. Н.Н. Трухина.

Кузьмина Юлия – аспирантка, ИА РАН (Julia_orient@mail.ru).

Науч. рук. – д.и.н., проф. В.Д. Кузнецов

Михайлов Александр – аспирант, СГУ (alx.mikhaylov@gmail.com).

Науч. рук. – д.и.н., проф. В.И. Кащеев.

Михайлова (Смирнова) Татьяна – аспирантка, РГГУ

(robinrobin@mail.ru).

Науч. рук. – д.и.н., проф. Н.В. Брагинская.

Мосолкин Алексей – к.и.н., доцент, МГУ (alexey.mosolkin@mail.ru).

Одинцов Дмитрий – студент, СГУ (ob1kenobi@yandex.ru).

Науч. рук. – к.и.н., доц. Е.В. Смыков.

Самохвалова Наталия – аспирантка, ИВИ РАН

(Natalija-kl@rambler.ru).

Науч. рук. – д.и.н., проф. А.В. Подосинов.

Синицын Александр – к.и.н., доцент, СГУ (aa.sinizin@mail.ru).

Смирнов Святослав – аспирант, ИВИ РАН (SmirnovSV3@yandex.ru).

Науч. рук. – д.и.н., проф. Г.А. Кошеленко.

Шелестин Владимир – V курс, МГУ (Vladimir-Shelestin@yandex.ru).

Науч. рук. – к.и.н., доц. С.С. Соловьёва.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ -----	3
---------------------	---

I. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Бычкова М.А. (Саратов) Ex oriente mythus? (К проблеме ближневосточного влияния на «Теогонию» Гесиода)-----	7
Михайлов А.В. (Саратов) Надпись на гробнице Кира Великого-----	31
Смирнов С.В. (Москва) Демодам и Патрокл – «друзья» Селевка I-----	38

II. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Клёнышева Н.Д. (Липецк) Свадебные обряды в древнем Риме -----	47
Одинцов Д.С. (Саратов) Вопрос границ и союзов во внешней политике Митридата Евпатора до первой войны с Римом -----	61
Бугаева Н.В. (Москва) <i>Expositio consiliorum suorum:</i> таинственный труд Цицерона -----	81
Гуськов Е.А. (Самара) Авл Виргий Марс и проблема количества преторианских когорт в период принципата Августа -----	92

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ

Краснобаева Ю.Е. (Москва) «Служение» в Постановлениях Апостольских -----	103
---	-----

МИХАЙЛОВА (СМИРНОВА) Т.А. (МОСКВА)	
Античные аллюзии и проблема интертекста-----	116
АЛИПОВ П.А. (МОСКВА)	
Интерпретация М. Весом	
творческого наследия М.И. Ростовцева:	
опыт написания «персональной истории» -----	123

IV. VARIA

ШЕЛЕСТИН В.Ю. (МОСКВА)	
Пассаж КВО III 27 ЛС 6-12	
в контексте внешней политики	
древнехеттского царства -----	135
КУЗЬМИНА Ю.Н. (МОСКВА)	
Распространение культа	
Артемиды Эфесской на Боспоре -----	148
КОТИН М.А. (СИМФЕРОПОЛЬ)	
Художественные элементы лепной керамики	
из погребений некрополя Джург-Оба (Восточный Крым) -----	155

V. VARIA IOCOSA

СИНИЦЫН А.А. (САРАТОВ)	
Мой друг Дмитрий Самосадный	
(эстампы воспоминаний о нашей студенческой жизни) -----	164
<u>САМОСАДНЫЙ Д.Б.</u> (САРАТОВ)	
Дорогой мой Аристотель -----	180
МОСОЛКИН А.В. (САРАТОВ–МОСКВА)	
Несколько практических рекомендаций	
как писать «сноски» -----	186
САМОХВАЛОВА Н.Е. (МОСКВА)	
Еще раз к вопросу о функции «сноски»	
и ее роли в научной работе -----	191
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ -----	194
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ-----	196

Научное издание

ANTIQVITAS IVVENTAE

Сборник научных трудов студентов и аспирантов

Под редакцией Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина

Работы изданы в авторской редакции

Художник Е.С. Леус

Ответственные за выпуск *А.В. Мосолкин, Е.В. Смыков, А.А. Сеницын*

Оригинал-макет подготовил *Л.В. Ланник*

Подписано в печать 05.04.10. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Баскервиль+Палатино Линотип+Георгия. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,62 (12,5). Уч.-изд. л. 8,43. Тираж 150.

ООО Издательский Центр «Наука».
410600, Саратов, Пугачевская, 117, к. 50.

ДЛЯ ЗАМЕТОК